

734015

913.47
Ar486z

4v
991

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

913.47

Ar486z

MS

2321.

3/18.

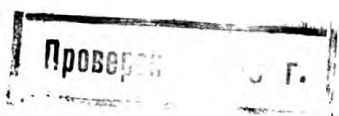
Ф34015

~~9026~~

ЗАНЯТІЯ

ВОСЬМАГО

АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЪЗДА.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ А. ГАТЦУКА, НИКИТСКІЙ БУЛЬВ., СОБСТВЕННЫЙ ДОМЪ.

1890.

902.6(03)

Печатано по распоряженію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Секретарь В. К. Трутовскій.

Уральскій Индустриальн. Ин-тут
ИМ. С. М. КИРОВА
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

№ 1945

913.47
Арх. 1362

З А Н Ъ Т І Ъ

ВОСЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЪЗДА.

1.

Протоколь первого засѣданія Совѣта VIII Археологическаго Съѣзда, 6 января 1890 г., въ помѣщеніи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Предварительнаго Комитета Съѣзда Графини *П. С. Уваровой* (представителя Импер. Московскаго Археологическаго Общества), въ присутствіи Гг. Депутатовъ: Проф. *Д. Н. Анучина* (отъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества), Проф. *В. Б. Антоновича* (отъ Импер. Университета Св. Владиміра), Барона *Ө. А. Бюлера* (отъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностраннхъ Дѣлъ), *Н. Е. Бранденбурга* (отъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія и Археологическаго Института), Проф. *Д. И. Багалъя* (отъ Импер. Харьковскаго Университета и Историко-Филологическаго Общества при Импер. Харьковскомъ Университетѣ), *С. А. Блюкурова* (отъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностраннхъ Дѣлъ), Проф. *Н. И. Веселовскаго* (отъ Импер. С-Петербургскаго Университета), *М. А. Веневитинова* (отъ Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета), *И. А. Голышева* (отъ Владимірскаго Статистическаго Комитета), *А. А. Гоздаво-Голомбѣвскаго* (отъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи и Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи), *Н. Л. Гондатти* (отъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи), *С. І. Домова* (отъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества), Проф. *М. С. Дринова* (отъ Импер. Харьковскаго Университета и Историко-Филологическаго Общества при Импер. Харьковскомъ Университетѣ), *А. А. Дмитріевскаго* (отъ Кіевской Духовной Академіи), *И. Е. Забѣлина* (отъ Импер. Россійскаго Историческаго Музея и Петровскаго Общества изслѣдователей Астрахан-

1*

скаго края), Проф. *В. З. Завитневича* (отъ Кіевской Духовной Академіи и Церковно-Археологическаго Общества при Кіев. Дух. Академіи), *Д. И. Иловайскаго* (отъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Московской Городской Думы), Проф. *Н. Θ. Красносельцева* (отъ Импер. Новороссійскаго Университета), Проф. *А. И. Киртичникова* (отъ Импер. Новороссійскаго Университета и Историко-Филологическаго Общества при Импер. Новор. Унив.), Проф. *Θ. Е. Корша* (отъ Импер. Московскаго Университета), Графа *Н. С. Ланскаго* (отъ Археологическаго Института), *Θ. Θ. Лашкова* (отъ Таврической Ученой Архивной Коммисіи), *Д. П. Лебедева* (отъ Румянцевскаго и Публичнаго Музеевъ и Археологическаго Института), *И. А. Линниченко* (отъ Импер. Московскаго Университета), *А. Н. Львова* (отъ Синодальнаго Архива и Археологическаго Института), Проф. *Н. Н. Любавича* (отъ Импер. Варшавскаго Университета), *В. М. Михайловскаго* (отъ Этнографическаго Отдѣленія Импер. Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи), *П. Н. Милюкова* (отъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества), *И. В. Миловидова* (отъ Костромской Ученой Архивной Коммисіи), *Г. А. Муркоса* (отъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ), Проф. *М. В. Никольскаго* (отъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества), *Н. В. Никитина* (отъ Московскаго Архитектурнаго Общества), *А. В. Орѣшникова* (отъ Московскаго Нумизматическаго Общества и Импер. Московскаго Археологическаго Общества), *А. М. Павлюнова* (отъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества), Проф. *Н. В. Покровскаго* (отъ С.-Петербургской Духовной Академіи и Археологическаго Института), Проф. *А. С. Павлова* (отъ Импер. Московскаго Университета), *А. П. Попова* (отъ Московскаго Архитектурнаго Общества), *И. В. Рождественскаго* (отъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія), *В. И. Сизова* (отъ Импер. Россійскаго Историческаго Музея), *А. В. Семиванова* (отъ Рязанской Ученой Архивной Коммисіи), *А. Θ. Семиванова* (отъ Орловской Ученой Архивной Коммисіи и Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета), Проф. *Н. Θ. Сумцова* (отъ Импер. Харьковскаго Университета и Историко-Филологическаго Общества при Импер. Харьк. Унив.), *С. С. Смуцкаго* (отъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества), *Г. И. Тимошевскаго* (отъ Симферопольской Гим-

назіи), Проф. *Θ. И. Успенскаго* (отъ Импер. Новороссійскаго Университета), *В. А. Уляницкаго* (отъ Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ), *В. И. Холмогорова* (отъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи и Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи), *А. С. Холмскаго* (отъ Московской Городской Думы), *Г. А. Халатьянца* (отъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ), Проф. *А. Н. Шварца* (отъ Импер. Московскаго Университета), Проф. *С. М. Штилевскаго* (отъ Демидовскаго Юридическаго Лицея), *Н. М. Ядринцева* (отъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Русскаго Географическаго Общества) и Секретаря Комитета *В. К. Трутовскаго* (представителя Московскаго Нумизматическаго Общества и Импер. Московскаго Археологическаго Общества).

1. Доложены отношенія различныхъ ученыхъ учреждений и Обществъ о назначеніи представителей какъ на юбилейное засѣданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, такъ и на засѣданія Съѣзда (приложеніе 1-е).

2. Согласно § 12 правилъ Съѣзда приступлено было къ избранію Предсѣдателя Съѣзда. Гг. Депутаты обратились съ коллективной просьбой къ графинѣ П. С. Уваровой принять на себя это званіе; но графиня Уварова, принеся искреннюю и глубокую благодарность Гг. Депутатамъ, просила отклонить отъ нея эту честь. Произведенной затѣмъ баллотировкой, большинствомъ голосовъ, былъ избранъ Предсѣдателемъ Съѣзда Директоръ Импер. Публичной Библіотеки *Аванасій Федоровичъ Бычковъ*.

3. На основаніи § 12 Правилъ Съѣзда произведены выборы 6 членовъ въ Распорядительный Комитетъ Съѣзда. Избранными оказались: Графиня *П. С. Уварова*, *Д. Н. Анучинъ*, *Н. Л. Гондатти*, *А. В. Оршниковъ*, *В. И. Сизовъ* и *А. С. Холмскій*. Сюда же вошелъ, по § 14 Правилъ Съѣзда и Казначей Съѣзда *К. А. Дубинкинъ*.

4. Приступлено къ избранію Секретарей Съѣзда. Въ виду сложности работы по Съѣзду, рѣшено было избрать 2 лицъ и Гг. Депутаты единогласно избрали Секретарями Съѣзда— Секретаря Импер. Москов. Археол. Общества и Предварительнаго Комитета Съѣзда *В. К. Трутовскаго* и Тов. Секретаря Импер. Москов. Археолог. Общества *С. С. Смуцкаго*, съ глубокой благодарностью принявшихъ это избраніе.

5. Гг. Депутаты, раздѣлившись на спеціальныя Коммиссіи,

по числу Отдѣленій Съѣзда, произвели въ каждой Комиссiи выборы Предсѣдателей и Секретарей Отдѣленій. Избранными оказались:

а) — по I Отдѣленію древностей первобытныхъ: Предсѣдателемъ Проф. *Д. Н. Анучинъ*, Секретаремъ *Н. Л. Гондатти*.

б) — по II Отдѣленію древностей историко-географическихъ и этнографическихъ: Предсѣдателемъ Проф. *В. Б. Антоновичъ*, Секретаремъ *П. Н. Милюковъ*.

в) — по III Отдѣленію памятниковъ искусствъ и художествъ. Предсѣдателемъ *И. Е. Забѣлинъ*, Секретаремъ *В. И. Сизовъ*.

г) — по IV Отдѣленію Русскаго быта - домашняго, юридическаго и общественнаго: Предсѣдателемъ Проф. *С. М. Шпилевскій*, Секретаремъ *И. А. Линниченко*.

д) — по V Отдѣленію Памятниковъ церковныхъ: Предсѣдателемъ Проф. *Н. В. Покровскій*, Секретаремъ Проф. *Н. Ѳ. Красносельцевъ*.

е) — по VI Отдѣленію памятниковъ Славяно-русскаго языка письма: Предсѣдателемъ Проф. *А. И. Кирпичниковъ*, Секретаремъ *С. О. Домовъ*.

ж) — по VII Отдѣленію памятниковъ классическихъ, византійскихъ и западно-европейскихъ: Предсѣдателемъ: Проф. *Ѳ. И. Успенскій*, Секретаремъ *А. А. Дмитріевскій*.

з) — по VIII Отдѣленію древностей восточныхъ и языческихъ: Предсѣдателемъ Проф. *Ѳ. Е. Коршъ*. Секретаремъ *М. В. Никольскій*.

и) — по IX Отдѣленію памятниковъ археографическихъ: Предсѣдателемъ: Баронъ *Ѳ. А. Бюлеръ*, Секретаремъ Графъ *Н. С. Ланской*.

6. Образовавшимся, согласно § 18 Правиль Съѣзда, изъ Предсѣдателей и Секретарей Съѣзда и Отдѣленій, Ученымъ Комитетомъ; были произведены выборы Предсѣдателя Ученаго Комитета. Избраннымъ оказался, значительнымъ большинствомъ голосовъ, Проф. *Д. Н. Анучинъ*.

7. Произведенными членами Распорядительнаго Комитета выборами Предсѣдателя Комитета, единогласно была избрана Предсѣдателемъ Графиня *П. С. Уварова*. Избраніе это сопровождалось долго несмолкавшими аплодисментами.

8. Слѣдующее засѣданіе Совѣта Съѣзда было назначено на 7-е Января, въ I дня.

Приложение № 1.

СПИСОКЪ ДЕПУТАТОВЪ.

Отъ Императорской Академіи Наукъ:

Буслаевъ, Ѳедоръ Ивановичъ, — академикъ.

Отъ Императ. Московскаго Университета:

Павловъ, Алексѣй Степановичъ.

Коршъ, Ѳедоръ Евгеніевичъ.

Цвѣтаевъ, Иванъ Владиміровичъ.

Шварцъ, Александръ Николаевичъ.

Миллеръ, Всеволодъ Ѳедоровичъ.

Линниченко, Иванъ Андреевичъ.

Отъ Императ. С.-Петербургскаго Университета:

Хвольсонъ, Даніиль Абрамовичъ.

Ламанскій, Владиміръ Ивановичъ.

Помяловскій, Иванъ Васильевичъ.

Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ.

Карѣевъ, Николай Ивановичъ.

Веселовскій, Николай Ивановичъ.

Отъ Императ. Харьковскаго Университета.

Дриновъ, Маринъ Степановичъ.

Сумцовъ, Николай Ѳедоровичъ.

Багалъй, Дмитрій Ивановичъ.

Отъ Императ. Университета Св. Владиміра:

Фортинскій, Ѳедоръ Яковлевичъ.

Антоновичъ, Владиміръ Бонифатьевичъ.

Лучицкій, Иванъ Васильевичъ.

Флоринскій, Тимофей Дмитріевичъ.
Праховъ, Адрианъ Викторовичъ.
Сонни, Адольфъ Израилевичъ.
Кулаковскій, Юліанъ Андреевичъ.

Отъ Императ. Новороссійскаго Университета.

Модестовъ, Василій Ивановичъ.
Кочубинскій, Александръ Александровичъ.
Успенскій, Ѳедоръ Ивановичъ.
Кирпичниковъ, Александръ Ивановичъ.
Красносельцевъ, Николай Ѳомичъ.
Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ.

Отъ Императ. Варшавскаго Университета:

Будиловичъ, Антонъ Семеновичъ.
Самоковасовъ, Дмитрій Яковлевичъ.
Павинскій, Адольфъ Ивановичъ.
Любовичъ, Николай Николаевичъ.
Цвѣтаевъ, Дмитрій Владиміровичъ.

Отъ Императ. Дерптскаго Университета:

Висковатовъ, Павелъ Александровичъ.
Фонъ-Шредеръ, Леопольдъ Юльевичъ.

Отъ Императ. Казанскаго Университета:

Осокинъ, Николай Алексѣевичъ.
Смирновъ Иванъ Николаевичъ.

Отъ Императ. Финляндскаго Александровскаго Университета:

Д-ръ Доннеръ, Оттонъ.
Гейкель, Аксель Карловичъ.

Отъ Демидовскаго Юридическаго Лицея:

Шпилевскій, Сергѣй Михайловичъ.

Отъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ:

Канановъ, Георгій Ильичъ.
Муркосъ, Георгій Абрамовичъ.
Халатьянцъ, Григорій Абрамовичъ.

Отъ Историко-Филологическаго Общества при Харьковскомъ Университетѣ:

Дриновъ, Маринъ Степановичъ.

Сумцовъ, Николай Ѳедоровичъ.
Багалъй, Дмитрій Ивановичъ.

*Отъ Императ. Общества Истории и Древностей Рос-
сійскихъ при Московскомъ Университетѣ:*

Барсовъ, Ельпидифоръ Васильевичъ.
Карповъ, Геннадій Ѳедоровичъ.
Уляницкій, Владиміръ Антоновичъ.

Отъ Императ. Московскаго Археологическаго Общества:

Уварова, Гр. Прасковья Сергѣевна.
Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ.
Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ.
Слуцкій, Сергѣй Сергѣевичъ.
Иловайскій, Дмитрій Ивановичъ.
Милюковъ, Павелъ Николаевичъ.
Никольскій, Михаилъ Васильевичъ.
Павлиновъ, Андрей Михайловичъ.
Долговъ, Семень Осиповичъ.
Янчукъ, Николай Андреевичъ.
Орѣшниковъ, Алексѣй Васильевичъ.

*Отъ Общества Любителей Древней Письменности въ
С.-Петербурѣ:*

Лопаревъ, Хрисанъ Меѳодіевичъ.
Тихановъ, Павелъ Никитичъ.

*Отъ Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской
Дух. Академіи.*

Завитневичъ, Владиміръ Зеноновичъ.

*Отъ Императ. Православнаго Палестинскаго Обще-
ства въ С.-Петербурѣ:*

Цагарелли, Александръ Антоновичъ.

*Отъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія—
въ Москвѣ:*

Амфилохій, Еп. Угличскій.
Рождественскій, Иванъ Викторовичъ.

*Отъ Императ. Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи.*

Богдановъ, Анатолій Петровичъ.
Миллеръ, Всеволодъ Ѳедоровичъ.

Гондатти, Николай Львовичъ.
Разцвѣтовъ, Александръ Павловичъ.
Зографъ, Николай Юрьевичъ.
Михайловскій, Викторъ Михайловичъ.

Отъ Московскаго Нумизматическаго Общества.

Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ.
Орѣшниковъ, Алексѣй Васильевичъ.
Ушаковъ, Дмитрій Алексѣевичъ.

Отъ Московск. Общества Испытателей Природы.

Соколовъ, Владиміръ Дмитріевичъ.

Отъ Археологическаго Института—въ С.-Петербурб.:

Покровскій, Николай Васильевичъ.
Труворовъ, Аскалонъ Николаевичъ.
Бранденбургъ, Николай Ефимовичъ.
Путятинъ, кн. Павелъ Арсеньевичъ.
Оглоблинъ, Николай Николаевичъ.
Львовъ, Аполлинарій Николаевичъ.
Ланской, гр. Николай Степановичъ.

Отъ Московской Духовной Академіи:

Субботинъ, Николай Ивановичъ.
Голубцовъ, Александръ Петровичъ.

Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи:

Покровскій, Николай Васильевичъ.

Отъ Кіевской Духовной Академіи:

Дмитріевскій, Алексѣй Аѳанасьевичъ.
Завитневичъ, Владиміръ Зеноновичъ (Археол. Общ.
при К. Дух. Акад.).

Отъ Симферопольской Гимназіи:

Тимошевскій, Григорій Ивановичъ.
Ребець, Францъ Яковлевичъ.

Отъ Императ. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей:

Кочубинскій, Александръ Александровичъ.
Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ.
Матвѣевъ, Антонъ Александровичъ.

Отъ Историко-филологическаго Общества—при Императ. Новороссійскомъ Университетѣ:

К и р п и ч н и к о в ъ, Александръ Ивановичъ.

Отъ Рязанской Ученой Архивной Комиссiи:

С е л и в а н о в ъ, Алексѣй Васильевичъ.

Д о б р о л ю б о в ъ, Иванъ Васильевичъ.

Г о р о д ц о в ъ, Василій Алексѣевичъ.

Отъ Императ. Россійскаго Историческаго Музея:

З а б ѣ л и н ъ, Иванъ Егоровичъ.

Щ е р б а т о в ъ, кн. Николай Сергѣевичъ.

С и з о в ъ, Владиміръ Ильичъ.

Отъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей.

Т и т о в ъ, Андрей Александровичъ.

Ш л я к о в ъ, Иванъ Александровичъ.

Отъ Тверскаго Музея:

Ж и з н е в с к і й, Августъ Казимировичъ.

Отъ Главнаго Штаба.

П е т р о в ъ, Андрей Николаевичъ.

Отъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія:

Б р а н д е н б у р г ъ, Николай Ефимовичъ.

Отъ Московской Городской Думы:

А л е к с ѣ е в ъ, Николай Александровичъ.

Г е р ѣ е, Владиміръ Ивановичъ.

И л о в а й с к і й, Дмитрій Ивановичъ.

Х о л м с к і й, Александръ Степановичъ.

Отъ Ярославской Архіерейской Ризницы:

В л а д и м і р ъ, Архимандритъ.

Отъ Воронежскаго Губ. Статистическаго Комитета.

В е н е в е т и н о в ъ, Михаилъ Алексѣевичъ.

С е л и в а н о в ъ, Александръ Ѳедоровичъ.

Ч е б о т а р е в ъ, Василій Ильичъ.

Отъ Пензенскаго Губ. Статистическаго Комитета:

В а с и л е в ъ, Иванъ Ивановичъ.

Отъ Казанскаго Статистич. Комитета:
Осокинъ, Николай Алексѣевичъ.

Отъ Новгородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета:
Ласковскій, Василій Павловичъ.

Отъ Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета:
Голышевъ, Иванъ Александровичъ.

Отъ Витебскаго Губ. Статистическаго Комитета.
Сапуновъ, Алексѣй Парѣеновичъ.

Отъ Феллинскаго Литературнаго Общества.
Вальдманъ Д.

*Отъ Финляндскаго Археологическаго Общества и отъ
Финляндской Археологической Комиссiи.*
Аспелинъ.

Отъ Вѣнскаго Антропологическаго Общества.
Хегеръ Францъ.

Отъ Берлинскаго Антропологическаго Общества:
Д-ръ Гремплеръ.

*Отъ Тверскаго Губернскаго Статистическаго Коми-
тета.*
Жизневскій, Августъ Казиміровичъ.

Отъ Владимірскаго Александро-Невскаго Братства.
Георгіевскій, Василій Тимофѣевичъ.

Отъ Императ. Русскаго Археологическаго Общества.
Бычковъ, Аѳанасій Ѳедоровичъ.
Помяловскій, Иванъ Васильевичъ.
Павловскій, Алексѣй Андреевичъ.

*Отъ Французскаго Общества (споспѣшествованія) по-
ощренія знаній.*
Картальякъ Эмиль.

Отъ Силезскаго Общества Древностей.
Д-ръ Гремплеръ.

*Отъ Петровскаго Общества Измѣдователей Астра-
ханскаго Края:*
Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ.

*Отъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго
Русскаго Географическаго Общества:*
Я д р и н ц е в ъ, Николай Михайловичъ.

Отъ Московскаго Архитектурнаго Общества:
Н и к и т и н ъ, Николай Васильевичъ.
Л е б е д е в ъ, Семень Васильевичъ
П о п о в ъ, Александръ Петровичъ.

Отъ С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ.
С у л т а н о в ъ, Николай Владиміровичъ (Гражд. инж.)

Отъ Московскаго Главнаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ:
Б ю л е р ъ, Баронъ Ѳедоръ Андреевичъ.
Б ѣ л о к у р о в ъ, Сергѣй Алексѣевичъ.

Отъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи:
Х о л м о г о р о в ъ, Василій Ивановичъ.
Г о з д а в о - Г о л о м б і е в с к і й, Александръ Александровичъ.

Отъ Синодальнаго Архива:
Л ь в о в ъ, Аполлинарій Николаевичъ.

Отъ Костром. Ученой Архивной Коммисіи:
М и л о в и д о в ъ, Иванъ Ѳедоровичъ.

Отъ Таврической Ученой Архивной Коммисіи.
Л а ш к о в ъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

Отъ Нижегородской Ученой Архивной Коммисіи.
Г а ц и с к і й, Александръ Серафимовичъ.
К а р е л и н ъ, Андрей Осиповичъ.
М е л ь н и к о в ъ, Андрей Павловичъ.
М е м о р с к і й, Александръ Михайловичъ.
М и р о т в о р ц е в ъ, Аѳанасій Львовичъ.
О в ч и н н и к о в ъ, Михаилъ Васильевичъ.
С а в е л ь е в ъ, Александръ Александровичъ.
Э й н г о р н ъ, Виталій Осиповичъ.

Отъ Орловской Ученой Архивной Коммисіи:
С е л и в а н о в ъ, Александръ Ѳедоровичъ.

Отъ Саратовской Ученой Архивной Коммисіи:
Г о л о м б і е в с к і й, Александръ Александровичъ.

Холмогоровъ, Василій Ивановичъ.
Чекалинь, Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

Отъ Тверской Ученой Коммисіи:

Квашнинъ-Самаринъ Николай Дмитриевичъ.
Колосовъ, Владиміръ Ивановичъ.
Соколовъ, Петръ Павловичъ.
Ивановъ, Иванъ Александровичъ.

*Отъ Французскаго Мин. Нар. Просвѣщенія и Обще-
ства Французскихъ Антикваріевъ:*

Де-Бай, Баронъ.

Отъ Археологическаго Общества въ Шарантъ:

Де-Флери, Графъ Луи.

Отъ Уральскаго Общества Любителей Естествознанія:

Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ
VIII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЪЗДА.

Предсѣдатель Създа.

Бычковъ, Аѳанасій Ѳедоровичъ.

Предсѣдатель Ученаго Комитета.

Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ.

Прим. Ученый Комитетъ составляютъ Предсѣдатели и Секретари Създа и его Отдѣлений.

Предсѣдатель Распорядительнаго Комитета.

Уварова, Графиня Прасковья Сергѣевна.

Члены Комитета:

Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ.

Гондатти, Николай Львовичъ.

Орѣшниковъ, Алексѣй Васильевичъ.

Сизовъ, Владиміръ Ильичъ.

Холмскій, Александръ Степановичъ.

Назначей Създа.

Дубинкинъ, Константинъ Алексѣевичъ.

Секретари Създа.

Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ.

Слуцкій, Сергѣй Сергѣевичъ.

ПРЕДСЪДАТЕЛИ И СЕКРЕТАРИ ОТДЪЛЕНІЙ.

I. Отд. древностей первобытныхъ.

Пред. Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ.

Секр. Гондатти, Николай Львовичъ.

II. Отд. древностей историко-географическихъ и этнографическихъ:

Пред. Антоновичъ, Владиміръ Бонифатьевичъ.

Секр. Милуковъ, Павелъ Николаевичъ.

III. Отд. памятниковъ искусствъ и художествъ:

Пред. Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ.

Секр. Сизовъ, Владиміръ Ильичъ.

IV. Отд. Русскаго быта домашняго, юридическаго и общественнаго:

Пред. Шпилевскій, Сергѣй Михайловичъ.

Секр. Линниченко, Иванъ Андреевичъ.

V. Отд. памятниковъ церковныхъ:

Пред. Покровскій, Николай Васильевичъ.

Секр. Красносельцевъ, Николай Ѳомичъ.

VI. Отд. памятниковъ славяно-русскаго языка и письма:

Пред. Кирпичниковъ, Александръ Ивановичъ.

Секр. Долговъ, Семень Іосифовичъ.

VII. Отд. древностей классическихъ, славяно-византійскихъ и западно-европейскихъ:

Пред. Успенскій, Ѳедоръ Ивановичъ.

Секр. Дмитріевскій, Алексѣй Аванасьевичъ.

VIII. Отд. древностей восточныхъ языческихъ:

Пред. Коршъ, Ѳедоръ Евгениевичъ.

Секр. Никольскій, Михаилъ Васильевичъ.

IX. Отд. памятниковъ археографическихъ:

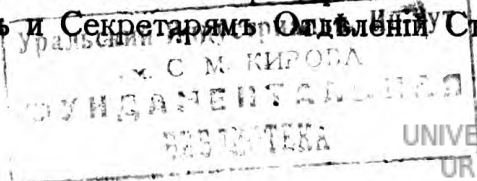
Пред. Бюлеръ, Баронъ Ѳедоръ Андреевичъ.

Секр. Ланской, Графъ Николай Степановичъ.

II.

Протоколь второго засѣданія Совѣта VIII Археологическаго Съѣзда, въ помѣщеніи Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея, 7-го Января 1890 года, подъ предсѣдательствомъ А. Ѡ. Бычкова, въ присутствіи Гг. Депутатовъ: Д. Н. Анучина, В. Б. Антоновича, Д. И. Багалѣя, барона Ѡ. А. Бюлера, С. А. Бѣлокурова, И. А. Вахрамѣева, И. А. Гольшова, М. В. Готовицкаго, С. И. Долгова, А. А. Дмитріевскаго, И. Е. Забѣлина, В. З. Завитневича, Ѡ. Е. Корша, А. И. Кирпичникова, Н. Ѡ. Красносельцева, Ѡ. Ѡ. Лашкова, Д. П. Лебедева, В. П. Ласковскаго, гр. Н. С. Ланскаго, В. М. Михайловскаго, И. В. Миловидова, П. Н. Милюкова, В. О. Миллера, А. П. Незеленова, М. В. Никольскаго, А. В. Орѣшникова, А. И. Павинскаго, Н. В. Покровскаго, А. П. Попова, И. В. Рождественскаго, В. И. Сизова, А. В. Селиванова, С. С. Слуцкаго, А. Ѡ. Селиванова, Д. Я. Самоквасова, М. И. Семевскаго, Н. И. Троицкаго, Ѡ. И. Успенскаго, Ѡ. Я. Фортинскаго, В. И. Холмогорова, А. С. Холмскаго, А. А. Цагарелли, Л. Фонъ-Шредера, С. М. Шпилевскаго, Н. М. Ядринцева, и Секретаря съѣзда В. К. Трутовскаго.

1. Читанъ и подписанъ протоколь предшествовавшаго засѣданія.
2. Обсуждалась и выработана программа юбилейнаго засѣданія.
3. Обсуждалась и выработана программа торжества открытія Съѣзда.
4. Распредѣлены заявленные рефераты и переданы Гг. Предсѣдателямъ и Секретарямъ Отдѣленій Съѣзда.

2

Original from

UNIVERSITY OF ILLINOIS AT
URBANA-CHAMPAIGN

5. Согласно письменнымъ заявленіямъ многихъ депутатовъ провозглашены Почетными Членами Съѣзда:

Московскій Генераль-Губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ,
Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ И. Д. Деляновъ,
Г. Министръ Финансовъ И. А. Вышнеградскій,
Г. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Н. К. Гирсъ,
Г. Московскій Городской Голова Н. А. Алексѣевъ,
Г. Заслуженный профессоръ, академикъ, Ѳ. И. Буслаевъ,
Г. Товарищъ Предсѣдателя Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея И. Е. Забѣлинъ,
Г. Директоръ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ баронъ Ѳ. А. Бюлеръ,
Г. Управляющій Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи Н. А. Поповъ,
Г. Заслуженный Профессоръ Императорскаго Московскаго Университета А. С. Павловъ и
Г. Помощникъ Ректора Императорскаго Московскаго Университета В. О. Ключевскій.

III.

ОТКРЫТІЕ VIII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА.

9 января, въ 2 часа дня, въ специально приспособленной для того одной изъ залъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея, состоялось торжество открытія VIII Археологическаго Съѣзда.

Въ 1½ часа дня въ сосѣдней съ этой залой аванъ-залъ совершено было однимъ изъ старѣйшихъ членовъ Императорскаго Археологическаго Общества, преосвященнымъ Амфилохіемъ, епископомъ Углическимъ, въ сослуженіи архимандрита Владиміра, прибывшаго на Съѣздъ изъ Ярославля, и прочаго духовенства молебствіе, съ возглашеніемъ многолѣтія Ихъ Величествамъ Державному Покровителю Общества Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу, Августѣйшему Почетному Предсѣдателю Съѣзда Великому Князю Сергію Александровичу и членамъ Археологическаго Съѣзда. Молебствіе совершено было предъ древнею иконой Спаса Нерукотвореннаго и двумя новыми иконами, присланными предсѣдателю Импер. Московскаго Археологическаго Общества Графинѣ П. С. Уваровой ко дню юбилея Общества изъ слободы Мстеры, Вязниковскаго уѣзда, „отъ бывшаго крѣпостного крестьянина, нынѣ дѣйствительнаго члена Общества И. А. Голышева“. На одной изображены Св. Несторъ Лѣтописецъ, Св. Алексѣй Митрополитъ и Св. Параскева, на другой одна Св. Параскева. Къ молебствію собрались, кромѣ всѣхъ должностныхъ лицъ, депутатовъ и членовъ Съѣзда (число ихъ достигло 375), высокопреосвященный архіепископъ Савва, московскій генераль-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ,

попечитель учебнаго округа графъ П. А. Капнисть, баронъ
О. А. Бюлеръ, городской голова Н. А. Алексѣевъ и дру-
гія почетныя лица.

Въ 2 часа прибыль Августѣйшій Почетный Предсѣдатель
Съѣзда Великій Князь Сергій Александровичъ съ супругой
Великою Княгиней Елисаветой Ѳеодоровной и свитой Ихъ
Высочествъ, и, занявъ предсѣдательское мѣсто, изволиль
открыть Съѣздъ слѣдующими милостивыми словами:

«Я счастливъ тѣмъ, что могъ пріѣхать и лично от-
крыть съѣздъ. Отъ души желаю полного успѣха съѣзду
въ его трудахъ и дальнѣйшаго процвѣтанія археоло-
гій, такъ какъ она, являясь звеномъ между отдален-
нымъ прошлымъ и настоящимъ, помогаетъ изученію
отечественной исторіи, и всегдашняго развитія этой
науки на славу нашего дорогого отечества».

Рѣчь Его Высочества выслушана была стоя и вызвала
долгія горячія изліянія общаго восторга членовъ съѣзда.

Затѣмъ произнесъ рѣчь предсѣдатель Совѣта Съѣзда, ака-
демикъ А. Ѳ. Бычковъ. Сообщивъ въ началѣ рѣчи, что ми-
нистръ Народнаго Просвѣщенія возложилъ на него пріят-
ную обязанность привѣтствовать отъ лица его Съѣздъ и со-
бравшихся на немъ отечественныхъ и иностранныхъ депу-
татовъ и всѣхъ членовъ съѣзда, А. Ѳ. Бычковъ дальнѣйшую
часть рѣчи посвятиль характеристикѣ значенія археологиче-
скихъ съѣздовъ и закончилъ рѣчь надеждой, что труды VIII
Археологическаго Съѣзда будутъ успѣшны и сослужатъ не
малую службу наукъ.

Послѣ этого представители французскаго министерства
просвѣщенія и Общества французскихъ антикваріевъ (*Société
des Antiquaires de France*) баронъ Де-Бай и археологичес-
кихъ Обществъ южной Франціи графъ Де-Флѣри произ-
несли привѣтственныя рѣчи на французскомъ языкѣ. Ими
отмѣчено было, что связь между русскою и западноевропей-
скою археологіей все крѣпнеть, труды Московскаго Архе-
ологическаго Общества приобрѣтають все большее значеніе,
а значеніе русской науки вообще возрастаетъ, и высказали
въ заключеніе наилучшія пожеланія Съѣзду.

Затѣмъ предсѣдательница Подготовительнаго Комитета
Съѣзда графиня П. С. Уварова прочитала довольно обшир-

ный очеркъ о подготовительныхъ работахъ, о дѣятельности Археологическаго Общества въ послѣднее время и о томъ, какъ создалась Археологическая Выставка.

Слѣдовали привѣтствія депутатовъ Вѣнскаго Антропологическаго Общества и Императорскаго Вѣнскаго Музея Этнографіи Дг. Ф. Хегера, Берлинскаго Антропологическаго Общества и Силезскаго Общества Древностей тайнаго совѣтника Дг. Гремплера, произнесенныя на нѣмецкомъ языкѣ и закончившіяся пожеланіями Съѣзду еще большихъ успѣховъ чѣмъ имѣли прежніе съѣзды.

Отъ Парижскаго Антропологическаго Общества привѣтствіе получено телеграммой отъ президента Лабордъ и представителемъ этого общества на Съѣздѣ назначенъ заслуженный профессоръ Московскаго Университета А. П. Богдановъ, бывший въ августѣ вице-президентомъ международнаго антропологическаго конгресса въ Парижѣ.

По сообщеніи этой телеграммы, на кафедре взошелъ А. П. Богдановъ и, привѣтствуя Съѣздъ отъ лица французскихъ ученыхъ, заявилъ, что на него возложено, частнымъ пока образомъ, порученіе просить графиню П. С. Уварову, достойную представительницу русскихъ археологовъ, принять на себя разработку мысли о созывѣ въ Москвѣ слѣдующаго международнаго антропологическаго конгресса. Указавъ въ концѣ рѣчи, что наканунѣ, въ день торжества 25-ти лѣтняго юбилея Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, въ этой залѣ было соединеніе русскихъ силъ во имя и на пользу науки, а сегодня во имя той же науки происходитъ единеніе ученыхъ представителей разныхъ національностей, А. П. Богдановъ кончилъ рѣчь словами: „не смотря на всѣ раздоры, на всю сумятицу умовъ и разнь народовъ, характеризующихъ наше время, есть что-то такое, что создаетъ и братство между народами—это самоотверженное служеніе наукѣ и ея успѣхи“.

Всѣ рѣчи и привѣтствія, и особенно слова А. П. Богданова, вызывали долгіе аплодисменты.

Послѣднимъ читаль Д. Н. Анучинъ, товарищъ предсѣдателя Археологическаго Общества и предсѣдатель Ученаго Комитета Съѣзда, сообщившій историческій очеркъ русскихъ археологическихъ съѣздовъ.

Послѣ засѣданія Ихъ Высочества, въ сопровожденіи всѣхъ присутствовавшихъ почетныхъ лицъ и членовъ Съѣзда, осма-

тривали Археологическую Выставку, пробыли на ней около часа и отбыли во дворецъ въ 4 часа по полудни.

Въ тотъ же день, въ 6 часовъ вечера, въ Николаевскомъ Дворцѣ, въ Кремлѣ, состоялся обѣдъ, на который были приглашены 75 лицъ изъ прибывшихъ на Съѣздъ депутатовъ и должностнаго состава Съѣзда; во время обѣда, Августѣйшимъ Почетнымъ Предсѣдателемъ Съѣзда былъ провозглашенъ тостъ „за Державнаго Покровителя Московскаго Археологическаго Съѣзда **Его Императорское Величество Государя Императора**“, встрѣченный долго несмолкаемыми, восторженными криками „ура“. Все время обѣда, въ сосѣдней комнатѣ игралъ военный оркестръ и пѣлъ хоръ синодальныхъ пѣвчихъ. Послѣ обѣда, Его Императорскому Высочеству были представлены Предсѣдателемъ Съѣзда А. Ѳ. Бычковымъ, Предсѣдателемъ Ученаго Комитета Съѣзда Проф. Д. Н. Анучинымъ и Секретаремъ Съѣзда В. К. Трутовскимъ всѣ приглашенныя изъ числа членовъ Съѣзда лица.

IV.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ.

VIII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА.

I.

10 ЯНВАРЯ. 11 ЧАС. УТРА.

Отдѣленіе I. Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный Предсѣдатель: Л. Н. Майковъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: В. Б. Антоновичъ.

Секретарь Отдѣленія: П. Н. Милюковъ.

Засѣданіе открылось ровно въ 11 ч., тотчасъ по прибытіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя Съѣзда Великаго Князя Сергія Александровича и Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны.

1. И. Е. Забѣлинъ прочель докладъ „*О древнѣйшемъ поселеніи Москвы*“.

Указавъ, что поселеніе на мѣстѣ Москвы существовало уже въ IX в., какъ видно изъ находки на мѣстѣ храма Христа Спасителя арабской монеты 862 г., референтъ обратился къ изученію причинъ, почему этотъ древнѣйшій поселокъ не только не исчезъ, но и развился въ большой городъ и сдѣлался центромъ могущественнаго государства. Главнѣйшую причину этого И. Е. Забѣлинъ находилъ въ положеніи Москвы на пересѣченіи древнихъ торговыхъ путей: одинъ изъ такихъ путей, по мнѣнію референта, направлялся отъ

Смоленска почти по прямой линіи на Востокъ, къ болгарской ярмаркѣ на Волгѣ; дорога эта шла сперва сухопутьемъ, а затѣмъ по долинѣ Москвы рѣки; чтобы продолжить путь по прямому направленію, надо было съ Москвы рѣки попасть на Клязьму; этотъ переваль или „восхождение“ и совершался по рѣкѣ Сходнѣ, по древнему *Восходнѣ*, впадающей въ Москву рѣку подъ селомъ Тушинымъ. Именемъ Восходни называлось, впрочемъ, не самое русло рѣки, черезчуръ извилистой при устьи, а ея берегъ, на которомъ существовалъ, въ XVI в., монастырь Спаса Преображенія на Всходнѣ, упоминаемый еще въ XIV в.; монастырь этотъ стоялъ собственно далѣе версты отъ р. Сходни, на берегу Москвы рѣки; и его названіе „на Всходнѣ“ показываетъ, что это имя принадлежало цѣлой мѣстности; самая рѣка, въ древности, прозывалась, вѣроятно, *Горедвой*, какъ до сихъ называется притокъ Сходни, болѣе значительный, чѣмъ верховье самой Сходни; Горедва дала свое имя старинному *Горетову стану*, а это названіе характеризуетъ и *юристое* положеніе мѣстности. По этой-то мѣстности и по рѣчкѣ Барашихѣ можно было восходить на русло Сходни, минуя ея устье и сокращая, такимъ образомъ, путь версть на 7; по самому руслу дорога шла отъ мѣстности села Братцева до переволока у села Черкизова. Вся мѣстность между р. Москвой отъ впаденія рѣчки Бани и р. Сходни усѣяна многочисленными курганами, свидѣтельствующими объ особенной населенности этого подмосковнаго угла; тутъ же, внизу Сходни, близъ деревни Петровской, есть древнее городище; въ писцовыхъ книгахъ упоминается пустошь Вышгородъ. Всѣ эти обстоятельства привели референта къ выводу, что въ древнее время именно здѣсь закладывалось основаніе для города Москвы. Въ XV и XVI в. у Спаса на Всходнѣ существовало „мѣсто Войницкое“, принадлежавшее Волоколамской волости Войнич, что опять указываетъ на связь съ новгородскими торговыми путями, такъ какъ Волокъ Ламскій издревне находился въ рукахъ Новгорода. Поворачивая отъ г. Москвы на ю-в., Москва рѣка служила удобнѣйшимъ путемъ и къ низовымъ поселеніямъ; Рязанцы, отправляясь во Владиміръ, почти всегда избирали круговую дорогу черезъ Москву; для нихъ и другихъ низовыхъ жителей, конечно, переваль на Клязьму удобнѣе было дѣлать по р. Яузѣ, не поднимаясь до Сходни.

Д. И. Иловайскій замѣтилъ, что причиной основанія г. Москвы въ *данномъ пунктѣ*, могло служить и то обстоятельство, что въ томъ пунктѣ Москвы рѣки, который находится между храмомъ Спасителя и домомъ Археологическаго Общества, существовалъ *порогъ*, затруднявшій движеніе судовъ. Скопленіе, вслѣдствіе этого, послѣднихъ въ этомъ мѣстѣ и повело къ основанію здѣсь древнѣйшаго населенія. Референтъ не согласился съ этимъ мнѣніемъ, за отсутствіемъ въ указанномъ мѣстѣ слѣдовъ порога и сославшись, между прочимъ, на тотъ фактъ, что въ XVII в. бояринъ Морозовъ проводилъ съ Москвы рѣки большія суда съ рыбой на р. Истру, въ свою вотчину, с. Иславское—на 30 в. выше Москвы.

Н. И. Веселовскій обратилъ вниманіе на происхожденіе слова „*Яуза*“, которое референтъ выводитъ изъ русскаго слова *Азъ, Аза*; по мнѣнію г. Веселовскаго это слово едва-ли не *татарское*: *Яузъ* по татарски означаетъ *сердитый, бурный*.

П. Н. Милоковъ не соглашаясь съ мнѣніемъ г. Веселовскаго, указалъ на финскій характеръ окружающей номенклатуры.

Р. Θ. Брандтъ, основываясь на этимологіи слова „*Яуза*“ замѣтилъ, что, во всякомъ случаѣ оно не можетъ быть славянскимъ.

Г. Рутковскій замѣтилъ, что Москва рѣка образуетъ у Каменнаго моста не порогъ, а *перекатъ*, который въ древности, при ббльшемъ многоводіи рѣкъ не могъ препятствовать судоходству.

По поводу этого было высказано замѣчаніе Д. Н. Анучинымъ, что Олеарій въ первой половинѣ XVII в. встрѣтилъ на Волгѣ, отъ Нижняго до Казани, тѣ-же главные перекаты, что и теперь, которые также составляли значительные препятствія для судоходства. Основываясь на этомъ свидѣтельствѣ, можно допустить, что и перекатъ на Москвѣ-рѣкѣ служилъ издавна важнымъ препятствіемъ, вызывавшимъ перегрузку судовъ, а слѣдовательно и благопріятствовавшимъ образованію здѣсь поселка. Г. Платоновъ замѣтилъ относительно употребленія референтомъ названія *Москвы*—*Москова* въ этомъ видѣ и при указаніи на лѣтописи, тогда какъ это названіе употребляется лишь въ Ипатьевской лѣтописи; вездѣ въ другихъ лѣтописяхъ стоитъ „*Московъ*“.

2. Проф. Д. И. Багалъй, прочелъ докладъ „*Общій очеркъ древностей Харьковской губерніи*“.

Содержаніе этого доклада имѣло цѣлью опровергнуть установленное мнѣніе, что Харьковская губ. въ археологическомъ отношеніи не представляетъ никакого интереса. Референтъ, по предложенію Московскаго Археологическаго Общества, составилъ археологическую карту Харьковской губерніи, куда нанесены были всѣ извѣстные ему памятники древности, — курганы, городища, каменные бабы и т. п. Карта сопровождается объяснительнымъ текстомъ, составленнымъ на основаніи печатныхъ и рукописныхъ источниковъ. Но независимо отъ этой объяснительной записки, представляющей только каталогъ древностей въ ихъ географическомъ распредѣленіи, референтъ рѣшилъ представить вниманію Съѣзда общій очеркъ мѣстныхъ древностей, сдѣлать характеристику важнѣйшихъ видовъ памятниковъ.

Изъ отрывочныхъ данныхъ, разсѣянныхъ въ различныхъ изданіяхъ, оказывается, что въ предѣлахъ Харьковской губ. существовалъ каменный періодъ, который раньше не былъ отмѣченъ. Есть данныя, указывающія и на существованіе бронзовой эпохи, хотя въ очень неопредѣленной формѣ. Сюда, именно, относятся находки *типичныхъ* вещей бронзовой культуры въ Богодуховскомъ уѣздѣ, И. А. Зарѣцкимъ (кельтъ, копье, мечъ, фибулы и т. п.). Референтъ, въ противоположность г. Зарѣцкому, дѣлаетъ различіе между вещами, найденными возлѣ Лихачевки въ песчаныхъ буграхъ и курганахъ: среди первыхъ попадаются болѣе древніе предметы, и типическіе бронзовые найдены именно здѣсь; это была, по его мнѣнію, стоянка. Курганные находки онъ относитъ къ I—III вв. по Р. Х., о чемъ свидѣтельствуетъ и найденная тутъ монета Септимія Севера (кон. II и нач. III в.). Въ полномъ соотвѣтствіи съ находкою этой монеты стоятъ и другія. Всѣ римскія монеты, найденныя въ Харьковской губ., относятся къ первымъ тремъ вѣкамъ по Р. Х. Золотыя вещи, найденныя въ курганахъ г. Зарѣцкимъ (бляшки изъ двухъ колчановъ), по стилю своему могутъ быть отнесены къ скифо-сарматскому періоду.

Всѣ другія монетныя находки относятся уже къ болѣе позднему времени VI—IX вв. и заключаютъ въ себѣ византійскія и арабскія монеты. Имъ соотвѣтствуетъ хазарско-славянорусскій періодъ мѣстной Харьковской жизни, о которомъ свидѣтельствуетъ намъ и исторія, и археологія, и географическая номенклатура.

Нынѣшняя Харьковская губ. въ княжескій періодъ нашей исторіи, представляла изъ себя Украину Чернигово-Сѣверской земли. Здѣсь существовали города; лѣтопись говоритъ о Вырѣ, Вьяханѣ, Панашѣ; здѣсь же былъ знаменитый Донецъ, а также Шарукань, Чешуевъ, Сугровъ и др.

Остатками-то этихъ городовъ являются многочисленныя городища, разсѣянныя теперь въ предѣлахъ Харьковской губ. О многихъ изъ нихъ упоминается уже въ географическихъ памятникахъ XVI—XVII вв. (напр. въ книгѣ Большаго Чертежа). Конечно, не всѣ они относятся къ древнему періоду русской исторіи, — есть и старѣе, есть и моложе. Объ этомъ свидѣлствуютъ и находки, которыя попадались тамъ, и самыя названія ихъ. Одни звучатъ по славянски (Хорошево городище, Кабанье, Зайцево и т. д.), другія не по славянски (Кукуево, Бусовъ яръ, Торчиново); Хозаревское город. указываетъ на прежнихъ хозяевъ той мѣстности — Хозарь. Вообще Тюрки господствовали въ южной части губ. и памятниками пребыванія ихъ здѣсь, нужно думать, являются каменные бабы, которыя распространены почти исключительно въ южныхъ уѣздахъ (Изюмскомъ, Зміевскомъ и др.).

Въ заключеніе референтъ замѣтилъ, что кое-какіе выводы его, быть можетъ окажутся недостаточно убѣдительными и вотъ потому-то, именно, необходимо извлечь изъ земли вещественныя памятники Харьковской старины; это — будущій Харьковскій Археологическій музей.

Проф. Д. Я. Самохваловъ, сообщивъ нѣкоторыя данныя изъ своихъ раскопокъ въ предѣлахъ Харьковской губ., настаивалъ на томъ, что типъ погребенія, встрѣченный имъ въ Старобѣльскомъ уѣздѣ, именно помѣщеніе въ курганахъ глинянаго горшка съ пережженными костями — есть именно тотъ *сѣверянскій* типъ, о которомъ говоритъ лѣтописецъ въ извѣстныхъ словахъ: „мертвеца сожжаю и посею, собравше кости, вложу въ судину малу и поставлю на столпъ и т. д.“

На это референтъ замѣтилъ, что этотъ типъ погребенія, *сѣверянскій*, дѣйствительно долженъ былъ бы встрѣчаться въ Харьковской губ., но что въ произведенныхъ имъ и извѣстныхъ ему раскопкахъ нѣтъ доказательствъ принадлежности ихъ сѣверянамъ. Въ Кромскомъ уѣздѣ онъ нашелъ типъ, подходящий къ сѣверянскому — горшки —, но не рѣшается приписать его сѣверянамъ; такой типъ, по мнѣнію референта

долженъ былъ существовать у *половцевъ*, по крайней мѣрѣ онъ встрѣчалъ его въ курганахъ съ каменными бабами. На вопросъ Проф. Самоквасова, признаетъ ли проф. Багалъй указанный имъ типъ половецкимъ, послѣдній сказалъ, что онъ хотѣлъ лишь замѣтить, что эти курганы (съ каменными бабами) не могутъ быть отнесены къ сѣверянамъ.

Проф. Д. Н. Анучинъ обратилъ вниманіе на г. Зарѣцкаго, раскопками котораго пользовался референтъ, замѣтивъ, что г. Зарѣцкій представляетъ собою лучший типъ мѣстнаго изслѣдователя по той акуратности и осторожности, съ которыми онъ производитъ свои раскопки, по тщательности и лёгкости вѣдомаго имъ журнала раскопокъ и по тому, какъ онъ относится къ необходимымъ предметамъ.

За позднимъ временемъ, третій докладъ, Проф. Д. Я. Самоквасова „*О происхожденіи кладовъ римскихъ монетъ, находимыхъ въ области центральной Европы*“ былъ отложенъ до слѣдующаго засѣданія отдѣленія.

Послѣ засѣданія Ихъ Императорскія Высочества осматривали Выставку Съѣзда въ сопровожденіи всѣхъ должностныхъ лицъ и членовъ съѣзда.

Въ тотъ же день, въ 6 час. веч. въ Николаевскомъ Дворцѣ состоялся второй обѣдъ, на который были приглашены 80 лицъ изъ числа Депутатовъ и членовъ Съѣзда. Послѣ обѣда всѣ эти лица были тоже представлены Его Императорскому Высочеству Августѣйшему Почетному Предсѣдателю Съѣзда.

---

11 ЯНВАРЯ. УТРОМЪ.

Отдѣленіе V. Древности церковныя.

Почетный предсѣдатель: Высокопреосвященный Савва, Архіепископъ Тверской.

Предсѣдатель Отдѣленія: Проф. Н. В. Покровскій.

Секретарь Отдѣленія Проф. Н. Э. Красносельцевъ.

Засѣданіе открылось ровно въ 11 часовъ тотчасъ по прибытіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя Съѣзда Великаго Князя Сергія Александровича и Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны.

1. Проф. Н. В. Покровскій прочелъ рефератъ: *О задачахъ и пріемахъ изученія Евангельской иконографіи.*

Рефератъ этотъ представляетъ собой извлеченіе изъ введенія къ обширному изслѣдованію г. Покровскаго: *Евангеліе въ памятникахъ иконографіи Византійской и Русской.* Для составленія этого изслѣдованія референтъ воспользовался матеріаломъ, хранящимся въ русскихъ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ древностей; съ этою же цѣлю онъ посѣтилъ Константинополь, Солунь, Аѳины, Римъ, Парижъ и др. пункты, гдѣ хранятся памятники византійской иконографіи. Результаты этихъ наблюденій будутъ изложены подробно въ вышеупомянутомъ сочиненіи, уже приготовленномъ къ печати. Въ прочитанномъ рефератѣ профессоръ Покровскій уяснилъ важнѣйшіе моменты въ историческомъ развитіи евангельской иконографіи, начиная отъ первыхъ вѣковъ христіанства до XVII вѣка, какъ показатели усилій человѣческой мысли подняться на высоту Евангелія и выразить всю глубину и широту его содержанія въ конкретныхъ художественныхъ формахъ. Рѣшеніе этой задачи предполагаетъ, во первыхъ, предварительное изученіе всѣхъ важнѣйшихъ памятниковъ древней иконографіи разсѣянныхъ повсюду; во вторыхъ—классификацію иконографическихъ сюжетовъ; возможность и цѣлесообразность послѣдней вытекаетъ изъ основныхъ началъ византійской иконографіи: устойчивость и

опредѣленность формъ составляютъ ея неотъемлемыя свойства. Въ ея внутреннемъ содержаніи проходятъ тѣ же самыя черты что и въ памятникахъ древней византійско-русской письменности; отсюда необходимость ихъ совмѣстнаго изученія. Въ заключеніе референтъ указалъ на археологическую выставку Съѣзда, какъ на блестящее доказательство того, съ какимъ живымъ интересомъ и уваженіемъ относились наши предки къ религіозному искусству; а это возлагаетъ на насъ долгъ почтить серіознымъ вниманіемъ одно изъ главнѣйшихъ проявленій древне-русской мысли и чувства. Когда наши собранія древностей перестанутъ быть предметомъ одного только любопытства и станутъ въ рядъ источниковъ историческихъ, тогда только мы узнаемъ ихъ настоящую цѣну.

Проф. В. З. Завитневичъ. — *О крестъ которымъ, по словамъ находящейся на немъ надписи, благословилъ Преподобный Сергій великаго князя Дмитрія на борьбу съ Мамаемъ.* Крестъ представленъ былъ на разсмотрѣніе Съѣзда.

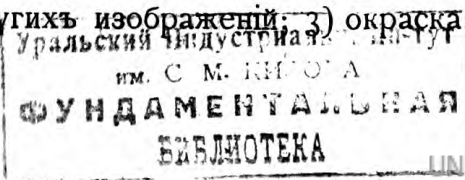
25 ноября позапрошлаго года въ церковно-археологическій музей при Кіевской Духовной Академіи отъ имени Елены Петровны Демидовой, княгини Санъ-Донато, поступила богатая коллекція церковно-археологическихъ предметовъ, между которыми особенное вниманіе обращаетъ на себя деревянный въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ крестъ, на лицевой сторонѣ котораго находится слѣдующая надпись: *„Симъ крестомъ благословилъ преподобный игумень Сергій князя Дмитрія на погана царя Мамаю и рекъ: симъ побѣждай врага. Въ мѣсто 1380 августа 27 дня.“* Вѣсть объ этомъ открытіи быстро облетѣла всю Россію благодаря печати; появились фотографическіе снимки со креста и спеціальныя брошюры, изъ которыхъ одна принадлежитъ самому референту, другая же—Н. Леонардову. Въ обѣихъ брошюрахъ разсматривается вопросъ о подлинности креста, и оба автора приходятъ къ убѣжденію, что настоящій крестъ есть именно тотъ, которымъ Преподобный Сергій благословилъ великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго на борьбу съ Мамаемъ. Представленные въ брошюрахъ доводы, однако, не всѣхъ убѣдили: нашлись скептики, которые, частью въ письмахъ, частью устно поспѣшили высказать недовѣріе къ подлинности креста. Одно изъ такихъ мнѣній появилось и въ печати. Референтъ указалъ на помѣщенную въ *Русскомъ Филологическомъ*

Вѣстникъ библиографическую замѣтку на его брошюру. Авторъ замѣтки, признавая „что надпись на крестѣ сдѣлана въ сравнительно позднее время“, предполагаетъ что надпись подложна въ видахъ увеличенія цѣнности креста, или же она сдѣлана однимъ изъ позднѣйшихъ владѣльцевъ его на основаніи семейныхъ преданій о принадлежности его Преподобному Сергію. Это мнѣніе публициста имѣетъ особое значеніе, потому что оно составляетъ сущность всѣхъ другихъ скептическихъ возраженій. Признаніе надписи случайною, позднѣйшею, служитъ главнымъ мотивомъ къ сомнѣнію въ подлинности самаго креста. Такимъ образомъ, главный интересъ при рѣшеніи подлинности его представляеть исторія его оклада, на которомъ сдѣлана надпись. Слѣдовательно, для отысканія истины нужно было снять и изслѣдовать самый окладъ, чему между прочимъ долго мѣшали какъ ветхость его, такъ и благоговѣйное отношеніе къ святынь. Достаточно однако, взглянуть на этотъ крестъ, чтобъ убѣдиться въ томъ, что онъ пережилъ не малую исторію, оставившую на немъ тѣ или другіе слѣды, которые изслѣдователь долженъ отмѣтить, осмыслить и дать въ нихъ отчетъ. При выполненіи этой задачи, приходилось дрожать надъ каждымъ гвоздикомъ, надъ каждою царапкой, надъ каждою пылинкой, словомъ надъ каждою мелочью, съ уничтоженіемъ которой могъ исчезнуть фактъ, значеніе котораго для воспроизведенія исторіи оклада сразу опредѣлить было мудрено. Въ настоящее время референтъ получилъ новыя данныя, въ виду которыхъ вопросъ о подлинности креста получаетъ нѣсколько другую постановку, безъ измѣненія, впрочемъ, сущности прежняго его положительнаго вывода. При обзорѣ и анализѣ даннаго вопроса референтъ «придерживался системы, прямо вытекающей изъ самаго существа вопроса»: именно въ надписи на крестѣ выступаютъ двѣ мысли: во первыхъ, констатируется историческій фактъ, что Преподобный Сергій благословилъ Димитрія Донскаго „крестомъ“, и во вторыхъ, здѣсь утверждается, что настоящій крестъ и есть именно *тотъ самый*, которымъ совершенъ былъ актъ благословенія. Сообразно съ этимъ, изслѣдователю предстоятъ двѣ задачи: во первыхъ, соотвѣтствуетъ ли констатируемой надписи фактъ бывшей дѣйствительности и, во вторыхъ, отличается ли настоящій крестъ, взятый самъ по себѣ, признаками того времени, о которомъ гласитъ надпись.

Посѣщеніе великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ Троицко-Сергіевской Лавры съ цѣлю получить у Преподобнаго Сергія благословеніе на борьбу съ Мамаемъ фактъ общеизвѣстный, подкрѣпляемый свидѣтельствомъ Никоновской лѣтописи, не противорѣчащимъ показаніямъ и другихъ источниковъ. Изъ приведеннаго референтомъ текста лѣтописи видно, что Преподобный Сергій *благословилъ крестомъ* великаго князя два раза: первый разъ непосредственно послѣ трапезы въ монастырѣ, одного только Димитрія Донскаго, а второй разъ, на прощанье, его со всей свитой. Этого показанія лѣтописца вполнѣ достаточно, такъ какъ и въ немъ и въ надписи на крестѣ выражена не только одна и та же мысль но и выражена она одними и тѣми же словами; тамъ и здѣсь употреблено одно и то же выраженіе: *благословилъ крестомъ*. Какъ бы кто ни толковалъ эти слова, сдѣланный изъ нихъ выводъ, въ одинаковой степени, долженъ быть относимъ какъ къ показанію лѣтописца, такъ и къ показанію надписи.

Иное отношеніе къ вопросу противорѣчило бы самымъ элементарнымъ требованіямъ строго-научной критики. Кромѣ этого, возникаетъ еще вопросъ о значеніи слова „благословилъ“. Значить ли это и *вручилъ* крестъ. Сличеніе различныхъ древнихъ памятниковъ письменности дало возможность референту заключить что слово „благословилъ“ значить не только „осѣнилъ“, но и передалъ въ руки. То же значеніе этого слова подтверждается и нѣкоторыми лѣтописными свидѣтельствами о томъ, что Дмитрій Іоанновичъ имѣлъ при себѣ какой то крестъ во время самаго похода. Есть, напр., свидѣтельство, что Іоаннъ Грозный во время похода на Казань велѣлъ водрузить на свое знамя крестъ, *иже бы у пра-родителя нашего достохвально великаго князя Дмитрія на Дону*. Косвеннымъ доказательствомъ существованія креста служить то обстоятельство, что онъ нигдѣ не сохранился, его нѣтъ и онъ вѣроятно исчезъ во время смуты 1612 года. Слѣдовательно, слѣдъ его долженъ быть или въ Польшѣ или на югѣ Россіи, — мѣстностяхъ, жители которыхъ принимали дѣятельное участіе въ раззореніи Москвы (казаки). А крестъ Преподобнаго Сергія и найденъ именно на югѣ Россіи. Предпослѣдній его владѣлецъ, покойный Демидовъ, приобрѣлъ его у инженера Транжера, принимавшаго участіе въ построеніи Курско-Кіевской желѣзной дороги и долго жившаго на югѣ Россіи. Далѣе референтъ приступилъ къ описанію самаго

креста. Онъ имѣетъ восьмиконечную форму. Вышина его (то-есть длина вертикальной полосы) $7\frac{1}{2}$ вершковъ, ширина $\frac{3}{4}$ вершка, толщина $\frac{3}{8}$ вершка; длина у центральной перекладины $1\frac{6}{8}$ вершка, длина нижней $1\frac{5}{8}$ вершка. Крестъ сдѣланъ изъ липоваго дерева „въ связь“ и, кромѣ того, сколоченъ желѣзными гвоздями. Основная часть оклада сдѣлана изъ тонкой серебряной вызолоченной пластинки, орнаментированной растительнымъ узоромъ. Окладъ приготовленъ былъ специально къ этому кресту; это видно изъ правильно расположенной по краямъ бисерной каемки, сдѣланной, очевидно, въ подражаніе жемчугу, который встрѣчается на окладахъ болѣе богато изукрашенныхъ крестовъ этого типа. Окладъ прибитъ былъ къ древку креста мѣдными гвоздиками съ вызолоченными шляпками. Эта древнѣйшая часть оклада представляетъ—если можно такъ выразиться—простую рубашку, сильно пострадавшую отъ времени. На обратной сторонѣ креста отъ этой рубашки сохранилось лишь нѣсколько отдѣльныхъ лоскутковъ. Гораздо лучше сохранилась она съ лицевой стороны, благодаря наложеннымъ на нее четыремъ серебрянымъ пластинкамъ. Пластинки эти представляютъ слѣдующія штампованныя изображенія: въ серединѣ распятіе съ надписью: надъ головою І. Н. Ц. І. (штамповано), по бокамъ Іс. Х. С. (выдавлено съ верху). На боковыхъ пластинкахъ изображены съ одной стороны Богоматерь и Марія Магдалина съ надписями *Мр ѠѠ* и МАРИЯ; съ другой стороны Іоаннъ Богословъ и сотникъ Логвинъ съ надписями ЮАНЪ и ЛОГВИНЪ, на верхней пластинкѣ представлены два ангела съ одеждою въ рукахъ и надписью: АНЪЕЛЫ. Всѣ эти надписи выдавлены сверху точками при помощи какого то остраго орудія. Анализъ оклада обнаружилъ, что названныя пластинки несомнѣнно начальной части оклада; при снятіи пластинокъ, на начальномъ окладѣ обнаружались слѣды времени, такъ на примѣръ бисерная каемка по мѣстамъ помята, чего не было бы при наложеніи пластинокъ на новый окладъ. Потому пластинки прикрѣплены къ кресту гвоздиками другаго формата. Нѣкоторыя другія наблюденія также заставляютъ думать что крестъ реставрированъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже видна окраска позднѣйшаго времени. Словомъ, въ исторіи оклада креста можно отмѣтить четыре момента: 1) приготовленіе начального оклада; 2) прикрѣпленіе распятія и другихъ изображеній; 3) окраска; 4) прикрѣп-

Original from
UNIVERSITY OF ILLINOIS AT
URBANA-CHAMPAIGN

леніе пластинки съ надписью. Каждый послѣдующій изъ этихъ моментовъ отдѣляется отъ своего предыдущаго значительнымъ промежуткомъ времени. Уже одинъ этотъ фактъ указываетъ на почтенную древность креста. Далѣе референтъ старается разрѣшить главный вопросъ о времени возникновенія первоначальнаго оклада. Для этого референтъ пересмотрѣлъ громадное количество окладовъ на крестахъ, иконахъ и евангеліяхъ, но долго ничего подобнаго нашей басмѣ встрѣтить не удавалось. Наконецъ, вниманіе его остановилось на двухъ памятникахъ: 1) на окладѣ рукописнаго Евангелія Великаго Князя Симеона Ивановича Гордаго, съ опредѣленною датой (1344 года), и 2) на окладѣ иконы Св. Николая Чудотворца, бывшей по преданію келейной иконой Преподобнаго Сергія. Окладъ на Евангеліи Симеона Гордаго, для рѣшенія даннаго вопроса, особенно цѣненъ. При сличеніи его съ окладомъ креста Преподобнаго Сергія оказалось поразительное сходство. Другой предметъ имѣющій важное значеніе—это найденный въ Лаврской же ризницѣ деревянный, въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ, крестъ, во всемъ схожій съ нашимъ, кромѣ объема: такая же по характеру басма прикрѣплена ко кресту по такой же системѣ и прибита къ древку такими же типичными съ большими неуклюжими шляпками, гвоздиками. Хотя даты на немъ нѣтъ, но сравненіе его Распятія съ другими даетъ возможность отнести его къ XIV вѣку и не позже XV. Такимъ образомъ, все это убѣждаетъ что первоначальный окладъ креста Преподобнаго Сергія относится также къ XIV вѣку, именно ко времени, къ которому относится и находящаяся на немъ надпись. Такова общая и главная мысль референта. Нельзя пропустить факта, что при анализѣ оклада, подъ прикрѣпленнымъ съ лицевой стороны серебряными пластинками, обнаружены зерна ржи и частички воску. Все это наводитъ на мысль, что крестъ, въ позднѣйшее время, находился среди принадлежностей домашняго кивота какого-то южно русса, гдѣ на ряду со священными предметами помѣщается и вѣнокъ сплетенный изъ колосьевъ ржи. При дальнѣйшемъ анализѣ частныхъ и подробностей креста референтъ доказываетъ ту же мысль—что крестъ этотъ есть дѣйствительно тотъ самый, которымъ Св. Сергій благословилъ Димитрія Донскаго. Впрочемъ референтъ „принимаетъ въ расчетъ и отрицательную критику и ея сомнѣнія и никому не навязываетъ своего рѣшенія».

3. Проф. А. И. Кирпичниковъ прочелъ рефератъ: *Взаимодѣйствіе иконописи и словесности, словесной и письменной*, въ которомъ изложено воззрѣніе референта на взаимныя отношенія между иконописью, какъ „мотивами“ для литературнаго творчества, съ одной стороны, и народною поэзіей, съ другой. Широта задачи для изслѣдователя существующей, несомнѣнно, связи между древнею иконописью и словесностью такъ велика, что необходимо какое-либо ограниченіе въ ней, вслѣдствіе чего референтъ остановился главнымъ образомъ на поэзи народной, которая къ тому же возбуждаетъ болѣе разнорѣчивыхъ толкованій и источники которой не могутъ быть такъ ясно обслѣдованы. Референтъ привелъ нѣсколько примѣровъ. Такъ, прежній гербъ Московскаго государства и современный гербъ Московской губерніи изображаетъ Георгія Побѣдоносца, поражающаго змѣя; гербъ этотъ взятъ съ иконы которая съ своей стороны возникла изъ риторической „фигуры“ — прославленія Св. Георгія за его побѣду надъ змѣемъ-дьяволомъ. Эта-то икона и послужила темой для очень популярныхъ сказаній о Егорѣ Храбромъ и Софѣ Премудрой, его матери, явившейся подъ влияніемъ другой иконы Софіи, Премудрости Божіей. Иконы Рождества Христова имѣютъ изображеніе осла и быка или коня и быка. Изъ этой подробности родились извѣстныя сказанія, что оселъ и быкъ прикрывали младенца Христа сѣномъ и согрѣвали его своимъ дыханіемъ и т. п. Извѣстная бабушка Саломея приобрѣла популярность въ сказаніяхъ народныхъ благодаря иконописнымъ изображеніямъ того же сюжета. Кромѣ того, почти на всѣхъ иконахъ Рождества Христова изображенъ Іосифъ, а передъ нимъ старикъ въ козьей одежѣ. Кто этотъ старецъ? Это уясняется пѣснью о томъ, какъ старѣйшіе изъ пастуховъ пришли къ Іосифу для распросовъ о мѣстонахожденіи Іисуса Христа. Далѣе — образъ „Неопалимой Купины“ послужилъ темой для сказанія о томъ, что Моисею въ горящей купинѣ явилась Богородица съ младенцемъ Христомъ на рукахъ. Изображеніе Покрова Пр. Богородицы имѣетъ также своимъ послѣдствіемъ сказаніе о томъ что Дѣва Марія соткала одежду Іисусу Христу и въ награду за это просила у него спасенія для тѣхъ кого она накроетъ этой одеждой. Референтъ привелъ нѣсколько еще подобныхъ же примѣровъ, уясняющихъ болѣе или менѣе тѣсную зависимость двухъ формъ народнаго творчества: церковной живописи и литературы.

По окончаніи засѣданія Ихъ Императорскія Высочества вторично осматривали археологическую Выставку въ сопровожденіи должностныхъ лицъ и членовъ Съѣзда.

12 ЯНВАРЯ.

По случаю обычнаго празднованія Императорскимъ Московскимъ Университетомъ въ этотъ день — день своего основанія и торжественнаго акта въ Университетѣ, на который отъ Имени Университета были приглашены до 100 Депутатовъ Съѣзда, засѣданій не было.

Въ этотъ же день Ихъ Императорскія Высочества посѣтили, устроенную по случаю Съѣзда въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, выставку принадлежащихъ Архиву древнихъ письменныхъ памятниковъ, причемъ объясненія Ихъ Высочествамъ давалъ Директоръ Архива Дѣйст. Тайн. Сов. Баронъ Э. А. Бюлеръ.

Вечеромъ этого дня гг. Депутаты и Члены Съѣзда были приглашены отъ имени Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя Съѣзда въ Большой Театръ, гдѣ поставлена была опера „Борисъ Годуновъ“. Приглашаемымъ лицамъ былъ предоставленъ бесплатно весь баль-этажъ театра (30 ложъ), а въ антрактахъ имъ подавались придворными служителями чай, прохладительные напитки и мороженное.

Ихъ Императорскія Высочества изволили прибыть въ театръ въ 8 ч. и заняли мѣсто въ Великокняжеской ложѣ бенуара, съ лѣвой стороны. Въ десятомъ часу Ихъ Высочества отправились на вокзалъ Николаевской желѣзной дороги и въ 10 часовъ отбыли въ Петербургъ на экстренномъ поѣздѣ. Кромѣ должностныхъ лицъ столицы, при проводѣ Ихъ Высочествъ, отъ имени Съѣзда на вокзалѣ присутствовали: Предсѣдатели Распорядительнаго и Ученаго комитетовъ Съѣзда Графиня П. С. Уварова и проф. Д. Н. Анучинъ, баронъ Э. А. Бюлеръ, Секретарь Съѣзда В. К. Трутовскій, князь Н. С. Щербатовъ, проф. Д. Я. Самоквасовъ и др.

3.

13 ЯНВАРЯ. 1 ЧАС. ДНЯ.

Отдѣленіе I. Древности первобытныя.

Почетный Предсѣдатель: Н. Е. Бранденбургъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: Д. Н. Анучинъ.

Секретарь Отдѣленія: Н. Л. Гондатти.

Члены Съѣзда, собравшись на это засѣданіе — первое послѣ отъѣзда Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя Съѣзда Великаго Князя Сергія Александровича — отправили Его Высочеству слѣдующую телеграмму:

„Члены VIII Археологическаго Съѣзда, собравшись на первое засѣданіе послѣ отъѣзда Вашего Императорскаго Высочества, считают своей пріятною обязанностью принести Вашему Императорскому Высочеству свою искреннѣйшую и безпредѣльную благодарность за милостивое вниманіе оказанное Вашими Императорскими Высочествами какъ занятіямъ Съѣзда, такъ и лично всѣмъ членамъ онаго. Предсѣдатель Съѣзда *Бычковъ*, Почетный Предсѣдатель засѣданія генераль-майоръ *Бранденбургъ*, Предсѣдатель ученаго комитета *Анучинъ*, Предсѣдатель распорядительнаго комитета *графиня Уварова*, Секретарь *Трутовскій*“.

Послѣ сего было приступлено къ очереднымъ занятіямъ.

1. В. Н. Поливановъ прочелъ докладъ: *Древнее кладбище и городище у села Муранокъ, Семилеевскаго уѣзда, Симбирской губ.*

Лѣтомъ прошлаго года референтъ узналъ отъ почетнаго члена Археологическаго Института А. В. Толстого о существованіи, въ 30 верстахъ отъ города Сызрани, у села Муранокъ, древняго кладбища, весьма интереснаго по бытовымъ особенностямъ похоронныхъ обычаевъ, а также

по массѣ извлекаемыхъ оттуда древностей высокаго археологическаго интереса. Изъ всѣхъ осмотрѣнныхъ референтомъ вещей, приобрѣтенныхъ А. В. Толстымъ, обращаетъ на себя особенное вниманіе оригинальный способъ убора женской косы, являющийся, кажется, единственнымъ, до сихъ поръ извѣстнымъ, примѣромъ. Способъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: коса умершей наматывалась на очищенный отъ коры тальниковый пруть, перевязывалась мѣстами бичевкой, обвивалась тонкимъ, изъ сырой кожи, ремнемъ и затѣмъ вкладывалась въ лубокъ, который, въ свою очередь, обвивался еще болѣе тонкимъ ремнемъ, сплошь перевитымъ тончайшею серебряною проволокой. Тутъ же найдены были серебряныя монеты, разнообразной формы, восточные перстни, привѣски, проволочныя витые браслеты, каменныя бусы, желѣзный топорикъ, ножи и различныя украшенія конской сбруи. Вслѣдствіе разсказовъ А. В. Толстого, референтъ лично отправился въ указанную мѣстность. Тамъ оказалось, что мѣстность, бывшая когда-то подъ кладбищемъ, 10 лѣтъ тому назадъ Удѣльнымъ вѣдомствомъ была отведена для завалки плотины. Благодаря этому обстоятельству и было открыто существованіе древняго кладбища. Съ другой стороны, то-же обстоятельство было причиною, что въ теченіе 10 лѣтъ производилось повальное разграбленіе археологическихъ сокровищъ. По разсказамъ крестьянъ, землекопы всѣ вырываемыя ими серебряныя вещи сплавляли и продавали въ городъ, получаемыя же отъ продажи ихъ деньги шли имъ въ видѣ поденной платы. Въ настоящее время, въ виду закона 1888 года, на Муранское кладбище наложено запрещеніе и о немъ сообщено Императорской Археологической комиссіи. Далѣе референтъ, описывая мѣстность кладбища, объяснилъ, что во время его посѣщенія онъ самъ видѣлъ массу человѣческихъ костей и черепковъ отъ глиняныхъ посуды, которыми усѣяно все мѣсто, принадлежавшее нѣкогда кладбищу. Между прочими достопримѣчательностями ему пришлось видѣть въ высшей степени любопытный камень съ явственными арабскими или армянскими надписями, которыя докладчику разобрать не удалось. Камень этотъ, изъ мѣстнаго песчаника, имѣетъ закругленный верхъ, правильно обтесанные бока и на лицевой сторонѣ его надъ буквами высѣчено изображеніе, напоминающее формой ветхозавѣтную скрижаль. Во время посѣ-

шенія В. Н. Поливанова, камень былъ уже вынуть изъ своего мѣста, такъ какъ онъ мѣшалъ земледѣльцамъ при обработкѣ пашни. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ, осталось углубленіе, дно котораго издавало при ударѣ звукъ, получающійся при ударѣ въ пустое пространство. Несомнѣнно, правильное изслѣдованіе этой могилы, которая, къ счастью, не успѣла еще подвергнуться общей участи, могло бы повести къ интереснымъ результатамъ. Лично В. Н. Поливанову не пришлось дѣлать раскопокъ; по собраннымъ на мѣстѣ свѣдѣніямъ оказывается, что костяки (труповъ) всегда попадаютъ сейчасъ-же за слоемъ гнилушекъ. Лежатъ они большею частію на правомъ боку, по направленію къ востоку. Если попадаетъ коса, могила признается за женскую, глиняный въ ногахъ горшокъ—за мужскую. Аналогичный способъ погребенія въ колодахъ на боку встрѣчается на противоположной сторонѣ рѣки Волги (Самарская Лука), но въ описаніяхъ этого способа погребенія не поминается о косѣ, которая появляется въ числѣ отечественныхъ древностей *впервые*. Въ опредѣленіи народности, оставившей намъ послѣ себя этотъ интересный и богатый матеріалъ, можно руководиться нѣкоторыми археологическими данными, которыя сводятся къ тому, что мѣстность, занятая нынѣшнею Самарскою Лукой, и среднее побережье Волги искони составляли достояніе Болгаръ, а послѣ его паденія вошли въ составъ Золотой Орды. Древнія могильныя насыпи принадлежатъ эпохѣ древнѣйшей до-болгарской, то-есть до-мусульманской, потому что надъ мусульманскими могилами насыпей не воздвигаютъ. Нѣтъ пока данныхъ отвѣтить на вопросъ: было ли Муранское городище въ до-монгольскій періодъ, но что оно существовало въ 1330 году, это несомнѣнно въ виду приобрѣтенія А. В. Толстымъ найденныхъ на мѣстѣ пяти монетъ, изъ коихъ четыре принадлежатъ хану Узбеку и относятся къ 1330 году, а пятая къ царствованію сына его Джанибека и носить дату гиджры 747, что соотвѣтствуетъ нашему 1346 году. На татарское происхожденіе кладбища указываютъ также отсутствіе могильныхъ насыпей и народное преданіе. Въ этомъ же предположеніи убѣждаетъ и мнѣніе г. Невоструева, который говоритъ, что „сколько намъ извѣстно изъ указаній въ актахъ, преданія и памятниковъ, первоначально здѣсь жили и имѣли укрѣпленія или городки—Татары Ногайскіе или, вѣрнѣе, Казанскаго царства. Памят-

никовъ татарскаго владычества довольно встрѣчается на Самарской Лукѣ и тоже показываютъ сохранившіяся названія урочищъ: Ногайскаго Брода, на рѣкѣ Усѣ, выше селенія Шигонь, и Ногайскаго Ключа, въ дачахъ села Куськина и впадающая въ Усу рѣка Иштерекъ (теперь Тишерекъ или Тимерекъ) отъ Татарскаго собственнаго имени. Такимъ образомъ, за Муранскимъ кладбищемъ пока слѣдуетъ признать только татарское происхожденіе и ждать правильныхъ раскопокъ, чтобы съ достовѣрностью отвести ему подобающее мѣсто въ числѣ населеній древняго Поволжья.

Д. Я. Самоковъ прочелъ рефератъ: „Хронологія могильныхъ находокъ въ южной и центральной Россіи“.

Сообщеніе имѣло въ виду распредѣлить этнографическіе матеріалы, отрытые въ курганахъ южныхъ и центральныхъ областей Россіи по историческимъ эпохамъ. Сопоставленіе историческихъ свидѣтельствъ и сравненіе устройства и содержанія древнихъ могилъ, изслѣдованныхъ по настоящее время въ южныхъ и центральныхъ областяхъ Россіи, даютъ возможность, по мнѣнію референта, раздѣлить курганныя древности нашего отечества на пять отдѣловъ, соответствующихъ пяти историческимъ эпохамъ, въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ. Первая древнѣйшая эпоха—*Киммерійская*—до VII вѣка до Р. Х., т.-е. до прихода скиѳовъ-сколотовъ въ надпонтійскія области и образованіе Скиѳской державы между Дономъ и Дунаемъ. Устройство могилъ этой эпохи очень различно въ разныхъ мѣстностяхъ, и содержаніе ихъ отличается присутствіемъ предметовъ бытовыхъ изъ кости, глины, камня и бронзы и отсутствіемъ предметовъ изъ желѣза. Примѣрами могильниковъ этой эпохи могутъ служить курганы Кубани, Кисловодска (въ урочищѣ „Три Камня“), Большой курганъ подъ Пятигорскомъ и т. д. Вторая эпоха—*Скиѳская*, съ VII в. по II до Р. Х., т.-е. со времени образованія Скиѳской державы между Дономъ и Дунаемъ, въ правленіе царя Бурвиства и жреца Декеня. Отличительными признаками могильниковъ этой эпохи служатъ желѣзные предметы, а также монеты и другіе предметы греческаго искусства, перешедшіе къ Скиѳамъ чрезъ посредство черноморскихъ греческихъ колонистовъ. Примѣрами могильниковъ этого рода могутъ служить: курганъ на Тамани, извѣстные курганы: Александропольскій, курганъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, и многіе другіе.

Третья эпоха—*Сарматская*—отъ II в. до Р. Х. по VI по Р. Х.—со времени образования царства Гетовъ до времени появленія въ европейской исторіи именъ Славянъ и Антовъ для обозначенія надпонтійскихъ обитателей Европейской Россіи. Могильники этой эпохи содержатъ въ себѣ, какъ характерный признакъ, монеты и предметы искусства древнихъ Римлянъ императорской эпохи. Примѣрами могутъ служить кладбище подъ Калишемъ, кладбище у села Яблоновки и т. д. Четвертая эпоха—*Анто-славянская*, съ VI в. по X по Р. Х., т. е. до времени введенія христіанства въ Россіи. Могильники этой эпохи отличаются содержаніемъ монетъ и другихъ предметовъ искусства византійскаго, восточнаго и западно-европейскаго. Примѣрами могилъ этой эпохи могутъ служить курганы Черниговскіе, Стародубскіе и другіе.

Пятая эпоха *Монголо-татарская*,—времени господства Монголовъ въ Россіи. Могильники этой эпохи отличаются присутствіемъ татарскихъ монетъ, каковыя находились въ Екатеринославской губерніи и др.

Сообщеніе свое Д. Я. Самоквасовъ демонстрировалъ древностями привезенной имъ богатой коллекціи, подобранной согласно предложенной имъ классификаціи. Предъ публикой предстала масса характерныхъ археологическихъ сокровищъ изъ простого камня, яшмы, янтаря, серебра и золота; ожерелья, перстни и кольца, лоскутки шелковыхъ матерій, наконечники стрѣлъ, бляхи, диковинныя металлическія ржавыя зеркала, монеты и т. п., живо иллюстрировали докладъ и возстановляли далекое сѣдое прошлое нашей родной земли. Въ заключеніе референтъ сдѣлалъ оговорку, что его классификація не имѣетъ претензіи быть этнографическимъ подраздѣленіемъ, а только историческимъ, и предложилъ Съѣзду принять его терминологию, если Съѣздъ признаетъ ея цѣлесообразность и пригодность въ дѣлѣ археологическаго изученія древнихъ эпохъ Россіи.

Въ преніяхъ, возникшихъ по поводу реферата Д. Я. Самоквасова, участвовали П. Н. Милюковъ, Д. И. Иловайскій, Д. Н. Анучинъ и др.

3. Проф. В. Б. Антоновичъ прочелъ докладъ: *О типахъ погребенія въ курганахъ Кіевской губерніи.*

Въ своемъ, довольно обширномъ, сообщеніи, референтъ сводитъ все многообразіе видовъ погребенія въ курганахъ Кіевской губерніи къ тремъ главнымъ типическимъ отдѣламъ, которые, въ свою очередь, разбиваются на болѣе мелкіе. Первый типъ погребенія относится къ каменному періоду и имѣетъ свои три подраздѣленія, сообразно со входящими въ главный типъ новыми чертами: а) курганы этого типа погребенія невелики, бѣдны заключающимися въ нихъ предметами, изъ которыхъ встрѣчаются только каменные. Скелеты лежатъ протянутыми и имѣютъ подъ собой песчаный слой. Какъ особенность этого типа надо отмѣтить встрѣчающіеся иногда скелеты, обернутые въ бересту, то есть кору отъ березоваго дерева; б) далѣе, къ каменному періоду относится способъ погребенія со слѣдующими типичными признаками: могила находится безъ насыпи, сдѣлана изъ каменныхъ плитъ, мѣрою около 2 метровъ; на днѣ гробницы стоятъ сосуды съ обожженными костями и пепломъ; какъ на наиболѣе характерную черту этого типа надо указать на гладкіе полированные топорики изъ камня; в) послѣднимъ типомъ погребенія въ каменномъ періодѣ будетъ съ такими признаками, какъ довольно большая насыпь, рядъ ямъ въ могилѣ, въ каждой изъ которыхъ находятся по одному, по два и больше скелетовъ, всегда въ согнутомъ положеніи съ приложенными къ груди около подбородка сдѣпленными руками. Подобные скелеты въ большомъ количествѣ находились при раскопкахъ графа Бобринскаго. Особенно типичными признаками этого рода погребенія, изъ находящихся въ могилахъ предметовъ, являются каменные молотки на длинныхъ костяныхъ цѣпочкахъ. Еще важнѣе, въ этомъ смыслѣ, находившіяся при раскопкахъ кости, окрашенныя красною желѣзистою краской. Откуда она? Въ отвѣтъ дѣлалось много различныхъ гипотезъ. Референтъ со своей стороны предполагаетъ, что, вѣроятно, усопшихъ покрывали густою краской, которая, съ уничтоженіемъ всей массы человѣческаго тѣла, должна осаждаться на костяхъ. Какъ странность, не лишне отмѣтить, что иногда краска тутъ-же лежитъ рядомъ со скелетомъ. Этимъ типомъ заканчивается первый отдѣлъ похоронъ каменнаго періода. Второй отдѣлъ референтъ назвалъ Скиѣскимъ; онъ не имѣетъ подраздѣленій. Къ этому типу принадлежитъ обширная группа могилъ, или правильнѣе склеповъ, высѣченныхъ изъ камня. Преобла-

дающими вещами въ содержаніи могилъ служатъ предметы изъ желѣза, хотя встрѣчаются и бронзовыя издѣлія, каковы желѣзныя удила, кинжалы, топоры, копья и, какъ рѣзко типичный признакъ, желѣзные панцыри. Въ этомъ же типѣ погребенія встрѣчаются желѣзныя копья, но только съ бронзовыми наконечниками. Далѣе, этотъ отдѣлъ характеризуется по содержанію бронзовыми различнаго вида зеркалами, бусами изъ сердолика, агата, яшмы, стекла цвѣтнаго и бѣлаго, янтаря и т. п. Богаты эти курганы сосудами: тамъ встрѣчаются огромныхъ размѣровъ горшки съ остатками пищи. Своеобразные ковши, куски чистой сѣры и краски въ истлѣвшихъ кожаныхъ мѣшкахъ у пояса служатъ тоже отличительными признаками; далѣе идутъ раковины, оказывающіяся, по изслѣдованію знатоковъ, изъ фауны Средиземнаго моря. Наконецъ, къ третьему типу кургановъ относятся—Славянскіе. Въ нихъ рѣдко встрѣчается золото, главнымъ же образомъ серебро, и это обстоятельство даетъ рѣзкій отличительный характеръ послѣднему типу, который референтъ подраздѣляетъ въ свою очередь на категоріи по тѣмъ мѣстностямъ Кіевской губерніи, въ которыхъ встрѣчаются только извѣстнаго рода курганы. Такъ, въ сѣверной части губерніи попадаются курганы только съ однимъ главнымъ признакомъ, именно гробы копались до подпочвы и вокругъ всего контура скелета расположены желѣзные гвозди. При этомъ типѣ погребенія не встрѣчается сосудовъ, если не считать рѣдкихъ случаевъ находенія желѣзныхъ ведерокъ. Желѣзные большіе ножи, огниво, серебряныя кольца, бусы, запонки, серьги опредѣляютъ еще болѣе этотъ послѣдній типъ. Смѣшать его съ другими невозможно еще и потому, что здѣсь встрѣчаются до 7 серебряныхъ колець, лежащихъ у плеча. Долго не могли догадаться, какую они играли роль, пока наконецъ случайная находка волосъ въ кольцахъ не выяснила, что они составляли украшеніе женской косы. Еще важная разновидность славянскаго типа погребенія состоитъ въ томъ, что умершаго клали вмѣстѣ съ его лошадыю; яма дѣлалась очень глубокая и скелетъ находится въ полномъ вооруженіи изъ желѣза съ типичнымъ шлемомъ времени дружинной и княжеской эпохи Руси. Въ заключеніе референтъ сказалъ, что онъ дѣлалъ сколько возможно широкія обобщенія, пропуская возможные смѣшанные типы и что въ его обобщеніяхъ могутъ быть исключенія.

Пренія по поводу реферата В. Б. Антоновича, равно какъ и назначенное сообщеніе В. З. Завитневича — „Къ вопросу объ исторіи классификаціи кургановъ по типамъ“ отложены до слѣдующаго засѣданія. Засѣданіе окончилось въ 5 часовъ вечера.

4.

13 ЯНВАРЯ, ВЪ 7^{1/2} ВЕЧЕРА.

Отдѣленіе IV. Русскій бытъ домашній, юридическій и общественный.

Почетный Предсѣдатель Д. И. Иловайскій.

Предсѣдатель Отдѣленія С. М. Шпилевскій.

Секретарь Отдѣленія И. А. Линниченко.

В. Н. Сторожевъ прочелъ докладъ: „Десятни какъ источникъ для изученія русскаго провинціального дворянства въ XVI и XVII вв.“.

Докладъ этотъ представлялъ короткій очеркъ значенія для юридической науки „десятень“, то есть описаній (отъ правительства) уѣздныхъ служилыхъ людей, какъ-то: дворянъ, дѣтей боярскихъ и казаковъ, составлявшихся въ случаѣ надобности въ финансово-стратегическихъ интересахъ государства и имѣвшихъ значеніе юридическаго доказательства права владѣть населеннымъ помѣстьемъ. Документъ этотъ важенъ не самъ по себѣ, а въ непосредственной связи съ другими, напр. писцовыми книгами, и только въ этомъ случаѣ изученіе его можетъ дать богатые результаты. „Десятня“ документъ статистическій по преимуществу; она подсчитывала московскому правительству наличное количество способныхъ къ службѣ дворянъ по разнымъ городамъ, дѣлила ихъ по разнымъ службамъ, служила смѣтой при заготовкѣ денежнаго жалованья, слѣдила за исправностью раздачи его и т. д. Особенно незамѣнима заслуга „десятень“ какъ источника при изученіи боевого строя московскаго дворянства; здѣсь ясно видно, что этотъ боевой строй помѣщика стоялъ въ непосредственной связи съ величиной и

качествами его земельных владѣній; ясно также и то, почему въ десятияхъ подробно помѣщены свѣдѣнія и о количествахъ земли, и о численности крестьянъ сидящихъ на ней. Степень населенности помѣстья играла, конечно, главную роль при опредѣленіи службы провинціального помѣщика. Десятня, точно опредѣляя физическія качества и благосостояніе помѣщика, опредѣляетъ и его боевой строй и его „службу“. Изъ десятиень-же можно въ подробностяхъ ознакомиться съ порядкомъ раздачи денежнаго жалованья провинціальному дворянству. Обыкновенно за жалованьемъ отправлялись въ Москву челобитчики изъ дворянъ; они получали сумму слѣдующую по смѣтѣ для раздачи извѣстному городу и разрядный списокъ. Городовой воевода, за порукою окладчиковъ, а иногда всего города, раздавалъ въ сѣзжей избѣ жалованье всѣмъ на лицо. Надо замѣтить, что, благодаря разнообразію причинъ, обусловливавшихъ величину денежной раздачи (благосостояніе помѣщика, аккуратность въ службѣ и др.), нерѣдко денежные дачи значительно превышали денежный окладъ, и обратно. Это денежное вознагражденіе отнюдь не было вознагражденіемъ за службу, за труды въ пользу государства: оно было только посильною помощью со стороны государства отбывать служилому человеку службу, къ которой онъ былъ вообще обязанъ, какъ бѣлый землевладѣлецъ. Изъ всего изложеннаго видно, что десятини главнымъ образомъ — источникъ для изученія военной организаціи помѣстной дворянской конницы. Численный составъ по каждому городу — нормальное распредѣленіе и боевой строй провинціального дворянства—вотъ главное, о чемъ говорятъ десятини. Къ этимъ свѣдѣніямъ тѣсно примыкаютъ такія сообщенія, которыя уясняютъ намъ порядокъ раздачи денежнаго жалованья, дѣленіе провинціального дворянства на разряды и условіе отбыванія трехъ службъ: дальней, ближней и осадной. Все это данныя, которыя составляютъ основной тонъ десятини, какъ документа. Помимо этого, десятня даетъ цѣлую массу мелкихъ подробностей относительно каждаго лица, имѣвшаго такъ или иначе соприкосновеніе съ военною службой. Сгруппировавъ эти подробности, можно даже нарисовать общую картину провинціального дворянства съ внѣшней стороны.

2. Н. Н. Ардашевъ прочелъ докладъ подъ заглавіемъ: — *Къ вопросу о коллегіальности приказовъ*. Исслѣдованіе этого во-

проса авторомъ привело его къ заключеніямъ, что вопросъ о коллегіальности приказовъ еще не рѣшенъ, и причина того заключается не въ недостаточности усилій мысли положенныхъ на выясненіе его, а въ отсутствіи до сихъ поръ нѣкоторыхъ фактическихъ данныхъ. Нѣкоторыя данныя относительно помѣстнаго приказа позволяютъ думать, что тамъ, къ концу XVII столѣтія, господствовало раздѣленіе дѣлъ между судьями, что схема этого раздѣленія была основана на личномъ началѣ, и только при нѣкоторыхъ условіяхъ проступала коллективность въ рѣшеніи дѣлъ.

3. Изъ слѣдующаго затѣмъ доклада Д. И. Прозоровскаго *О славяно-русскомъ до-христіанскомъ счисленіи времени* было прочтено Секретаремъ Отдѣленія, И. А. Линниченко, слѣдующее введеніе къ нему:

О русскомъ языческомъ времясчисленіи доселѣ не появлялось крупныхъ изслѣдованій, а между тѣмъ предметъ этотъ весьма любопытенъ. Конечно, объ этомъ счисленіи нѣтъ прямыхъ и точныхъ до-христіанскихъ свидѣтельствъ, но недостатокъ такихъ данныхъ могутъ въ нѣкоторой степени пополнить свѣдѣнія, разсѣяныя по письменнымъ памятникамъ Кирилло Меѳодіевскихъ изводовъ, а также содержащіяся въ лѣтописяхъ, въ которыхъ находятся довольно замѣтные слѣды до-христіанскаго времясчисленія и изъ которыхъ видно, что такое времясчисленіе состояло изъ вѣковъ, годовъ, временъ, мѣсяцевъ, недѣль, дней и, вѣроятно, часовъ. Съ принятіемъ Русью христіанства, языческое счисленіе времени могло измѣниться только въ тѣхъ его частяхъ, которыя, по усвоеннымъ имъ обычаямъ, не соотвѣтствовали духу быта христіанскаго; поэтому, измѣненія должны были произойти собственно въ народной практикѣ, удержавшей многіе языческіе термины и приноровившей ихъ къ періодамъ христіанскаго времясчисленія. Что Русско-Славянское времясчисленіе существовало самостоятельно, это видно изъ того, что въ нашихъ древнихъ рукописяхъ сохранились славянскія названія мѣсяцевъ, отчасти доселѣ употребляемыя южными и западными Славянами; равнымъ образомъ и названія дней у насъ настолько своеобразны, что нѣтъ никакого повода признавать ихъ за заимствованныя въ какое бы то ни было время. Кромѣ того, отъ языческаго времени дошли до насъ термины противные христіанству, но сильно укоренившіеся въ бытѣ народномъ; таковы: святки, масляница,

радуница, семикъ, купало, бабье лѣто, карачунъ, овсень. Конечно, мы не знаемъ, какъ назывались по-язычески святки, масляница и семикъ, приурочиваемые нынѣ къ предѣламъ христіанскаго распредѣленія времени, но тѣмъ не менѣе, соблюдаемые народомъ въ эти термины обычаи, суть остатки язычества, измѣнившіе свой древній религіозный характеръ на характеръ увеселительный. Изъ русскаго быта исчезли только русалые, существовавшіе у насъ еще въ XII вѣкѣ.

4. Секретаремъ же отдѣленія было прочитано предложеніе И. А. Голышева, чтобы Императорское Московское Археологическое Общество, возстановляющее русскую старину, приняло на себя ходатайство о возстановленіи и стариннаго лѣтоисчисленія, т. е. начала года съ 1-го сентября, а не съ 1-го января.

Засѣданіе кончилось въ 10 часовъ вечера.

НЕОБХОДИМАЯ ПОПРАВКА.

На стр. 25-й, въ изложеніи преній по поводу доклада И. Е. Забѣлина, вкралась весьма грубая опечатка, не только могущая повести къ совершенно неправильному толкованію доводовъ и теоріи референта о происхожденіи слова „Яуза“, но являющаяся прямо непонятной. Именно, тамъ сказано: Н. И. Веселовскій обратилъ вниманіе на происхожденіе слова „Яуза“, *которое референтъ выводитъ изъ русскаго слова Азъ, Аза...*; эта передача совершенно не вѣрна. Мнѣніе о происхожденіи „Яузы“ И. Е. Забѣлинъ высказалъ слѣдующимъ образомъ: „Рѣка Яуза въ древнемъ топографическомъ языкѣ можетъ означать то-же, что *Вазуза, Вязьма*, т. е. *Вязь* или *Связь* одной мѣстности съ другой или, вѣрнѣе, одного пути съ другимъ. Однако, можно предпологать, что этимъ именемъ обозначался *узкій* рѣчной проходъ, чему служить доказательствомъ дѣйствительно значительно узкій потокъ этой рѣки“. Когда же проф. Веселовскій предложилъ татарское происхожденіе этого имени, то, въ опроверженіе его, референтъ привелъ текстъ лѣтописи 1156 г., гдѣ Яуза обозначена въ формѣ „*Ауза*“.

5.

14 ЯНВАРЯ. 11 ЧАСОВЪ УТРА.

Отдѣленіе VI. Памятники славяно-русскаго языка и письма.

Почетный предсѣдатель проф. В. И. Ламанскій.
Предсѣдатель отдѣленія проф. А. И. Кирпичниковъ.
Секретарь отдѣленія С. I. Долговъ.

Передъ началомъ засѣданія была прочтена слѣдующая отвѣтная телеграмма Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя Съѣзда, адресованная на имя Предсѣдателя Съѣзда, академика А. Ф. Бычкова:

„Прошу графиню Уварову и васъ принять и передать подписавшимъ телеграмму и всѣмъ членамъ VIII Археологическаго Съѣзда мою искреннюю благодарность. Душевно радъ, что лично открылъ Съѣздъ и могъ любоваться плодами дѣятельности его членовъ, быть свидѣтелемъ ихъ трудовъ. Шлю лучшія пожеланія полнѣйшаго успѣха, въ которомъ, конечно, я и не сомнѣваюсь, зная въ какихъ достойныхъ рукахъ находится отечественная археологія“.

«Сергіи».

Чтеніе этой телеграммы было выслушано стоя и сопровождалось единодушными криками „ура“!

Послѣ сего было приступлено къ очереднымъ занятіямъ.

I. Проф. А. С. Павловъ прочелъ докладъ: — *Къ вопросу о подлинности церковнаго Устава Св. Владиміра.*

Судьба вопроса объ этомъ весьма важномъ древне-русскомъ юридическомъ памятникѣ въ нашей исторической литературѣ была довольно измѣнчива. Исторіографъ, впервые издавшій этотъ памятникъ по старинному списку (Карамзинъ), отнесся къ нему довольно неблагоклонно: призналъ его прямо подложнымъ и въ доказательство подложности указывалъ: а) на историческое введеніе къ *Уставу*, гдѣ говорится, будто Владиміръ принялъ крещеніе и церковную іерархію отъ

греческаго патріарха Фотія, тогда какъ Фотій умеръ за сто лѣтъ до крещенія Владиміра; б) на постановленіе *Устава*, относящее тяжбы о наслѣдствѣ къ предметамъ вѣдомства церковнаго суда, тогда какъ, по *Русской Правдѣ*, тяжбы эти судить князь; в) на то, что *Уставъ* представляетъ всѣ свои постановленія основанными на греческомъ Номоканонѣ, тогда какъ многія изъ этихъ постановленій вовсе неизвѣстны греческому Номоканону. Первымъ, если не по времени, то по силѣ доводовъ, защитникомъ подлинности *Церковнаго Устава Св. Владиміра* былъ Неволинъ, и его вѣскія мнѣнія о подлинности *Устава* были долгое время господствующими въ наукѣ и приняты съ небольшими дополненіями въ *Исторію Русской Церкви* высокопреосвященнаго Макарія. Въ новѣйшее время мнѣніе Карамзина опять пріобрѣтаетъ себѣ адептовъ: таковы профессоръ Московской Духовной Академіи Е. Е. Голубинскій и профессоръ Ярославскаго Демидовскаго Лицея Суворовъ, въ сочиненіяхъ своихъ выражающіе согласіе съ Карамзинымъ относительно подложности *Устава*. Изложивъ мнѣнія всѣхъ указанныхъ лицъ, высказанныя ими въ печатныхъ трудахъ, А. С. Павловъ поставилъ вопросъ: находясь между такими двумя противоположными мнѣніями, въ которую сторону по указанію здоровой строго-научной исторической критики слѣдуетъ склониться, и отвѣчаетъ: ни въ ту, ни въ другую, такъ какъ и защитники и противники подлинности *Устава Св. Владиміра* впадаютъ въ одинаковую методо-логическую погрѣшность, которая мѣшаетъ имъ дать правильную постановку спорному вопросу. При рѣшеніи такого вопроса, такъ же какъ и другихъ подобныхъ ему, по мнѣнію А. С. Павлова, нельзя исходить изъ того начала, что *старшій* списокъ даннаго памятника непременно долженъ точнѣе и вѣрнѣе передавать черты своего оригинала, но съ другой стороны нельзя придавать рѣшающаго значенія и внѣшнему объему списковъ того или другого памятника и списки короткой редакціи признавать за болѣе близкіе къ своему прототипу, какъ то дѣлаетъ Неволинъ. Вторая и болѣе важная ошибка—смѣшеніе матеріальнаго содержанія и внѣшней, письменной формы *Устава Св. Владиміра*, такъ какъ содержаніе всякаго письменнаго памятника можетъ принадлежать одному лицу, а форма совершенно другому; примѣры этого А. С. Павловъ указалъ въ спискахъ *Русской Правды* Ярослава. Въ виду все-

го этого вопросъ о подлинности, или точнѣе о происхожденіи *Церковнаго Устава Св. Владиміра*, по мнѣнію А. С. Павлова, долженъ быть поставленъ такъ: содержатся ли въ этомъ памятникѣ такія постановленія, которыя съ полною или, по крайней мѣрѣ, съ достаточною вѣроятностью могутъ и должны быть приписаны Св. Владиміру, и если содержатся, то можно ли допустить, что они уже самимъ Владиміромъ облечены были въ форму одного законодательнаго акта. На первый вопросъ историческая критика заставляеть отвѣчать утвердительно, на второй отрицательно.

Далѣе, для провѣрки того и другого отвѣта А. С. Павловъ сдѣлалъ подробный критико-историческій анализъ содержанія всего памятника, во всѣхъ его частяхъ, и изъ нихъ, между прочимъ, приходитъ къ убѣжденію, что „всѣ или почти всѣ постановленія, содержащіяся въ *Уставѣ Св. Владиміра*, могутъ быть съ достаточною, если не съ полною, вѣроятностью приписаны самому этому великому князю. Но они не были, за исключеніемъ постановленія о церковной десятинѣ, изданы самимъ Владиміромъ въ одномъ формальномъ законодательномъ актѣ, а даны въ непосредственныхъ личныхъ распоряженіяхъ Равноапостольнаго Князя. Другими словами, памятникъ, извѣстный намъ подъ именемъ *Церковнаго Устава Св. Владиміра* образовался, такъ же, какъ и *Русская Правда*, не путемъ формальнаго законодательства, а путемъ частной кодификаціи нормъ церковной жизни, которыя, если не всѣ, то въ большей части, возникли еще во времена Св. Владиміра. Историческій процессъ образованія этого памятника закончился приблизительно тогда же, когда появился и позднѣйшій окончательный изводъ *Русской Правды*, къ концу XIII вѣка.“

2. С. О. Долговъ прочелъ докладъ, подъ заглавіемъ:— *Новый видъ „Пренія Живота и Смерти“ въ древне-русской письменности.*

Борьба между жизнью и смертію и торжество смерти въ земной жизни есть могущественный двигатель человѣческой мысли и воображенія. Великіе мыслители и поэты такъ или иначе подходили къ этому вопросу, давали ему то или другое рѣшеніе, сообразно которому создавались религіозные культы и философскія системы. Референтъ изъ всѣхъ главнѣйшихъ произведеній человѣческаго ума, навѣянныхъ этимъ *memento mori*, оста-

новился на одномъ археологическомъ памятникѣ: *Пренія Живота и Смерти*, относящемся къ XVI вѣку нашей старинной аскетической литературы, являвшейся изъ-подъ пера монаховъ. Названный памятникъ, наглядно изображая міровую проблему, болѣе всего подходилъ къ аскетическому направленію. Будучи сначала переводнымъ памятникомъ, *Преніе* это весьма скоро перешло въ сознаніе массы народной, въ новыхъ формахъ оживало тамъ и до сихъ поръ живетъ въ народной фантазіи и литературѣ. Всѣ встрѣчавшіеся виды *Пренія Живота и Смерти* уже разобраны, въ данномъ же случаѣ референтъ познакомилъ Съѣздъ съ новою, еще не встрѣчавшеюся, формой этого пренія изъ нашей литературы XVI столѣтія. Въ переводѣ перешелъ этотъ памятникъ къ намъ изъ Западной Европы, чрезъ посредство Польши и Южной Россіи, и въ настоящее время находится въ одномъ сборникѣ конца XVI вѣка, хранящемся въ библиотекѣ Московской Духовной Академіи, въ числѣ рукописей Іосифо-Волоколамскаго монастыря. По содержанию это „прикладъ“ (то-есть душеполезная повѣсть), но изложенный виршами, подобными тѣмъ, которыми излагаются нѣкоторые образцы *Пренія Живота и Смерти*. Подъ перомъ русскаго книжника-монаха, этотъ прикладъ нѣсколько измѣнился: частію нарушенъ виршевой размѣръ, кое-что добавлено своего, частію выброшены нѣкоторые эпизоды, не идущіе къ цѣли душевной пользы. Но въ общемъ, памятникъ сохранился хорошо. Называется онъ — *Сказаніе о смерти нѣкоего мистра, сиречь философа*. Сказаніе начинается обращеніемъ къ Божіей помощи. Это обращеніе, равно какъ и слѣдующій за нимъ разговоръ, составляютъ прологъ къ діалогу мистра Поликарпа со смертию. „Поликарпъ нѣкто нарицаемъ, мудрецъ и мистръ избранный, молилъ о томъ Бога много и собралъ многихъ людей въ церковь, дабы видѣлъ смерть въ ея поставѣ (то-есть видѣ).“ Слово мистръ переписчикъ объясняетъ словомъ „философъ“ или „лѣкаръ“. Вотъ, когда Поликарпъ молился Богу, а люди стояли въ церкви, ему предстала смерть въ такомъ видѣ: «Онъ узрѣлъ челоуѣка нага, образомъ вельми шаркаредна, худа, блѣда, жолтолица; тѣло ся на ней сморщило, перевязала главу рубищемъ, кривоуста; мещеть очима, закалающе грозно, косу въ руцѣ имѣя, выпяла свои кости». По словамъ Вакернагеля, болѣе древнія изображенія смерти въ *Пляскѣ мертвыхъ* рисуютъ ее въ такомъ имен-

стностью пользуются изображенія въ Базельскомъ соборѣ, а среди гравированныхъ изданій—гравюры Гольбейна. Содержаніе этихъ гравюръ въ общихъ чертахъ всегда одинаково: смерть въ танцующей позѣ увлекаетъ за собою людей разныхъ сословій и положеній: папъ и кесарей, врачей и рыцарей, прелатовъ и монахинь, юношей и дѣвицъ; иногда это цѣлый хороводъ танцующихъ фигуръ, каждый со своею смертью—иногда, это пары. Эти изображенія сопровождаются стихами, по содержанію, близкими и къ приводимому памятнику и къ *Пренію*. Разбираемый памятникъ еще ближе, чѣмъ *Преніе*, стоитъ къ *Пляскѣ Смерти*, если вспомнить, что Смерть здѣсь говоритъ: „каждый передъ моею косою пляшетъ“. Автору повѣсти извѣстны были изображенія *Пляски Смерти*; потрясающій видъ пляшущей смерти съ ея жертвой пронесся предъ его глазами, и это живописное выраженіе невольно вылилось изъ-подъ его пера. Далѣе въ повѣсти интересенъ отвѣтъ Смерти на вопросъ Поликарпа, гдѣ она будетъ во время Страшнаго суда. Этотъ величественный, нарисованный самою, образъ смерти, гонящей грѣшниковъ на вѣчную муку, и отчаянный вопль грѣшниковъ къ той самой смерти, которая лишила ихъ жизни, чтобъ она вновь ихъ уморила, словно выхваченъ изъ *Божественной Комедіи* Данте. Этотъ глубоко трагическій моментъ сродни поэтическимъ воззрѣніямъ Русскаго народа и прекрасно передается въ стихѣ: „Зачѣмъ мы на томъ свѣту родились, зачѣмъ сызмалешенька мы не померли? На роду насъ родная мать зачѣмъ не растоптала?“ Сказаніе оканчивается предостереженіемъ смерти къ мистру, а черезъ него и ко всѣмъ людямъ. Приведя содержаніе повѣсти, референтъ приступилъ къ опредѣленію происхожденія этого памятника. Обиліе польскихъ и малорусскихъ словъ и выраженій, виршевый размѣръ указываютъ на Польшу и южную Россію, но родина древней повѣсти, по мнѣнію С. О. Долгова, лежитъ далѣе, въ западной Европѣ. По формѣ своей, памятникъ этотъ не школьная драма, какъ можетъ казаться по диалогической формѣ его, но и не мистерія, какъ это можетъ казаться изъ того, что дѣйствіе происходитъ въ церкви, гдѣ разыгрывались мистеріи. Изъ обстоятельнаго изслѣдованія Жданова узнается, что древнѣйшая форма разбираемаго Двоесловія представляетъ точный переводъ одного нижне-нѣмецкаго стихотворенія XV в., изъ чего референтъ за-

ключаетъ, что его памятникъ нѣмецкаго происхожденія. Подобныя небольшія стихотворенія, бывшія въ большемъ ходу въ нѣмецкой литературѣ XV и XVI вв., по формѣ и содержанію, очень близко подходятъ къ новѣйшему *Пренію*. Это подтверждается весьма сходнымъ памятникомъ „*Riame! vom Tode*“, рукописи XV в., указаннымъ референту Н. С. Тихонравовымъ. Далѣе, въ подтвержденіе связи между разбираемымъ памятникомъ и изображеніями *Плясокъ Смерти*, референтъ представилъ Съѣзду для разсмотрѣнія снимки съ этихъ плясокъ, полученные изъ драгоцѣннаго собранія О. И. Буслаева. Самыя замѣчательныя изображенія находятся въ Базельскомъ соборѣ и изданы Массманомъ. Нельзя не обратить вниманія на нѣкоторыя изъ этихъ чудныхъ изображеній. Это цѣлая поэма. Какъ типичны фигуры, какъ живы ихъ позы! Смерть, напимѣрь, еле касаясь за ленту платья, увлекаетъ въ танецъ королеву, повидимому и не замѣчающую этого; также незамѣтно схваченъ ею и прелать среди молитвеннаго размышленія. Молодую дѣвушку, полную силъ и жизни, увлекаетъ въ танецъ отвратительный кавалеръ съ бандурой, а вотъ другой дѣвушкѣ, задумавшей, смотря въ зеркало, погадать о суженомъ, мелькнулъ тамъ скелетъ, который тутъ же и приглашаетъ ее на танецъ; много и другихъ подобныхъ же тяжелыхъ картинъ... Въ заключеніе референтъ просилъ Съѣздъ обратить вниманіе на этотъ памятникъ, такъ какъ русская литература бѣдна именно этими свѣтскими произведеніями родной старины, и выразилъ надежду, что болѣе компетентные специалисты сдѣлаютъ нужныя и болѣе точныя указанія и пополненія.

3. Проф. А. С. Будиловичъ прочиталъ рефератъ:—*Къ вопросу о зарожденіи церковнославянскаго языка.*

Рѣшеніе этого вопроса, по взглядамъ референта, затруднено, во-первыхъ, тѣмъ, что не сохранилось ни одного церковнославянскаго памятника не только IX, но и первой половины X в.; во вторыхъ, послѣдовавшими въ періодъ времени съ конца IX по начало XI в. этимологическими переворотами, отразившимися на судьбѣ Славянъ малоазійскихъ, морайскихъ, дакійскихъ, паннонскихъ и др. При такихъ условіяхъ, возможно лишь приблизительное рѣшеніе этого вопроса, на основаніи, главнымъ образомъ, паннонскихъ житій и другихъ дополнительныхъ историческихъ источниковъ той эпохи, дополняемыхъ и освѣщаемыхъ данными языковѣднн.

Изъ паннонскихъ же житій видно, что не Солунь, а Цареградъ былъ мѣстопробываніемъ Константина Философа въ годы его юношества и зрѣлаго возраста. Поэтому, въ условіяхъ жизни тогдашняго Цареграда нужно искать объясненій его глубокаго знакомства со славянскимъ языкомъ и сочувствія послѣдному. Между этими условіями самымъ важнымъ было нахожденіе въ Цареградѣ множества Славянъ, между которыми преобладающимъ элементомъ могли быть малоазійскіе, во множествѣ населявшіе тогда прилежавшую къ Пропонтидѣ Опсикію, въ одномъ изъ монастырей которой игуменствовалъ въ 850 году Св. Меѳодій. Вотъ этихъ-то малоазійскихъ Славянъ, въ частности же игумена и иноковъ, остававшагося въ ихъ средѣ, Полихроніевскаго монастыря, и слѣдуетъ считать главными „споспѣшниками“ Константина Философа при установленіи имъ въ 882 году славянской азбуки и славянскаго перевода библейскихъ и богослужебныхъ книгъ. Составленный въ этой мѣстности текстъ послѣднихъ былъ затѣмъ перенесенъ Солунцами и ихъ учениками въ Великую Моравію; онъ послужилъ основой школь велико-моравскихъ и литургическаго употребленія славянскаго языка въ Моравіи, съ прилегающими частями Чехіи, Словеніи и сѣверной Панноніи. Мѣсяцевъ чрезъ 40 своего пребыванія въ Велико-Моравіи, Солунцы съ учениками отправились въ Римъ посвящать учениковъ, причемъ они проходили Блатенское княжество и въ теченіе кратковременнаго тамъ пребыванія познакомили со своимъ языкомъ, книгами и службами князя Кацела и его подданныхъ въ Блатнѣ; но ни откуда не видно, чтобъ они совершали тамъ свой переводъ богослужебныхъ книгъ или хотя бы лишь приноровили его къ языку Славянъ паннонскихъ. Законченный въ Велеградѣ кругъ богослужебныхъ книгъ былъ затѣмъ освященъ въ Римѣ папой и сталъ каноническимъ для Славянъ Панноно-моравской архіепископії. При Св. Меѳодіи онъ не подвергался уже существеннымъ измѣненіямъ, а наоборотъ, вошелъ въ окончательный сводъ библейскихъ и богослужебныхъ книгъ, составленный подъ редакціей Св. Меѳодія за нѣсколько лѣтъ до кончины. Провѣряя эти показанія паннонскаго житія и другихъ историческихъ источниковъ данными языковѣдѣнія, можно найти въ послѣднихъ полное подтвержденіе первыхъ. Основой уцѣлѣвшихъ редакцій церковно-славянскаго языка служитъ такой текстъ,

который по научнымъ, формальнымъ, лексическимъ, синтаксическимъ и фразеологическимъ особенностямъ не совпадаетъ ни съ однимъ изъ уцѣлѣвшихъ славянскихъ нарѣчій, хотя и приближается всего болѣе къ разнорѣчіямъ болгаро-ѳрако-македонскимъ. Текстъ этотъ, по всей вѣроятности, соотвѣтствуетъ рѣчи Славянъ малоазійскихъ, насколько можно заключать о нихъ по скуднымъ остаткамъ мѣстной и личной терминологіи у византійскихъ писателей, особенно Константина Багрянороднаго. Соотвѣтствіе это несравненно значительнѣе, чѣмъ то, какое могло существовать между Кирилло-Меѳодіевымъ языкомъ и говорами Славянъ Паннонскихъ, примыкавшими къ нарѣчіямъ сѣверо-западнымъ въ верхней Панноніи и къ юго-западнымъ въ Панноніи южной или нижней. На этомъ основаніи и слѣдуетъ предпочитать теорію малоазійскаго происхожденія церковно-славянскаго языка теоріямъ македонской, паннонской или инымъ. Что касается возраженій о странности такого экстерриториальнаго образованія церковно-славянскаго языка, то референтъ указаль на аналогичныя условія возникновенія древнѣйшихъ образцовъ языка Греческаго (Гомеръ) въ заморской Іоніи, языка италіянскаго въ Сициліи при Гогенштауфенахъ, нѣмецкаго въ Чешской Прагѣ при Карлѣ IV и даже новорусскаго въ петербургскій періодъ нашей исторіи.

Профессоръ О. Е. Коршъ, не соглашаясь съ мнѣніемъ г. Будиловича о малоазійскомъ происхожденіи славянскаго языка, въ продолжительной рѣчи высказаль свои соображенія о томъ, что языкъ этотъ имѣеть мѣстомъ своего происхожденія народы Балканскаго полуострова, причемъ первообразомъ церковно-славянскаго языка О. Е. Коршъ считаетъ болгарскій, или, еще вѣрнѣе, словенскій языкъ.

4. Проф. М. С. Дриновъ прочель докладъ подъ заглавіемъ: — *Сказаніе о Святогорѣ и Тягѣ Земной въ южно-славянской народной поэзіи.*

Въ послѣдней книжкѣ *Библиотека Свети Климентъ*, періодическаго изданія въ Софіи, напечатана, записанная со словъ, народная пѣсня юго-западной Македоніи, представляющая замѣчательное сходство съ русскимъ сказаніемъ о Святогорѣ и тягѣ земной. Сходство это мѣстами доходитъ до полнаго тождества, что не должно, однако, казаться страннымъ, такъ какъ подобное же близкое сходство обнаруживаютъ нѣкоторые памятники южно-славянскаго творчества по отно-

шенію къ другимъ русскимъ сказаніямъ. Напримѣръ, въ былинахъ о гибели богатырей и въ южно русскихъ „Думахъ объ Алешѣ Поповичѣ“ открыты профессорами Потемней и Холанскимъ, замѣчательнымъ знатокомъ болгарскаго языка, параллели съ произведеніями народнаго творчества у западныхъ Славянъ. Къ тому же, на дняхъ, одинъ изъ студентовъ Московскаго университета Ниновъ, родомъ Болгаринъ изъ Македоніи, сообщилъ референту, что онъ слышалъ на родинѣ недалеко отъ Солуни сказку того же содержанія, какъ и македонская пѣсня, въ пользу подлинности которой говорятъ и еще другія данныя. Затѣмъ референтъ сообщилъ содержаніе былины въ самыхъ общихъ чертахъ. Герой ея— Марко Кралевичъ, играющій роль нашего Святогора, титанъ, отъ тяжести котораго изнемогаетъ мать черная земля. Когда онъ ѣдетъ, то подъ его лошадыю трещатъ горы и стонетъ земля. Великанъ странствуетъ, ища соперника равнаго по силѣ, и вѣчно мучится тѣмъ, что не находитъ такого. Однажды, когда онъ такъ метался въ поискахъ, на него заглядѣлась вечерняя звѣзда и долго любовалась на невиданнаго богатыря. Великанъ обратился съ просьбой къ ней— указать ему достойнаго соперника, на что звѣзда говоритъ, что такого существа нѣтъ и не было. Тогда Марко въ изступленіи сказалъ слѣдующія безумныя слова: „Спустишь Господь съ высокаго неба,—и съ нимъ бы могъ я поле раздѣлить! а было бы, за что ухватиться, одной рукой всю землю бы поднялъ“. Послѣ такихъ безумныхъ словъ ясное лицо звѣзды затуманилось, и она поспѣшила укрыться за чернымъ облакомъ, откуда оросила землю слезами. Пѣсня не объясняетъ причины этихъ слезъ, но дальше видно будетъ, что онѣ вызваны были предчувствіемъ бѣды—что интересовавшій ее богатырь погубить себя своею похвалой. Но Марко не смутился исчезновеніемъ звѣзды и поскакалъ далѣе; снова затрещали горы, полетѣли скалы изъ-подъ копытъ коня, зашатался лѣсъ, закипѣли моря: вся природа затрепетала отъ богатырской ѣзды, страхъ объялъ жителей селеній, животныхъ и птицъ. Тогда сжалился надъ природой Богъ и въ образѣ дряхлаго старца спустился на землю, наполнилъ небольшую сумку „черной“ землей и благословилъ ее, отчего сумка сравнялась въ тяжести съ „самой матерью черною землей“. Старецъ отправился на перекрестокъ дорогъ и сѣлъ въ ожиданіи богатыря, который не за-

медлилъ явиться. Когда Марко подѣхалъ къ перекрестку, то старецъ попросилъ его пособить поднять сумку на спину, чтобъ отправиться въ дальній путь. Посмѣиваясь, богатырь зацѣпилъ концомъ своего копья мѣшокъ и хотѣлъ подбросить его на спину старца, но чудо! Копье ломается, тогда великанъ берется за мѣшокъ правою рукою и хочетъ его приподнять, но отъ натуги подъ нимъ задрожалъ конь и ушелъ по колѣна въ землю. Удивленный титанъ соскакиваетъ съ коня и толкаетъ сумку ногой, но и тутъ не сдвигаетъ ее, а лишь портитъ ногу. Наконецъ онъ хватаетъ ее обѣими руками, принагуживается, на лицѣ его выступаетъ кровавый потъ, изъ горла хлынула кровь, а самъ онъ увязъ въ камень по колѣна и только тутъ удалось ему поднять сумку на двѣ пяди; приподнялъ и выпустилъ. Тогда старецъ обратился къ Маркѣ съ вопросомъ, осталось ли у него силы бороться съ Богомъ, какъ сказалъ раньше. Богатырь отказался: онъ уже раскаялся въ своемъ безумномъ словѣ. Богъ прощаетъ его и благословляетъ, но только не силой, которая у него отнялась на вѣки, а умомъ, хитростью и коварствомъ. Старикъ исчезъ, а богатырь тихими шагами направился къ своему Прилипу, гдѣ онъ, по словамъ пѣсни, женился и мирно жилъ, оберегая родной городъ, но уже не силой, а умомъ и хитростью. Таково содержаніе пѣсни, замѣчательной уже по одной поэтической яркости и силѣ, какъ на примѣръ въ эпизодѣ разговора съ вечернею звѣздой. Правда, заключеніе мало вяжется съ общимъ содержаніемъ, но это объясняется очевиднымъ желаніемъ оправдать любимаго героя, участвовавшаго въ военныхъ дѣйствіяхъ съ Турками противъ родичей (при Коссовой битвѣ). Если исключить его, то все содержаніе оказывается сходнымъ съ русскими сказаніями о Святогорѣ и Земной Тягѣ. Разница есть еще въ томъ, что о нѣкоторыхъ эпизодахъ русскихъ сказаній здѣсь упоминается вскользь (женитьба), другіе же эпизоды, наоборотъ, повторяются съ большими подробностями. Въ заключеніе референтъ предложилъ обратить особое вниманіе на только что изданный вариантъ этого, одного изъ особенно интересныхъ мотивовъ русскаго народнаго эпоса.

Въ этотъ день вечерняго засѣданія не было, такъ какъ въ 5½ час. веч. въ Московской городской Думѣ состоялся роскошный обѣдъ въ честь Съѣзда, на который были при-

глашены всѣ должностныя лица и депутаты и большинство членовъ Съѣзда. Гостей встрѣчалъ и принималъ радушный хозяинъ, Московскій Городской Голова Н. А. Алексѣевъ съ своей супругой.

Въ тотъ же день, въ 10 час. веч., у Московскаго Генераль-Губернатора, князя В. А. Долгорукова былъ назначенъ обычный новогоднй рауть, на который были также приглашены и всѣ члены Съѣзда.

6.

15 ЯНВАРЯ. 2 ЧАСА ДНЯ.

2-ое общее засѣданіе.

Почетный Предсѣдатель Баронъ Ѡ. А. Бюлеръ.

1. Академикъ Ѡ. И. Буслевъ сдѣлалъ два сообщенія: а) *Первое дополненіе къ „Лицевому Апокалипсису“ Буслева, сдѣланное имъ самимъ* и б) *Стилизация ландшафта въ русскихъ рукописныхъ миниатюрахъ.*

а) Впродолженіе шести лѣтъ напрасно ожидавъ исправленій или дополненій къ своему труду, Ѡ. И. первый исправляетъ въ немъ два недостатка и даетъ дополненія (представившіяся случайно). *Исправляется* одинъ промахъ напряженнаго и, какъ сознаетъ и самъ авторъ, восторженнаго вниманія (Ѡ. И. желаетъ называть этотъ lapsus „грубѣйшей ошибкой“) и одна недомолвка. Именно, на стр. 81, въ устахъ Агнца слѣдуетъ видѣть не большой перстень съ круглою печатью, а вѣнецъ, сообразно съ Апок. 6, 2. Именно такъ, съ аграфомъ, онъ изображается и у насъ, и на западѣ (безъ аграфа же напр. въ Англосаксонскомъ Апок. XII в., въ Ксилографич. Апок. XV в., какъ указано въ трудѣ Ѡ. И. на стр. 108—109 и въ альбомѣ, снимки 270, а и б); къ бамберскому-же изображенію всего ближе два вѣнца (цѣломудрія и мученичества) въ

клювахъ двухъ голубей по сторонамъ св. Агнесы на одномъ стекляномъ донышкѣ изъ катакомбъ (Martigny, Dictionnaire des antiquités chrétiennes. Paris 1877, p. 32).—Неопредѣленные ближе на стр. 84 слова: «по древнему обычаю» (при описаніи прически св. Жены) Θ. И. восполняетъ указаніемъ на прическу женщинъ, за трапезой, въ стѣнной живописи временъ христіанскихъ мучениковъ, напр. въ катакомбахъ свв. Марцелина и Петра (Martigny, p. 699), на головной уборъ Беллиціи, IV—V стол., въ Ватик. библ. (Jacquemin, Histoire générale du costume du IV au XII siècle, рис. къ стр. 46—47).

Дополненія касаются, во-первыхъ, Пражскаго Апокалипсиса (стр. 109 слѣд.). Характеризуя его, Θ. И. указывалъ на западную особенность его, столь далекую отъ строя воззрѣній восточнаго православія и состоящую во внесеніи интересовъ современной дѣйствительности въ мистическую сферу неземныхъ видѣній. Соотвѣтственно этому и вышедшая позднѣе книга К. Глоде: Franz von Assisi und die Anfänge der Kunst der Renaissance in Italien, Berlin, 1885, разсматривая фрески Чимабуэ во Францисканскомъ монастырѣ въ Ассизи, приходитъ къ выводу, что „фрески эти (апокалиптическія изображенія) говорятъ о борьбѣ трехъ орденовъ св. Франциска со змѣемъ еретичества“ (стр. 231, слич. стр. 103).—Къ указаніямъ на редакціи и переводы русскаго Лицевого Апокалипсиса Θ. И. можетъ сдѣлать лишь два дополненія: недавно приобрѣтенная Н. С. Тихонравовымъ рукопись Апокалипсиса XVII в. въ четверку, съ воспроизведеніемъ, хотя грубымъ и неряшливымъ, не только миниатюръ, но и орнаментации юсовой рукописи XVI в., принадлежащей Θ. И.; приобрѣтенный Θ. И. Буслаевымъ лицевой сборникъ въ 4-ку (преимущественно повѣствованія о загробной жизни: изъ житія Василя Новаго, мытарства св. Θεодоры, преп. Макарія о отшедшихъ душахъ, преп. Θεоктиста, инока Студійскаго, поученія братій и т. п.), и совершенно одинаково и тѣми-же лицами писанный и разрисованный, какъ Тихонравскій Лицевой Апокалипсисъ 1731—1736 г. (стр. 782 слѣд.); въ концѣ сборника приложено тожественное-же „предисловіе“, въ коемъ лишь вмѣсто имени Ферапонта, читается Филаретъ; но Н. С. Тихонравовъ письмомъ сообщаетъ Θ. И., что и въ его рукописи „остались слѣды попытки передѣлать криптографическое *Филарету въ Ферапонтѣ*“. Такъ выясняется истинное имя мастера—Филаретъ.

Дополняя новыми данными списокъ *рукописей* русскаго Лицевого Апокалипсиса, Ѳ. И. указываетъ на рук. XVIII в., принадлежащую Еп. Амфилохію, который, изъ числа 70 миниатюръ этой рукописи, издалъ 20 при текстѣ — Откровенія Іоанна Богослова по рукоп. XIV в. и по списку св. Алексія Митр.; далѣе на пергаментную рукопись, по слухамъ имѣвшуюся у московскаго купца Банкетова (о ней слышалъ и И. Л. Силинъ) и нынѣ неизвѣстно гдѣ находящуюся; на рукопись, о которой, въ 1884 г., публиковалось какъ о „неизвѣстной г. Буслаеву“ и которая оказалась очень хорошимъ экземпляромъ перевода или копии той редакціи, во главѣ которой Ѳ. И. поставилъ Апокалипсисъ Имп. Публ. Библ. и Музейные листы XVII в. (554 и слѣд.); наконецъ на весьма интересную рукопись, принадлежавшую пѣвцу Преображенскаго кладбища, Богданову, и содержавшую свѣдѣнія объ апокалиптическихъ изображеніяхъ, имѣвшихся въ разныхъ церквахъ и часовняхъ и нынѣ пропавшихъ; Ѳ. И. слышалъ, что собраніе рукописей Богдановъ передалъ въ Имп. Публ. Библ.

Строго установивъ рамки своего изслѣдованія и исключивъ изъ нихъ редакціи раскольничьи (поэтому и одну изъ рукописей А. И. Хлудова), Ѳ. И., однако, ради специалистовъ, сообщилъ затѣмъ въ засѣданіи объ одной рѣдчайшей и единственной, въ своемъ родѣ, рукописи раскольничей, поднесенной имъ въ 1860 г. Августѣйшему ученику его, въ Бозѣ почивающему Цесаревичу Николаю Александровичу. Это книга необузданно изувѣрская: „Книга о седми небесахъ, о сотвореніи Адама и Евы“ — цѣлая раскольничья поэма, съ соединеніемъ отличія старой вѣры отъ Никоновой, повѣстей изъ Патериковъ, слова о чловѣкѣ въ отличіе его отъ животныхъ, отъ золота и т. д.; вся рукопись въ миниатюрахъ и при каждой объяснительный текстъ; письмо поморское, XVIII в., въ 4-ку.

б) *Стилизация ландшафта въ русскіхъ рукописныхъ миниатюрахъ*. Для стилизаціи земного ландшафта (стилизацію неба см. стр. 381 — 467 „Лиц. Апок.“) богатый матеріалъ данъ Ѳ. И. 27-ю изъ миниатюръ его рукописи XVII в. въ 4-ку „Слова Палладія Мниха о второмъ пришествіи“. Элементовъ стилизаціи — два: 1) Продольная половина листа растенія, отороченная овальными вырѣзами, составляющими нижнюю часть этого рисунка, и 2) родъ кокошника, по боковымъ

склонамъ котораго подымается по завитку (иногда завитокъ лишь съ одного склона). Листья покрываютъ землю и изображаютъ на ней растенія; кокошникъ изображаетъ горы и утесы. Каждый листъ предполагается громаднѣхъ размѣровъ, ибо очень часто на одномъ листѣ помѣщается по нѣсколькѣ человекъ. Иногда листъ протягивается въ сплошную ленту безъ раздѣленія на отдѣльные листы. На одной миниатюрѣ земля, окруженная со всѣхъ четырехъ сторонъ, можетъ покрыта разбросанными по ней листьями и кокошниками (лѣса и горы), а въ гармоніи съ этимъ и само море суживается въ четыре корыта, и въ каждомъ помѣщено по колоссальной рыбѣ. „Только такимъ смѣлымъ приѣмомъ наивнаго иконописца возможно было вмѣстить необъятную громаду всей земли и моря въ малый клочекъ стилизованнаго ландшафта“. Здѣсь миниатюра принимаетъ уже видъ обыкновенной рукописной заставки изъ фантастическихъ орнаментовъ: это — стиль не живописный, а орнаментный. Слѣдуетъ замѣтить полную художественную осмысленность и умѣстность подобной стилизаціи ландшафта, разъ въ углу рисунка требовалось изображеніе зіяющей пасти ада. Въ заключеніе *Θ. И.* обобщилъ выводы сообщенія, указавъ на значеніе своей рукописи, какъ дополненія къ ученію о стилизованныхъ формахъ въ миниатюрахъ.

Передъ началомъ чтеній и по окончаніи cadaго изъ нихъ единодушныя и долгія рукоплесканія привѣтствовали высокочтимаго лектора, а во время выхода его изъ залы общія чувства глубокаго уваженія и признательности къ нему нашли себѣ выраженіе въ восторженной и продолжительной оваціи, среди которой *Θ. И.*, остановившись, краткими словами благодарилъ своихъ слушателей.

2. *В. И. Модестовъ* прочелъ докладъ объ одной изъ мѣръ къ поднятію *археологическаго образованія въ Россіи*, въ которомъ ознакомилъ членовъ Съѣзда съ давнр лелѣянною имъ мыслью о настоятельной необходимости открытія Археологическаго Института для русскихъ въ Римѣ и Аѣинахъ. Институтъ этотъ долженъ служить школой для русскихъ молодыхъ археологовъ при изученіи классической археологіи, которую необходимо класть въ основаніе археологіи вообще: она должна давать тонъ всей наукѣ древностей, а между тѣмъ о ней-то мы и не имѣли точныхъ понятій, и до насъ доходили только слухи о тѣхъ открытіяхъ, которыя дѣлались въ этой

области. Только благодаря любезности италянскихъ, французскихъ и другихъ археологическихъ учреждений, русскіе археологи въ рѣдкихъ случаяхъ могли пользоваться драгоценными въ научномъ отношеніи книгами, альбомами т. п.; надѣяться же на подобную благосклонность всегда очень рискованно. Чтобы слѣдить шагъ за шагомъ за успѣхами классической археологіи, отличающейся своею систематизацией и въ этомъ смыслѣ очень важной, необходимо учрежденіе въ центрахъ ея постоянныхъ институтовъ. Лицо компетентное, основательно знакомое съ классическими древностями, могло бы давать на первое время указанія въ работахъ и руководить молодыми археологами, впервые попавшими за границу. Всякому извѣстно, какъ бесплодно проходитъ у нихъ первое время по пріѣздѣ къ цѣли путешествія и какъ неправильна долгое время работа ихъ при невозможности найти руководителя, который отозвался бы на ихъ критическое положеніе. Русскій институтъ можетъ играть въ этихъ случаяхъ очень полезную роль и путешественникъ за границей встрѣтитъ сердечную и серьезную помощь въ своей дѣятельности. Относится это не къ однимъ археологамъ, но и ко всѣмъ ученымъ, изъ которыхъ, между прочимъ, можно указать на филологовъ, для которыхъ изученіе древностей классическихъ также важно. Докладчикъ начертилъ въ самыхъ общихъ чертахъ и планъ этого института, положивъ на первоначальное его основаніе около 10.000 рублей. Въ заключеніе докладчикъ просилъ Съѣздъ обратить вниманіе на его предложеніе и ходатайствовать предъ правительствомъ объ учрежденіи такого института.

3. В. Т. Георгіевскій прочелъ докладъ *О преподаваніи археологіи въ духовныхъ семинаріяхъ и объ устройствѣ епархіальныхъ археологическихъ музеевъ.*

Докладчикъ указалъ на грустное явленіе, засвидѣтельствованное еще, между прочимъ на I Археологическомъ Съѣздѣ, что памятники древности исчезаютъ съ каждымъ годомъ все болѣе. Противъ этого изыскивались разныя мѣры, изъ которыхъ самою вѣрной признано—возбужденіе въ обществѣ интереса къ древностямъ посредствомъ широкаго распространенія въ немъ археологическихъ знаний. Къ числу этихъ средствъ относится и преподаваніе церковной археологіи въ семинаріяхъ. Важное значеніе ея въ дѣлѣ богословскаго образованія несомнѣнно уже потому, что она должна раз-

вивать въ ученикахъ не только любовь къ церковной стари-
нѣ, но и уваженіе ко всему церковному, и можетъ дать свя-
щенникамъ сильное оружіе для борьбы съ расколомъ, гдѣ
археологія составляетъ принципіальную основу. Ученымъ
академикомъ Ѡ. И. Буслаевымъ указана и другая сторона
вопроса, что изученіе церковной археологіи принесло бы
большую пользу русскому православному церковному искус-
ству иконографіи, находящемуся въ упадкѣ вслѣдствіе отсут-
ствія въ духовенствѣ и художникахъ археологическихъ зна-
ній. Мнѣніе это оказывается, такимъ образомъ, не новымъ,
но, къ сожалѣнію, общее желаніе не осуществилось до сихъ
поръ. Только въ духовныхъ академіяхъ археологія входитъ
въ учебные предметы. Всѣ прежніе доводы, приводившіеся
въ защиту преподаванія археологіи, сохраняютъ свою силу
и до сихъ поръ. Памятники церковной старины, въ глухихъ
мѣстечкахъ и селахъ, не смотря на бдительный надзоръ
археологическихъ обществъ, благодаря отсутствію у свя-
щенниковъ и вообще у духовенства археологическихъ зна-
ній, уничтожаются и будутъ уничтожаться до тѣхъ поръ,
пока духовенство не выучится отличать древнее отъ новаго,
цѣнное отъ неимѣющаго никакой цѣны, и любить церковную
старину. Древніе, бѣдные иконостасы и, въ особенности,
древнія иконы почти повсемѣстно неумѣло поновляются, а
часто и совсѣмъ уничтожаются, замѣняясь произведеніями
новѣйшихъ „живописцевъ“ въ угоду всякаго „ревнителя бла-
голѣпія храма“, несмотря на всѣ мѣры археологическихъ
обществъ, направленные къ охраненію произведеній древне-
русской иконографіи. Нерѣдко церковная утварь, ветхія цер-
ковныя облаченія, шитыя золотомъ и серебромъ пелены, воз-
духи и т. п. продаются за безцѣнокъ на выжигу особымъ
ходебщикамъ изъ крестьянъ Московской губерніи, Подоль-
скаго уѣзда, гдѣ цѣлыя волости занимаются металлическимъ
церковнымъ производствомъ. Необходимость археологичес-
кихъ знаній для священниковъ, въ приходахъ съ раскольни-
ками, признается всѣми опытными миссіонерами. Споры о
четыреконечномъ крестѣ, перстосложеніи, имени Иисуса и
пр. всего проще рѣшаются при помощи церковно-археоло-
гическаго знанія памятниковъ. Итакъ, преподаваніе церков-
ной археологіи въ семинаріяхъ въ настоящее время, по мнѣ-
нію референта, необходимо и возможно, болѣе чѣмъ прежде.
Но преподаваніе это можетъ быть успѣшно только при

наглядномъ ознакомленіи съ древними памятниками, а потому, по мнѣнію референта, необходимо устройство епархіальныхъ музеевъ древностей, а ихъ можно устроить безо всякихъ крупныхъ издержекъ. На подобныхъ основаніяхъ существуютъ учрежденныя духовными братствами древнехранилища во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, Владимірѣ-Волинскомъ и др. Составляются они изъ пожертвованій церковей, духовенства и пр. Могутъ быть открыты музеи и при семинаріяхъ, только нужно устраивать ихъ по извѣстному плану, соотвѣтствующему педагогическимъ цѣлямъ. Въ него должны входить, кромѣ російскихъ древностей, снимки съ различныхъ русскихъ древностей классическихъ, архитектурныхъ, скульптурныхъ и т. д. При современныхъ успѣхахъ фотографіи, фототипіи и хромофотографіи все это удобоисполнимо и не потребуетъ крупныхъ затратъ. Нѣкоторые памятники могутъ постепенно приобрѣтаться въ гипсовыхъ снимкахъ и лишь немногіе въ подлинникахъ, если можно достать ихъ пожертвованіями. Деньги на устройство такихъ музеевъ можно достать путемъ подписки, пожертвованій отъ любителей русской старины. Нѣкоторыя рѣдкости, ненужныя въ церковномъ богослуженіи, можно брать на храненіе. При существованіи такихъ музеевъ, наука археологіи будетъ поставлена на надлежащую высоту и возбудитъ въ учащихся сильный интересъ и любовь къ русской старинѣ на всю жизнь. Тогда прекратится слѣпой вандализмъ и перестанутъ мѣнять старинныя иконостасы на новые въ стилѣ „рококо“, съ италіанскою живописью сентиментальныхъ сюжетовъ. Любовь къ церковной археологіи разовьетъ любовь и къ археологіи вообще и духовенство явится дѣятельнымъ помощникомъ археологическихъ обществъ.“ Въ заключеніе референтъ высказалъ пожеланіе, чтобы VIII Археологическій Съѣздъ ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ о введеніи археологіи въ видѣ самостоятельнаго предмета въ семинаріяхъ.

7.

15 ЯНВАРЯ. 8 ЧАС. ВЕЧЕРА.

Отдѣленіе I. Древности первобытныя.

Почетный предсѣдатель Проф. А. П. Богдановъ.

Предсѣдатель Отдѣленія Проф. Д. Н. Анучинъ.

Секретарь Отдѣленія Н. Л. Гондатти.

Открывая засѣданіе, проф. А. П. Богдановъ сообщилъ, что 10-го февраля имѣеть чествоваться въ Парижѣ 80-лѣтній юбилей жизни и 50-лѣтній—докторства извѣстнаго антрополога, профессора Катрфажа, и предложилъ почтить мас-титаго ученаго поздравительной телеграммой отъ имени съѣзда. Собраніе выразило полное сочувствіе этому предложенію.

Затѣмъ А. П. Богдановъ представилъ вниманію съѣзда послѣдніе выпуски трудовъ антропологическаго отдѣла Общества любителей естествознанія, въ которыхъ помѣщены три работы молодого ученаго, недавно избраннаго секретаремъ этого отдѣла, А. Н. Харузина („Киргизы Букеевской Орды“, „Древнія могилы Гурзуфа“ и „Курганы Букеевской степи“), и предложилъ сто экземпляровъ ихъ въ даръ членамъ съѣзда.

1. Представитель Парижскаго Société pour l'avancement des sciences E. Cartailhac (Э. Карталякъ) сдѣлалъ на французскомъ языкѣ сообщеніе: *Des lumières que l'archéologie préhistorique russe peut projeter sur l'Europe occidentale (О значеніи русской доисторической археологіи для Западной Европы)*.

Указавъ на новѣйшую классификацію отложеній четвертичнаго или постиліоценоваго періода, на эпохи доледниковою, межледниковую и послѣледниковую, референтъ остановился на этой послѣдней, въ которой онъ различаетъ, въ свою очередь, двѣ эпохи—мамонта и сѣвернаго оленя. Человѣкъ появился въ Европѣ, вѣроятно, въ межледниковую эпоху (между первой и второй эпохой широкаго распространенія ледниковъ) и изъ Азіи; Катрфажъ видитъ даже

колыбель человѣческаго рода въ Сибири, вообще на глубокомъ Сѣверѣ, гдѣ человѣкъ появился, вѣроятно, еще въ доледниковую эпоху, когда климатъ тамъ былъ значительно теплѣе, чѣмъ теперь. Эта древнѣйшая эпоха существованія человѣка называется палеолитической; человѣкъ жилъ тогда въ такъ-называемомъ древнѣйшемъ каменномъ вѣкѣ, пользовался только орудіями, сдѣланными изъ камня (путемъ его оббивки), кости, рога и дерева, жилъ охотою и рыболовствомъ, не имѣлъ домашнихъ животныхъ и воздѣлываемыхъ растений. Слѣды этой палеолитической эпохи констатированы и въ Западной Европѣ и въ Россіи; но въ послѣдней слѣды эти скудны и заключаются въ грубыхъ каменныхъ издѣліяхъ, найденныхъ вмѣстѣ съ остатками мамонта, тогда какъ на Западѣ эпоха эта представлена массою находокъ предметовъ изъ камня, кости и рога. Уже въ Австріи и Германіи извѣстно гораздо болѣе находокъ этой эпохи, чѣмъ въ Россіи, но особенно много ихъ было сдѣлано во Франціи, какъ въ открытыхъ отложеніяхъ, такъ и особенно—въ пещерахъ, служившихъ мѣстомъ пристанища человѣка въ эпоху сѣвернаго оленя. Это какъ будто указываетъ, по мнѣнію Карталяка, что человѣкъ палеолитической эпохи заселилъ Европу съ востока, изъ Азіи, и, постепенно подвигаясь на западъ, совершенствовался въ культурѣ. Въ Россіи — онъ обдѣлывалъ только грубыя кремневая орудія, въ Средней Европѣ—его издѣлія уже были болѣе разнообразны, на Западѣ, во Франціи онъ не только изготовлялъ себѣ орудія и оружіе, но и украшалъ ихъ изображеніями различныхъ животныхъ и сценъ изъ своей охотничьей жизни. Указавъ на сходство нѣкоторыхъ издѣлій этой эпохи, найденныхъ въ Россіи, съ таковыми же, найденными на Западѣ, референтъ выразилъ мнѣніе, что дальнѣйшія находки отложеній этой эпохи въ Россіи помогутъ значительно разяснить вопросъ о древнѣйшихъ стадіяхъ и путяхъ распространенія палеолитической культуры. Подобнымъ же образомъ, по мнѣнію референта, русская археологія въ состояніи дать важныя указанія относительно неолитической эпохи, относительно распространенія орудій изъ нефрита (зеленаго камня), относительно такъ-называемыхъ металитическихъ памятниковъ (дольменовъ, могилъ изъ громадныхъ каменныхъ плитъ), наконецъ, относительно распространенія металлической культуры, знакомства съ мѣдью и

железомъ. До послѣдняго времени полагали, что знакомство съ железомъ распространилось изъ Африки, гдѣ негры были знакомы съ нимъ по крайней мѣрѣ за 3000 лѣтъ до нашей эры; но многія находки, сдѣланныя на Кавказѣ и Сибири, заставляютъ подвергнуть этотъ вопросъ новому разсмотрѣнію. Доисторическая культура Кавказа, какъ она открывается изслѣдованіемъ древнихъ могильниковъ, является загадкою, разрѣшеніе которой способно бросить новый свѣтъ и на доисторическую археологію Западной Европы. Свой докладъ г. Картальякъ иллюстрировалъ демонстраціей таблицъ изъ недавно изданнаго атласа Пьетта, изображающаго всѣ важнѣйшія находки палеолитической эпохи во Франціи. Интересны, между прочимъ, найденные во многихъ пещерахъ голыши или гальки съ изображенными на нихъ, красной краской, узорами въ видѣ линій, крестовъ и т. д.

По поводу реферата Картальяка, проф. А. П. Богдановъ замѣтилъ, что референтъ намѣревается сдѣлать на французскомъ языкѣ сводъ данныхъ русской археологической литературы по доисторическому періоду, для чего и проситъ русскихъ археологовъ доставлять ему изданныя по этому періоду сочиненія, оттиски статей, рисунки и т. д.

2. Делегатъ Société Archéologique et Historique de Charente (Археологическаго и Историческаго Общества въ Шарантѣ) Comte Louis de Fleury (графъ Луи де Флери) сдѣлалъ сообщеніе De quelques horodysce du bassin de la Vistule (О нѣсколькихъ городищахъ въ бассейнѣ Вислы).

Двѣ археологическія карты, въ которыхъ говорится о земляныхъ укрѣпленіяхъ или городищахъ, были изданы относительно западной Пруссіи, то есть относительно лѣваго берега Вислы: первая въ 1881 году г. Годфридомъ Оссовскимъ, который считаетъ всѣ эти укрѣпленія памятниками каменнаго вѣка, другая въ 1887 году докторомъ Лиссауэромъ, который относитъ ихъ происхожденіе къ эпохѣ, называемой имъ сѣверо-арабской, отъ седьмого до одиннадцатаго столѣтія. Такимъ образомъ, существуетъ полное разногласіе: по мнѣнію референта, г. Оссовскій не представилъ достаточныхъ доказательствъ въ пользу своей теоріи не только относительно всѣхъ городищъ вообще, но и ни для одного изъ нихъ въ частности; докторъ Лиссауэръ доказалъ, что въ десятомъ столѣтіи еще строились подобныя укрѣпленія въ славянскихъ

странахъ, но онъ нисколько не доказалъ, чтобы нѣкоторыя изъ нихъ не относились къ несравненно болѣе отдаленной эпохѣ.

Дѣйствительно, онъ опирается на слова свидѣтеля-очевидца, Абрама-Ибрагима ибнъ Якуба, который сопровождалъ, въ 973 году, посольство, отправленное изъ Африки въ Мерзебургъ, къ Германскому императору Оттону I. „Когда Славяне, говоритъ онъ, хотятъ строить замки, они отыскиваютъ мѣстность, изобилующую пастбищами, или болото и намѣчаютъ оградой круглое или продолговатое пространство, потомъ окружаютъ его ровомъ и дѣлаютъ вдоль него валъ изъ вынутой изъ рва земли. Земля эта бьется при помощи досокъ или жердей, пока она не пріобрѣтетъ твердости битой глины. Дойдя до желаемой высоты, они отмѣриваютъ съ одной стороны мѣсто для воротъ, куда они направляютъ мостъ черезъ ровъ“.

Это описаніе вполне соотвѣтствуетъ кольцеобразнымъ укрѣпленіямъ, называемымъ грады, градижки, городища, какія мы теперь встрѣчаемъ въ бассейнѣ Вислы. Это описаніе доказываетъ, во-первыхъ, что такихъ укрѣпленій не строилось въ странѣ Ибрагима, потому что они обратили на себя его вниманіе. Во-вторыхъ, что такія укрѣпленія еще въ то время строились у Славянъ. Но текстъ нисколько не говоритъ о томъ, чтобы такой способъ постройки укрѣпленій не употреблялся у нихъ уже съ давнихъ временъ.

Графъ Иванъ Завиша упоминаетъ о двухъ городищахъ, гдѣ онъ нашелъ орудія каменнаго вѣка безо всякихъ металловъ, одно городище Чурилова, другое Меречева, въ Минской губерніи.

Графъ де-Флѣри доказывалъ, что жителямъ побережья въ Вислы, имѣвшимъ цивилизацію каменнаго вѣка, вѣроятно бронзоваго, начала желѣзнаго и римскую культуру, должно было быть извѣстно искусство строить укрѣпленія, что они должны были научиться ему, если прежде его не знали, у греческихъ колоній и Римской имперіи, съ которыми они соприкасались въ извѣстныхъ пунктахъ. Ораторъ привелъ по этому поводу слова Павла Оросія и Вегеція.

Онъ даже полагаетъ, что подобнаго рода укрѣпленія, извѣстныя Галламъ и Бретонцамъ до Цезаря, должны относиться къ самой глубокой древности и что первые акрополи въ Азій, Греціи и Италиі должны были быть чѣмъ-нибудь

въ этомъ родѣ, за исключеніемъ разницы въ матеріалахъ и почвѣ. Но докладчикъ, желая ограничиться лишь городищами бассейна Вислы, привелъ нѣсколько подобныхъ памятниковъ, измѣренныхъ и срисованныхъ имъ, и рисунки коихъ онъ и представляетъ Съѣзду.

Затѣмъ графъ де-Флѣри сдѣлалъ краткую монографію городища Визны, лежащаго на берегу Нарева, въ Ломжинской губерніи. Въ этомъ городищѣ, въ двадцать метровъ вышины и пространствомъ съ десятину, до XVII вѣка существовалъ деревянный дворецъ. Еще въ 1575 году дворецъ этотъ былъ совершенно цѣль; были цѣлы башни, куртины, окружная дорога, мостъ и зала съ оружіемъ. Ораторъ описалъ этотъ дворецъ по инвентарю того времени (исторія его упоминаетъ подъ 1294—1296 гг. и въ первый разъ подъ 1170 г.) На его, пустой теперь, вершинѣ, найдены камни голыши, которые недостаточно характеристичны для опредѣленія каменнаго вѣка, римскія монеты Антонина, которыя по занимаемому ими мѣсту на холмѣ, сдѣланномъ рукой челоука, заставляютъ предполагать, что укрѣпленіе существовало, когда онѣ были потеряны, затѣмъ цѣлая коллекція характеристическихъ сосудовъ типа, называемаго Нѣмцами *Burgwall*; желѣзные наконечники отъ стрѣлъ и части арбалетовъ, относящихся къ Среднимъ вѣкамъ; наконецъ, глазированные печные изразцы съ изображеніями времени Возрожденія и съ цвѣткомъ лиліи Флоренціи или рода Валуа; изразцы, весьма грубо выдѣланные на мѣстѣ, но относящіеся ко времени Возрожденія во Франціи или, еще скорѣе, въ Италиі. Ораторъ показалъ различные изъ этихъ предметовъ собранію.

Подъ конецъ, графъ де-Флѣри высказалъ мнѣніе, что слѣдуетъ воздержаться ото всякаго сужденія относительно времени городищъ бассейна Вислы до болѣе основательныхъ раскопокъ, и заявилъ, что предварительное его убѣжденіе то, что они относятся къ различнымъ эпохамъ и что нѣкоторыя изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, относятся ко времени Антониновъ.

Въ заключеніе графъ де-Флѣри предложилъ Съѣзду слѣдующіе вопросы:

1) Дѣйствительно ли типичны сосуды съ концентрическими полосками, перемежанными съ волнообразными линіями, и всюду ли они относятся ко времени постройки городищъ?

2) Можно ли отыскать въ древнемъ гончарномъ искусствѣ семейство, изъ коего они происходятъ?

3) Не было ли бы интересно произвести изслѣдованіе во всей Имперіи, при посредствѣ археологовъ различныхъ провинцій, относительно всѣхъ городищъ, въ которыхъ встрѣчаются эти сосуды отъ Кавказа до Балтійскаго моря?

4) Не будетъ ли это изслѣдованіе въ помощь антропологии для опредѣленія точки отправленія и движенія извѣстныхъ народовъ?

3. Представитель французскаго Ministère de l'Instruction publique (Министерства народнаго просвѣщенія) и Société des Antiquaires de France (Общества Французскихъ Антикваріевъ) Вагон J. de Baye (Баронъ И. де-Бай) слѣлалъ сообщеніе *L'influence orientale dans le bestiaire décoratif des peuples germaniques* (*О восточномъ вліяніи на звѣриный орнаментъ у германскихъ народовъ*). Референтъ остановился особенно на изображеніяхъ дракона, грифона и двуглавой птицы. Драконъ—это змѣя, часто какъ-бы съ хоботомъ, съ хохломъ, съ кожаными крыльями и хвостомъ. Грифонъ—это хищная птица, превратившаяся затѣмъ въ сложное животное, наполовину звѣря, наполовину—птицу. Оба эти фантастическіе образа ведутъ свое происхожденіе съ востока, но на западѣ они значительно видоизмѣнились, играя роль въ разнообразныхъ украшеніяхъ германскихъ народовъ. Двуглавая птица можетъ быть прослѣжена до Каппадокіи; мы встрѣчаемъ ее, въ числѣ другихъ украшеній, въ Малой Азіи, на Кавказѣ, въ эпоху начальнаго желѣзнаго вѣка, и въ Западной Европѣ, въ ряду украшеній меровингской эпохи. Референтъ привелъ также рядъ изображеній дѣйствительныхъ животныхъ, часто также указывающихъ на восточное вліяніе, кикъ напримѣръ: левъ, леопардъ, горный козелъ и др.

4. В. С. Передольскій прочелъ докладъ: *О вновь открытыхъ древностяхъ у истоковъ рѣки Волхова.*

8.

16 ЯНВАРЯ. II ЧАС. УТРА.

Отдѣленіе V. Памятники церковные.

Почетный Предсѣдатель: проф. Ѡ. И. Успенскій.
Предсѣдатель Отдѣленія: проф. Н. В. Покровскій.
Секретарь Отдѣленія: И. Ѡ. Красносельцевъ.

1. А. А. Павловскій прочелъ докладъ: *Вліяніе Византіи въ южной Италіи и Сициліи по церковнымъ памятникамъ.*

Докладчикъ указалъ на полнѣйшую невозможность того распространеннаго мнѣнія, что искусство южной Италіи и ея продолженія—Сициліи представляетъ зародышъ національно-итальянскаго искусства вслѣдствіе вліянія искусства классическаго, и что лишь въ религіозной области сициліанскіе памятники и особенно мозаики представляютъ образцы чисто византійскаго искусства. При этомъ онъ прослѣдилъ исторію вліянія Византіи на культуру Италіи и приписывалъ огромное, въ этомъ отношеніи, значеніе иконоборству, которое изгнало многихъ почитателей иконъ съ Балканскаго полуострова и дало Италіи просвѣтителей, стоявшихъ гораздо выше по культурному развитію, чѣмъ туземцы Италіи. Эти убѣжавшіе, въ большинствѣ случаевъ монахи и священники, принесли съ собой въ эту страну искусство и науки. Отъ X—XI вѣка византійская культура рѣшительно охватила всю Калабрію, начинала распространяться и въ Апуліи къ тому времени, когда на югѣ Италіи появились норманскіе завоеватели. Вліяніе Византіи на искусство Италіи видно изъ того факта, что Дезидерій, желая превзойти своихъ туземцевъ церковными памятниками, призывалъ мозаистовъ изъ Византіи и Александріи и подъ руководствомъ первыхъ основалъ школу Монтикассино, которая и оказывала вліяніе на развитіе отраслей искусства.

2. А. А. Титовъ прочелъ докладъ: *Церковь Св. Іоанна Богослова въ Ростовѣ и реставрація ея въ 1884 году.*

Церковь Іоанна Богослова въ Ростовскомъ Кремлѣ одна изъ самыхъ замѣчательныхъ по архитектурѣ. Она была не-

однократно срисована и рисунки ея были дважды напечатаны Рихтеромъ и Мартыновымъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится этотъ храмъ, былъ въ древности „Ивановскій монастырь“, въ церкви котораго, по лѣтописямъ, съ 1204—1230 гг., стояли новооткрытыя мощи Св. Леонтія Ростовскаго. Какой въ старину былъ храмъ неизвѣстно, но изъ записей обнаруживается, что настоящій храмъ построенъ на старыхъ каменныхъ палатахъ митрополитомъ Юной Сысоевичемъ въ 1683 году. Въ немъ, вмѣсто иконостаса, находится каменная стѣна, расписанная альфресковою живописью съ двумя углубленіями для мѣстныхъ иконъ. Современныя постройки храма иконы не сохранились, но одна изъ нихъ, храмовая, Св. Іоанна Богослова, очень древняя, въ серебряной ризѣ, во время запусьнія храма взята была въ соборъ, какъ бы на сохраненіе, и несмотря на то, что храмъ былъ возобновленъ въ 1862 году, икона эта не возвращалась и ради серебряной ризы внесена какъ цѣнность въ опись Ростовскаго Успенскаго собора. Въ этой же церкви, кромѣ сравнительно уцѣлѣвшей альфресковой живописи XVIII вѣка, замѣчательны рѣзные клиросы и голосники, находящіеся въ стѣнахъ. Храмъ этотъ, съ переводомъ каѳедры (съ 1787 г.), находился въ запусьніи, святыя ворота, находящіеся подъ нимъ, были задѣланы кирпичными стѣнками и превращены въ винныя и соляныя подвалы, связи хищнически выпиливались; разореніе храма вообще дошло до того, что въ 1824 году дальнѣйшее существованіе его признавалось ненадежнымъ. Архивъ городской думы сохранилъ любопытныя документы по поводу починки Іоанно-Богословской церкви (главнымъ образомъ перекрытіе кровель). Послѣ исправленія, Богословская церковь опять подверглась разрушенію. Во время вѣтра 1831 года съ паперти была сорвана крыша и она стояла раскрытою до 1860 года. Въ это время своды паперти всѣ рухнули, портикъ былъ сломанъ, лѣстница провалилась, окна всѣ были выбиты, желѣзо мѣстами разграблено, въ самый храмъ не было возможности войти за грудами обрушившагося кирпича и мусора. Въ 1862 году мѣстный гражданинъ И. И. Храниловъ возобновилъ эту церковь, но къ сожалѣнію онъ не былъ археологомъ и при этомъ имѣлъ самыя небольшія средства для этого возобновленія. Реставрація была не изъ удачныхъ; но вставлены были рамы, перекрыта крыша и вообще храмъ сталъ возможенъ

для богослуженія. Вскорѣ послѣ смерти г. Хранилова, Кремлевскія церкви стали опять приходять въ запусѣнїе, плохо поправленный Иоанно-Богословскій храмъ вскорѣ пришелъ въ такую ветхость, что представлялся опаснымъ и невозможнымъ не только для богослуженія, но и для осмотра. Все это заставило докладчика искать средствъ для реставраціи. На его призывъ откликнулся ростовскій гражданинъ А. Л. Кекинъ. Онъ не пощадилъ средствъ и отдалъ распоряженіе дѣлать какъ будетъ найдено лучшимъ. Это обстоятельство и позволило повести реставрацію Иоанно-Богословской церкви болѣе цѣлесообразно. Къ настоящему времени, когда работы по возстановленію этого храма приходятъ къ окончанію, Г. Титовъ счелъ долгомъ представить Императорскому Московскому Археологическому Обществу планъ работъ по реставраціи Богословскаго храма. Работы по реставраціи его были начаты въ маѣ 1888 года и шли постепенно до половины октября 1889 года. Теперь, чтобы закончить реставрацію храма, нужно исправить на паперти живопись, а въ самомъ храмѣ сдѣлать одноярусный иконостасъ, такъ какъ устроенный въ 1860 году не соотвѣтствуетъ по своему рисунку древности этого замѣчательнаго храма.

3. И. А. Шляковъ прочелъ: *О покрытіи ростовскихъ кремлевскихъ церквей.*

Сущность доклада И. А. Шлякова, какъ представителя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества въ Высочайше утвержденной ростовской комиссіи, состояла въ томъ, что возстановляя древній Иоанно-Богословскій въ Ростовскомъ Кремлѣ храмъ, онъ вполне убѣдился въ вѣрности возстановленія этого памятника древности почти по всѣмъ частямъ, исключая покрытія храма сдѣланнаго архитекторомъ Поздѣевымъ. Докладчикъ сомнѣвался въ одномъ только, правильно ли была перекрыта крыша на самомъ храмѣ, то-есть не была ли прежде (т. е. съ самаго основанія ея) эта церковь покрыта пофронтонно, какъ утверждаютъ нѣкоторые изслѣдователи старины, по образцу Ростовскаго Успенскаго Собора. Это сомнѣніе сильно мучило докладчика; оно не давало ему покоя до тѣхъ поръ, пока послѣ тщательныхъ съ его стороны осмотровъ чердаковъ кремлевскихъ церквей, изслѣдованій и обмѣровъ сводовъ ихъ снаружи, онъ не могъ не придти къ непреложной истинѣ и

глубокому убѣжденію, что всѣ пять церквей въ Кремлѣ дѣйствительно и въ прежнее время ихъ существованія были покрыты по четырехскатной формѣ, а не посводно или по фронтовой формѣ. Свои слова И. А. объяснялъ сдѣланными имъ рисунками и доказывалъ также и изслѣдованіями сводовъ и чердаковъ въ трехъ кремлевскихъ церквахъ, Воскресенской (самой древнѣйшей), Спасской, на Сѣняхъ, и Іоанно-Богословской церкви, по поводу которой возникло сомнѣніе. Эти данныя доказываютъ, во-первыхъ, что на стѣнкахъ внутреннихъ чердаковъ не осталось никакихъ слѣдовъ новыхъ задѣлокъ прежнихъ выемокъ, ни прежняго дѣленія арокъ; во-вторыхъ, что Воскресенская церковь даже до настоящаго времени сохранила прежнее устройство желѣзныхъ стропиль и *обръштетника* для существующей четырехскатной крыши. При сообщеніи своемъ докладчикъ показывалъ картины, рисунки и модели.

4. А. В. Селивановъ прочелъ: *О вновь открытыхъ въ Рязани памятникахъ.*

Докладчикъ сообщилъ о раскопкахъ въ Старо-Рязанскомъ городищѣ и древнемъ городкѣ, извѣстномъ въ этой мѣстности подъ названіемъ *Новый Городокъ Омловъ*. Найденныя въ этомъ городищѣ вещи можно отнести къ XI вѣку по Р. Х.; къ тому же приблизительно времени относится и найденный тамъ могильникъ. Открытый, тамъ же, докладчикомъ древній храмъ представляетъ собой форму четырехконечнаго креста, въ середину котораго вписанъ четырехъугольникъ. Г. С. утверждалъ, что эта форма типичная для того времени, а не случайная, на что указываютъ и слова лѣтописи: „круглая по старинѣ о 20 стѣнахъ“, „церковь по старинѣ крестная, круглая о 20 стѣнахъ“. Рязанскій храмъ построенъ частью изъ кирпичей и, мѣстами, плитъ большого формата, которыми устланъ и полъ. Между прочимъ, въ средней части храма, въ слѣб сохранившагося пола, были найдены 12 византійскихъ монетъ, относящихся къ первой половинѣ XII вѣка. А. В. полагаетъ, что древній Рязанскій храмъ былъ нѣкогда соборнымъ во имя Св. Бориса и Глѣба, и построенъ во второй половинѣ XII вѣка; въ немъ былъ погребенъ князь Игорь Глѣбовичъ въ 1194 году. Храмъ этотъ былъ, какъ извѣстно по лѣтописямъ, разрушенъ Батыею въ 1237 году, причемъ подвергся полному разграбленію и сожженію. Слѣды такого истребленія сохранились въ

видѣ находимыхъ кусковъ угля, расплавленной мѣди, стекла, олова и т. д. Можно полагать, что могила Игоря Глѣбовича была разрыта однимъ крестьяниномъ, наткнувшимся на какую то могилу, вещи изъ которой отчасти были проданы докладчику. Изъ нихъ замѣчательны два золотые аграфы, серебряныя бляшки для кафтана, каменный образокъ и пр. Можно думать, что по разрушеніи храма Татарами, онъ больше не возстановлялся, а потому и обратился мало по малу въ холмообразную грудю развалинъ. Весьма важно, что на мѣстѣ найденнаго референтомъ собора, какъ внутри такъ и внѣ его, открыто было имъ значительное количество могилъ съ остовами. Могилы эти, судя по найденнымъ въ нихъ предметамъ и способу погребенія, относятся къ эпохѣ, предшествовавшей построению храма. Эта эпоха можетъ характеризоваться, какъ переходная отъ язычества къ христианству, такъ какъ найденныя вещи представляютъ черты того и другого міровоззрѣнія. Бусы, привѣски и другія украшенія, равно и кресты, напоминаютъ курганныя находки, по большей части, каменные. Найденныя бронзовые съ эмалью кресты совершенно сходны съ крестикомъ, найденнымъ въ курганномъ кладбищѣ въ Рузскомъ уѣздѣ. Но въ особенности на языческій характеръ указываетъ найденный, вертикально стоявшій, обрубокъ сгнившаго дерева, отъ верхняго конца котораго отпала бронзовая женская фигура въ видѣ бюста; тутъ же были выкопаны небольшіе черепки горшка, витое каменное колечко и бронзовый четырехконечный крестикъ курганнаго типа. Изъ христианскихъ памятниковъ былъ найденъ бронзовый образокъ Михаила Архангела съ ушкомъ. Всѣхъ могилъ разрыто болѣе 60. Типъ погребенія представляетъ нѣкоторыя особенности; напримѣръ положены или въ головахъ только, или и въ головахъ и въ ногахъ кирпичи. Направленіе остововъ головой на западъ и юго-западъ. Руки почти у всѣхъ сложены на груди; у одного изъ остововъ найденъ крестъ со шнурами.

5. Н. И. Троицкій прочелъ докладъ: *Иконостасъ и его символика.*

Признавая вполне доказаннымъ, что иконостасъ русскихъ храмовъ, какъ и византійскихъ, первоначально представлялъ собой рядъ столбовъ, капители которыхъ были соединены однимъ архитравомъ, и что онъ только впоследствии, а именно въ XV—XVI столѣтіяхъ, получилъ видъ высокой

стѣнообразной преграды, г. Троицкій пожелалъ выяснитъ главнымъ образомъ то, подѣ какимъ вліяніемъ совершилось это измѣненіе вида иконостаса, столь характерное для русскихъ храмовъ. При изслѣдованіи своего вопроса, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что на образованіе иконостаса XV—XVII вв. русскихъ храмовъ въ значительной мѣрѣ вліяло весьма распространенное въ разнообразныхъ памятникахъ древней русской письменности представленіе о раѣ. Это представленіе докладчикъ опредѣлилъ по самымъ памятникамъ, каковы: *Посланіе инока Василія къ имену Печерскому* XII в., духовные стихи, легенда о такъ-называемомъ „новгородскомъ раѣ“ и ея параллели, житія Іоасафа и Варлаама, „Бесѣда ума къ своей душѣ“, соч. Максима Грека, Притчи XVI в., лицевые синодики и пр. Изъ сопоставленія этого представленія о раѣ съ иконостасомъ, на томъ основаніи, что алтарь, по ученію православной литургики, означаетъ „небо небесъ“ и „рай“, вліяніе перваго на образованіе втораго очевидно. Уяснивъ это, г. Троицкій коснулся символики иконостаснаго орнамента — главнымъ образомъ изображенія птицъ на аркѣ царскихъ вратъ и виноградной лозы, обнимающей своими вѣтвями лицевыя изображенія всѣхъ ярусовъ иконостаса (какъ, напримѣръ, въ Успенскомъ соборѣ, въ Троице-Сергіевой Лаврѣ и др.). Такимъ образомъ, по взгляду референта, иконостасъ XV — XVII вв. представляетъ собой *образъ рая*, сложившійся подѣ вліяніемъ представленій о раѣ, господствовавшихъ въ то время.

16 ЯНВАРЯ. 7¹/₂ Ч. ВЕЧ.

Отдѣленіе II. Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный предсѣдатель Проф. В. Э. Миллеръ.

Предсѣдатель отдѣленія Проф. В. Б. Антоновичъ.

Секретарь отдѣленія: П. Н. Милуковъ.

Г. Л. Скадовскій прочелъ докладъ: *Типы погребенія въ курганахъ близъ мѣстечка Бѣлоозерки, Херсонскаго уѣзда.*

Г. Л. Скадовскій представилъ въ распоряженіе Съѣзда дневникъ своихъ курганныхъ раскопокъ, произведенныхъ на пространствѣ въ 11 верстъ въ длину и 5 въ ширину отъ Бѣлозерскаго городища, Херсонскаго уѣзда, у рѣки Днѣпра, и карту распредѣленія кургановъ между низовьемъ Ингульца и началомъ Днѣпровскаго лимана, а также планы шести городищъ вошедшихъ въ его карту. За недостаткомъ времени, онъ, дѣлая сообщеніе, опустилъ три части своего доклада, касающіяся географическаго описанія кургановъ и городищъ и раскопокъ Бѣлозерскаго городища, и ограничился послѣднею частью, въ которой распредѣлилъ погребенія въ курганахъ на 7 типовъ. При чтеніи представлены были образцы череповъ въ каждомъ погребеніи.

1) Древнѣйшія курганныя погребенія каменнаго періода. Скелеты расположены въ мелкихъ могильныхъ ямахъ на спинѣ съ протянутыми руками; ноги согнуты колѣнями вверхъ; подъ скелетомъ слой зеленой глины. Въ могилахъ найдены кремневые орудія, въ однихъ кремневые позднѣйшей палеолитической эпохи, въ другихъ позднѣйшей неолитической, въ третьихъ орудія изъ мѣстнаго камня известняка. Кости скелетовъ окрашены. Неправильное положеніе костей Г. С: подтверждаетъ мнѣніе о погребеніи этихъ мертвецовъ въ состояннн скелетовъ окрашенныхъ какою-либо мастикой. Дно нѣкоторыхъ могилъ указываетъ на способъ копанія ихъ при помощи сверленія земли трехъугольными камнями, которые удавалось и находить въ насыпи такихъ кургановъ. Черепа долихоцефалическіе.

2) Позднѣйшія погребенія каменнаго періода. Скелеты лежатъ въ мелкихъ могильныхъ ямахъ или въ насыпи кургановъ, въ скорченномъ (утробномъ) положеніи; они также окрашены. При скелетахъ изрѣдка находятя каменныя орудія, чаще костяныя издѣлія и амулеты. Грубые горшки, отсутствующіе въ предыдущей группѣ, встрѣчаются почти у каждаго скелета этого типа. Голова преимущественно на юго-востокъ. Черепа долихоцефаловъ.

3) Скелетъ лежитъ въ деревянной ладѣ и прикрытъ такою же ладьей—на спинѣ, съ вытянутыми руками и ногами, головой на сѣверо-востокъ; при немъ найдена мѣдная пряжка и желѣзное кольцо надъ поясницей; у окончностей ногъ—конскіе зубы. Повыше гроба, въ сторонкѣ,—кости коня.

4) Скелеты въ насыпи кургана обращены черепомъ на востокъ, лежатъ также на спинѣ, съ вытянутыми руками и ногами. При скелетахъ—посуда греческой работы, съ неразобранными еще надписями, медальоны, съ изображеніемъ амуровъ, ожерелья изъ горнаго хрусталя и сердолика, мѣдныя браслеты, серьги и кольца, грузила отъ неводовъ и т. п. Докладчикъ полагаетъ, что они принадлежатъ греческимъ колонистамъ, населявшимъ нѣкогда Бѣлозерское городище, въ могильникѣ котораго они найдены; это подтверждаетъ и показанный имъ черепъ съ красивымъ профилемъ и выпуклымъ лбомъ.

5) Скелеты въ характерныхъ могильныхъ ямахъ. Могильное пятно имѣетъ форму большого полуовала. Отъ нижней части ямы двѣ небольшія мины направлены въ противоположныя стороны. На днѣ, на подстилкѣ, расположенъ скелетъ на спинѣ, съ вытянутыми руками и ногами. Находки расположены весьма однообразно. Въ лѣвой могилѣ у основанія ея,—часть костей быка; въ могилѣ всегда есть желѣзный ножъ съ костяною ручкой, возлѣ скелета изящная греческая посуда, мѣдныя зеркала, мѣдныя или золотыя серьги, мѣдныя браслеты и кольца, глиняныя пряслицы и грузила. Оружіе (мѣдныя стрѣлы и пращевые камни) найдено какъ исключеніе лишь въ одной могилѣ. На черепицѣ найдено клеймо съ гербомъ Ольвійской республики и съ греческою надписью, указывающею, что она сдѣлана при Апполодорѣ горшечникомъ Поссейдоніемъ. Въ двухъ могилахъ найдены скелеты раба при господинѣ. Всѣ эти погребенія находились исключительно въ могильникѣ у Бѣлозерскаго городища.

6) Слѣдующій типъ отличается отъ предыдущаго: 1) устройствомъ могилъ имѣющихъ характеръ катакомбъ; 2) находеніемъ при скелетахъ преимущественно коней; 3) обязательнымъ находеніемъ въ каждомъ курганѣ оружія, въ видѣ мѣдныхъ стрѣлъ или желѣзныхъ копій и кирокъ. Греческая изящная посуда встрѣчается только въ болѣе роскошныхъ могилахъ. Кромѣ рабовъ, положенныхъ при господинѣ, здѣсь найденъ и скелетъ ребенка. Относя два послѣдніе типа къ такъ-называемой скиѣской народности и усматривая въ пятомъ типѣ осѣдлую народность, населявшую Бѣлозерское городище, а въ шестомъ кочевую воинственную, Г. Л. спрашиваетъ, нельзя ли предположить въ пятой Геродотовыхъ Калинидовъ, которые, по Геродоту, населяли эти мѣста.

7) Въ могильной ямѣ, имѣющей очертаніе ладьи, въ особомъ углубленіи закругленнаго дна, у вертикальной стѣны ямы, лежитъ человѣческой скелетъ на спинѣ, съ вытянутыми ногами и руками; рядомъ съ нимъ лукъ и стрѣлы съ желѣзными наконечниками. На противоположной, отлогой, стѣнѣ ямы помѣщаются черепъ и кости конечностей коня, возлѣ которыхъ находятся остатки сѣдла и желѣзныхъ удилъ. Въ такихъ могилахъ найдены серебряныя и мѣдныя украшенія одежды и сбруи, украшенныя золотыми пластинками, съ точечными рисунками; нѣкоторыя изъ нихъ украшены стеклами, другія рубинами. Представивъ черепъ этого типа погребеній и предлагая специалистамъ разобраться въ представленномъ матеріалѣ для опредѣленія народностей и эпохъ, референтъ изложилъ вкратцѣ еще четыре характерныя погребенія, которыя не могли еще составить новыхъ типовъ, будучи пока единичными случаями.

Кромѣ того докладчикъ, выражая сожалѣніе, что ему не удалось добыть черепъ пятаго типа (осѣдлой Скиѣской народности), указалъ на могильникъ близъ городища у Глубокой Пристани, въ которомъ, на основаніи сходства признаковъ этого городища съ бѣлозерскимъ, могутъ быть найдены погребенія такого типа. Въ заключеніе референтъ просилъ снисхожденія къ своимъ работамъ, и, говоря о зарождающейся мысли положить предѣлъ раскопкамъ любителей, указалъ, что наука не такъ много теряетъ отъ этихъ раскопокъ, но что постоянныя распашки могильниковъ, при отсутствіи изслѣдованій для науки, еще опаснѣе, чѣмъ раскопки кладоискателей.

Послѣ засѣданія Г. Л. Скадовскій изъявилъ желаніе всѣ черепа, найденные имъ при раскопкахъ, составлявшихъ предметъ его сообщенія, передать, вмѣстѣ съ *Дневникомъ* раскопокъ, въ Россійскій Историческій Музей.

2. Проф. А. Ѳ. Мержинскій прочелъ краткій докладъ „*О прусскомъ Сиссо*“. Докладчикъ полагаетъ, что Сиссо назывался литовско-прусскій жрецъ, шедшій впереди войска и наносившій первый ударъ неприятелямъ. Въ объясненіяхъ своихъ г. Мержинскій указывалъ на примѣръ изъ борьбы литвиновъ съ крестоносцами, когда Сиссо, идя впереди литовскаго войска, остановилъ его, замѣтивъ неблагопріятное предзнаменованіе.

3. М. А. Веневитиновъ прочелъ докладъ: *Росписныя кирпичныя избы*—краткое пояснительное изложеніе вопроса, разработаннаго имъ въ отдѣльной брошюрѣ *). Эта новая и быстро распространяющаяся область народнаго творчества представляетъ такія черты, которыя съ одной стороны коренятся въ исконномъ миѳическомъ міровоззрѣніи славянъ, а съ другой свидѣтельствуютъ о прочной исторической связи современныхъ намъ идеаловъ русскаго народнаго искусства съ архитектурными памятниками XVI и XVII вв. (Цер. Василя Блаженнаго, ярославскіе, нижегородскіе храмы, Коломенскій дворецъ, Строгановскія палаты и др.). Украшеніе избъ изслѣдовано докладчикомъ въ соприкасающихся уѣздахъ Тульской, Тамбовской, Воронежской и Орловской губерній.

4. Ѳ. Ѳ. Чекалинъ прочелъ: *Саратовъ на лѣвомъ берегу Волги и время перенесенія его на правый ея берегъ.*

Слѣды Саратова на лѣвомъ берегу доселѣ сохранились при впаденіи рѣчки Саратовки въ рукавъ Волги. Судя по картамъ XIV и XV вѣка и по указаніямъ Рубруквиса и Болгарской лѣтописи, здѣсь существовало, въ цвѣтущую пору Золотой Орды, татарское поселеніе, сначала подъ именемъ *Яйлака* (лѣтнія становища), потомъ подъ именемъ *Сары-тау*, покинутое жителями во второй половинѣ XV в. Въ 1571 г. здѣсь основано русское укрѣпленіе, какъ центральная ста-

---

*) М. Веневитиновъ. Росписныя кирпичныя избы. Съ приложеніемъ семи таблицъ рисунковъ. Посвящается VIII Археологическому Съѣзду въ Москвѣ. Москва. 1890 г.

10.

17 ЯНВАРЯ. 10 ЧАС. УТРА.

Отдѣленіе VI. Памятники славяно-русскаго языка и письма.

Почетный Предсѣдатель Проф. М. С. Дриновъ.
Предсѣдатель Отдѣленія Проф. А. И. Кирпичниковъ.
Секретарь Отдѣленія С. I. Долговъ.

Проф. А. И. Кирпичниковъ прочель докладъ: *Особый видъ творчества въ древне-русской литературѣ.*

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ референтъ занимался источниками духовныхъ стиховъ. Дойдя до трехъ вариантовъ стиха о Димитріи Солунскомъ, которые помѣщены въ *Каликахъ* Безсонова, референтъ обратился къ Минеямъ Димитрія Ростовскаго и Макарія. Оказалось, что этотъ стихъ составляетъ поэтическій пересказъ трехъ чудесъ великомученика, слитыхъ довольно искусно въ одно цѣлое. Поэтому докладчикъ заключилъ, что творчество нашихъ каликъ ограничивалось только одною формой. Въ прошломъ же году, читая Метафраста, А. И. Кирпичниковъ удивился тому обстоятельству, что между многочисленными чудесами великомученика не нашлось чуда о двухъ дѣвицахъ, составляющаго главное содержаніе самой важной третьей части стиха о Димитріи Солунскомъ. Не оказалось этого чуда и въ другихъ источникахъ. Тогда референтъ обратился къ Минеямъ Макарія для изслѣдованій, не прибавилъ ли этотъ рассказъ русскій книжникъ.

При изученіи, за это предположеніе оказались основанія, но прежде чѣмъ изложить ихъ, референтъ сказалъ нѣсколько словъ о Димитріи Солунскомъ. Этотъ святой, какъ извѣстно, происходилъ изъ знатнаго рода города Фессалоникъ и пострадалъ при Діоклетіанѣ. Тамъ, гдѣ „вѣрные“ погребли его тѣло, уже въ V вѣкѣ былъ воздвигнутъ небольшой храмъ, который обратился въ главную мѣстную святыню, а самъ великомученикъ сталъ первымъ покровителемъ и заступникомъ родного города, игравшаго большую роль въ исторіи Византіи и въ особенности во время борьбы съ Аварами,

Болгарами и Славянами. Уже въ VII вѣкѣ въ Солуни существовали два житія Св. Димитрія и былъ сдѣланъ сводъ чудесъ его архіепископомъ Іоанномъ Ѳессалоникійскимъ. Въ силу того, что святой занималъ крупную военную должность, чудеса его носятъ, такъ-сказать, военный характеръ и самъ онъ изображается молодымъ воиномъ въ полномъ вооруженіи. Славяне, жившіе около Солуни, скоро усвоили почитаніе святаго, а затѣмъ оно, съ принятіемъ нами христіанства, перешло и въ Русь. Извѣстность Димитрія Солунскаго въ народѣ доказывается существованіемъ духовнаго стиха, который (по указанію издателя) поется въ губерніяхъ: Пермской, Новгородской, Симбирской и Смоленской. Этотъ стихъ, какъ уже сказано, говоритъ о трехъ чудесахъ. Оставляя въ сторонѣ два первые, референтъ отмѣчаетъ третье, представляющее важность для цѣлей его сообщенія.

Названія его по гречески не нашлось, оглавленіе же его по Минеи Макарія такое: *Чудо о двою дѣвицю, еже отъ Срацинь въ церковь свою принесе.* Разъ на городъ Солунъ напали поганые „и хотя благодаря заступленію Димитрія города не взяли, но воевода заполонилъ двухъ дѣвиць, весьма искусныхъ по пяличному дѣлу. Приведя плѣнницъ домой, воевода говоритъ имъ: „Я слышалъ, что у васъ есть великій Богъ и чудотворецъ Димитрій—вышейте мнѣ на плащаницѣ образъ его, чтобъ я могъ поклониться ему и побѣждать враговъ, нося его предъ полками“. Дѣвицы отказываются, полагая, что воевода хочетъ надругаться надъ образомъ. Но суровый воевода грозитъ имъ смертию и онѣ принимаютъ за работу. Образъ вышить и утомленная плѣнница со слезами помолясь Димитрію, чтобъ онъ простилъ имъ подневольный грѣхъ, уснули за пяльцами. Ночью Св. Димитрій вмѣстѣ съ образомъ невидимо перенесъ ихъ въ Солунъ въ свою церковь и поставилъ тамъ у своего гроба съ вышитымъ образомъ, „иже и до нынѣ исцѣленія подаетъ всѣмъ“. Кромѣ этой редакціи существуютъ и другія, въ одной изъ которыхъ, между прочимъ, приплетается даже имя Мамаѣ, а другая измѣняетъ желаніе воеводы: по послѣдней редакціи, онъ приказалъ дѣвицамъ вышить его самого на конѣ и въ такомъ видѣ, что онъ будто бы поражаетъ лежащаго на землѣ великомученика копьемъ въ горло, но плѣнницы поступили наоборотъ и изобразили святаго, на конѣ поражаю-

щимъ воеводу также въ горло. Эта редакція есть вставка писца, знавшаго о существованіи иконы съ подобнымъ же сюжетомъ и ловко составившаго этотъ рассказъ по ней. Словомъ, изъ вышеприведенныхъ и многихъ другихъ данныхъ возникло поэтическое, но книжное сказаніе о томъ, что святой Димитрій освобождаетъ двухъ дѣвицъ полонянокъ отъ Мама-бѣзбожника. Это сказаніе, съ одной стороны, сократилось въ преложный рассказъ обычнаго типа, а съ другой, видоизмѣнилось въ устахъ старцевъ въ духовный стихъ, уцѣлѣвшій и до нашего времени. Въ заключеніе референтъ сказалъ, что, на основаніи его предположеній, надо будетъ признать, что въ русской литературѣ есть еще много продуктовъ самостоятельнаго творчества. „Эти поэмы, можетъ быть, не отличаются особымъ богатствомъ содержанія и глубиной идеи, но въ нихъ слышится здоровое чувство, сильная вѣра здороваго и сильнаго народа, которому суждено было перенести на своихъ плечахъ цѣлый рядъ, повидимому, всесокрушительныхъ бѣдствій, не утративъ ни энергіи чувства, ни вѣры въ добро. А главное, это наше собственное, а кому свое не дорого?“.

2. Проф. М. И. Соколовъ прочелъ докладъ, подъ заглавіемъ: *Новый матеріалъ для изученія редакцій житія Св. Авраамія Ростовскаго* и предложилъ вниманію Съѣзда нѣсколько новыхъ данныхъ, касательно редакцій этого житія: въ этихъ данныхъ житія описывается сокрушеніе Аврааміемъ идола Велеса при введеніи христіанства въ Ростовъ, при Св. Владимірѣ; Авраамій, по житію, является также основателемъ Ростовскаго Богоявленскаго монастыря, а въ виду этого житіе Авраамія является источникомъ распространенія христіанства и монастырской жизни. Такъ какъ сообщенныя житіемъ свѣдѣнія объ указанныхъ предметахъ весьма важны, то естественно возбуждается вопросъ о его происхожденіи и литературной исторіи, то есть о редакціяхъ житія. Указавъ на мнѣнія ученыхъ о редакціяхъ этого житія, референтъ прочелъ рассказъ автора третьей редакціи житія объ его трудѣ по рукописи XVIII вѣка изъ собранія наставника Нѣжинской гимназіи И. Н. Михайловскаго. Рассказъ этотъ имѣетъ какъ частное значеніе для сужденія о редакціяхъ, такъ и болѣе общее — для знакомства съ приемами передѣлокъ житій въ нашей старой письменности и съ отношеніемъ къ подобной работѣ современниковъ. Кромѣ того, въ немъ очень много

любопытныхъ мелкихъ бытовыхъ данныхъ, имѣющихъ археологическій интересъ. Изъ представленнаго матеріала референтъ сдѣлалъ слѣдующіе выводы. Пространная редакція житія Авраамія составлена была въ 1649 году 90 лѣтнимъ инокомъ Ростовскаго монастыря Григоріемъ, сыномъ Никифора, тоже инока этой обители. Отецъ и сынъ принадлежали служилому сословію, владѣли помѣстьемъ; Григорій въ 1591 году служилъ въ посольскомъ приказѣ, въ „смутное время“ командовалъ отрядомъ въ Бѣлоозерскихъ краяхъ противъ русскихъ „воровъ“ и Литовцевъ и участвовалъ въ освобожденіи Москвы. Въ 1641 году, уже подъ старость, онъ вступилъ въ монастырь. Старецъ Григорій вздумалъ пополнить житіе Авраамія. Ему было извѣстно только одно рукописное древнее житіе, которое было, по классификаціи Макарія, второю редакціей, по мнѣнію же Голубинскаго, первою. Въ ней уже упоминались Чухлома и Валаамъ, но авторъ прибавилъ указаніе на языческое происхожденіе Авраамія, сообщаетъ его языческое имя „Иверкъ“ и рассказываетъ исторію обращенія его въ христіанство новгородскими выходцами. Онъ сообщаетъ также, что эти свѣдѣнія имъ не выдуманы, но заимствованы изъ записей, составленныхъ Зосимой около 1553 г. по поводу построенія каменной церкви на счетъ Іоанна IV. Старецъ Григорій рассказываетъ чудесную исторію открытія этихъ выписокъ изъ земли, куда онѣ зарыты были въ „смутное время“. Какъ же отнеслись современники къ заботѣ Григорія? Откровенный авторъ рассказываетъ, что тогдашній архимандритъ Гермогенъ, прочитавъ эту редакцію житія, „глагола, что не повелѣно сего житія въ церковь пріимати, и поверже житіе“. Впрочемъ, авторъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что за такое преступленіе Гермогенъ былъ наказанъ изступленіемъ ума. Гермогенъ утверждалъ, что Авраамій жилъ не при Владимірѣ Святомъ, а при Мономахѣ. Несомнѣнно, что оба противника одинаково были неправы, но важно то, что уже въ XVII в. поднятъ былъ вопросъ въ самомъ Богоявленскомъ монастырѣ о времени житія Св. Авраамія.

3. А. И. Соболевскій прочелъ докладъ: *Грамота князя Ивана Берладника 1134 года.*

Указавъ, въ началѣ реферата, что людямъ, занимающимся южно-русскою исторіей, давно извѣстна грамота князя Ивана Ростиславича 1134 года, и среди нашихъ ученыхъ въ под-

линности ея почти нѣтъ сомнѣній, референтъ объяснилъ, что происхожденіе этого документа. однако, темно. По словамъ издателя его Хаждеу (Hăjdeu) подлинникъ его, около 1848 года, доставленъ его отцу русскимъ офицеромъ Викентіемъ Рольскимъ. Онъ былъ писанъ на пергаментѣ полууставомъ выцвѣтшими чернилами. Отецъ Хаждеу сдѣлалъ съ него тщательный списокъ, могущій замѣнить оригиналъ, а затѣмъ утратилъ подлинникъ; конечно, при этомъ соблюдена и орѳографія и пунктуация оригинала. Однако, документъ этотъ возбуждаетъ сомнѣніе и при томъ сильное. Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ памятниками русскаго письма XI—XIII вѣка, даже при бѣгломъ чтеніи грамоты Берладника, поражается орѳографическими и лингвистическими странностями, которыя референтъ и указалъ. Далѣе видна въ грамотѣ пестрая смѣсь южнорусскаго и болгарскаго языковъ. Наконецъ, встрѣчаются въ документѣ такія грамматическія неправильности, которыя чужды какъ русскому языку, такъ и болгарскому XII вѣка. Все это заставляетъ думать референта, что здѣсь имѣется дѣло съ несомнѣннымъ подлогомъ. Авторъ подлога очевидно румынскій патріотъ, желавшій документально доказать древность и торговое значеніе румынскихъ городовъ. Онъ, повидимому, вовсе не былъ знакомъ съ древнерусскими памятниками и для своей поддѣлки имѣлъ образцами молдавскіе документы XIV и XV вв. Изъ нихъ онъ взялъ почти всѣ орѳографическія и лингвистическія особенности, постоянно встрѣчающіяся въ молдавскихъ памятникахъ этого времени. Такимъ образомъ, подлогъ несомнѣненъ, неизвѣстенъ только авторъ его.

4. Д. М. Лопаревъ прочелъ докладъ подъ заглавіемъ — *Иерусалимскій патріархъ Хрисанъ и его отношенія къ Россіи*. Сообщение это достаточно освѣщаетъ личность этого патріарха, игравшаго, очевидно, значительную роль во времена Петра I и Карла XII. Патріархъ Хрисанъ 200 лѣтъ тому назадъ пріѣзжалъ въ Москву, еще будучи Святогробскимъ архимандритомъ, по порученію Иерусалимскаго патріарха Досіоея, для сбора пожертвованій въ пользу Гроба Господня, хранители котораго чувствовали на себѣ весь гнетъ латинскаго вліянія, и для борьбы съ нимъ нужны были средства. Хрисанъ для этой миссіи выѣхалъ въ Москву въ 1691 году. Жизнь его въ

Москвѣ была довольно непріятна, хотя онъ въ средѣ духовенства и занималъ не послѣднее мѣсто. Въ 1693 году Хрисанеъ появился второй разъ и тогда написалъ книгу *Китаи въ рабствѣ*, явившуюся плодомъ его путешествій по Китаю. Въ 1694 году онъ выѣхалъ изъ Москвы и въ маѣ былъ въ Батуринѣ. Здѣсь онъ видѣлся уже второй разъ съ Мазепой и не одинъ часъ они интимно бесѣдовали между собой по вопросамъ политико-духовнымъ. Въ началѣ іюня 1694 года Хрисанеъ былъ въ Черниговѣ у архіепископа углицкаго Θεодосія, по распоряженію котораго онъ получилъ изъ архіепископскаго казначейства 100 червонцевъ для Св. Гроба. Въ 1695 году онъ выѣхалъ въ Молдаво-Валахію, откуда онъ письмами поздравлялъ гетмана Мазепу съ Новымъ Годомъ (1696), радовался его хорошему управленію Рѣчью Посполитою и сообщилъ, что онъ скоро выѣдетъ въ Константинополь и тогда сообщить гетману о всѣхъ происшествіяхъ въ Стамбулѣ. При этомъ слуга долженъ былъ сообщить Мазепѣ всѣ новости устно. Безъ сомнѣнія, онѣ были компрометирующими и для Мазепы, и для Хрисанеа, и могли еще болѣе обострить отношенія между Россіей и Турціей. О третьемъ посѣщеніи Хрисанеомъ Москвы, въ 1701 году, мало извѣстій. Въ 1702 году онъ былъ рукоположенъ въ митрополита Кесаріи Палестинской, а въ 1707 году, по смерти Досіея, избранъ въ патріархи Св. Града. Ясно, что Хрисанеъ, помимо цѣлей церковныхъ, не былъ чуждъ и политическихъ интересовъ и страстей: его интимныя бесѣды съ Мазепой, обмѣнъ между ними мыслями, которыя они боялись изложить на бумагѣ, достаточно говорятъ о какихъ-то политическихъ тайнахъ. По вступленіи своемъ на патріаршій престолъ, Хрисанеъ не измѣнился въ своихъ взглядахъ на политическія отношенія къ разнымъ странамъ: попрежнему онъ заискивалъ у Порты, не сочувствовалъ политикѣ Петра I, интересовался Карломъ XII и горячо относился къ турецкой Украинѣ. Остается и въ настоящее время несомнѣннымъ тотъ фактъ, что во время Прутскаго похода Петра I, такъ-называемая балканская лига была очень значительна, состоя изъ Турціи, Крыма, Молдаво-Валахіи, Запорожцевъ, Карла XII и Хрисанеа. Среди этой лиги господствовало крайнее раздраженіе и ненависть ко всему русскому. Прошло два года: между Турціей и Россіей былъ заключенъ миръ, политическія страсти успокоились, успокоился, повидимому, и Хрисанеъ.

Какъ политическій врагъ нашъ, онъ уходитъ со сцены и является скоро человѣкомъ, расположеннымъ ко всему русскому, что и выражается въ его постоянномъ стремленіи поддерживать сношенія съ Русскими императорами разными способами. Между прочимъ, онъ очень обязательно присылалъ имъ всѣ свои сочиненія, изъ которыхъ замѣчательны: *Ученіе о покаяніи, Исторія и описаніе города Иерусалима* и др.

5. Командированный Парижскимъ университетомъ въ Москву для изученія русскаго языка Г. Поль Буайе (M. Paul Boyer) въ небольшой рѣчи высказалъ свой взглядъ о происхожденіи русскаго языка (*De la manière d'étudier l'histoire de la langue russe*).

Въ началѣ своей рѣчи Г. Буайе оговорился, что, считая русскихъ ученыхъ несравненно болѣе компетентными по данному предмету, онъ желаетъ только высказать имъ свое сочувствіе и передать нѣкоторыя свои соображенія.

По его мнѣнію, русскіе ученые имѣютъ предъ собой обширное поле для изслѣдованія исторіи русскаго языка. До послѣдняго времени поле это было сильно покрыто сорными травами, но расчистка его уже началась, и теперь можно смѣло двигаться впередъ. Теперь уже нѣтъ никого, кто бы утверждалъ, чтобъ русскій языкъ происходилъ отъ церковно-славянскаго; русскій языкъ несомнѣнно одинъ изъ самостоятельныхъ славянскихъ языковъ, и хотя мы знаемъ и другіе славянскіе языки и церковно-славянскій языкъ, намъ слѣдуетъ отказаться отъ мысли отыскать „праславянскій“ языкъ, отъ котораго всѣ они произошли. Попытка производить русскій языкъ отъ церковно-славянскаго столь же неосновательна, какъ и стремленія производить современный нѣмецкій отъ готскаго или современный французскій отъ умбрійскаго. Безъ сомнѣнія, обстоятельства религіозныя и политическія ввели въ русскій языкъ значительное количество церковно-славянскихъ словъ, но эти заимствованія не имѣютъ ничего общаго съ вопросомъ о происхожденіи языка: англійскій языкъ остается языкомъ германскимъ не смотря на массу французскихъ словъ, вошедшихъ въ него послѣ норманскаго завоеванія.

Такимъ образомъ, задача русскихъ ученыхъ заключается въ изученіи „языка въ немъ самомъ“: эта задача достойна всякихъ усилій. слѣдуетъ разыскивать первоначальныя памятники русскаго языка, опредѣлять по списаннымъ въ Рос-

сіи славянскимъ рукописямъ долю вліянiя мѣстнаго элемента, прилагать это изслѣдованіе, преимущественно, къ Остромирову Евангелію и другимъ древнимъ рукописямъ, сопровождая все это разсмотрѣніемъ правильнаго развитiя русской грамматики и словаря; слѣдуетъ отмѣчать года, чтобы установить, какъ разрослась русская національная литература. Такова должна быть для русскихъ ученыхъ программа вполне соответствующая русскимъ задачамъ и русскому патриотизму. Это относится къ прошедшему, въ настоящемъ же слѣдуетъ разсмотрѣть современныя нарѣчія, которыя возникли въ различныхъ мѣстахъ обширной Россійской имперіи и, будучи проникнуты народнымъ духомъ, выразились въ сказкѣ и пѣснѣ.

Затѣмъ ораторъ сказалъ нѣсколько словъ о подобнаго же рода изысканiяхъ относительно французскаго языка и заключилъ свою рѣчь пожеланіемъ успѣха русскимъ ученымъ и выраженіемъ сочувствiя ихъ дѣятельности со стороны Французовъ.

II.

17 ЯНВАРЯ. I ЧАС. ДНЯ.

Отдѣленіе IX. Памятники археографическіе.

Почетный предсѣдатель А. К. Жизневскій.

Предсѣдатель Отдѣленія Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.

Секретарь Отдѣленія Графъ Н. С. Ланской.

1. А. А. Гоздаво-Голомбiевскій прочиталъ докладъ *О дѣлахъ губернскихъ и провинціальныхъ присутственныхъ мѣстъ, упраздненныхъ судебной реформой 1864 года, и дѣлахъ стараго городского управленія Москвы, поступившихъ въ Архивъ Министерства Юстиціи.* Означенный докладъ представлялъ извлеченіе изъ Памятной Книжки Архива, которая выйдетъ въ текущемъ году, и ознакомилъ Съѣздъ съ дѣлами вновь

поступившими въ этотъ Архивъ. Докладу г. Голомбѣвскій предпослалъ отъ себя нѣсколько общихъ соображеній по вопросу, какъ сдѣлать болѣе доступными для постороннихъ лицъ хранящіяся въ архивахъ матеріалы, и какія средства подходятъ въ этомъ отношеніи для Московскаго Архива Министерства Юстиціи въ частности. Охарактеризовавъ пять родовъ описей, которыя приняты въ разныхъ русскихъ архивахъ—референтъ пришелъ къ заключенію, что для Московскаго Архива Министерства Юстиціи, при количественномъ составѣ его документовъ (около 2½ миллионовъ номеровъ дѣлъ, книгъ, столбцовъ и вязокъ) и не только научномъ, но и практическомъ значеніи ихъ, пригодны прежде всего такія описи, которыя могутъ обезпечить цѣлость дѣлъ и способствовать быстрому отысканію справокъ, т. е. реестры и алфавиты. Что касается до ученыхъ описей, то въ виду многочисленности документовъ Архива и продолжительности составления этого рода описей, ученое описаніе всего Архива осуществится нескоро. Тѣмъ не менѣе Архивъ приходитъ, по мѣрѣ возможности, на помощь лицамъ, занимающимся русскою исторіей, составляя и печатая, по мысли покойнаго своего директора Н. В. Колачова, въ „Описаніи документовъ и бумагъ“ обзорнія цѣлыхъ группъ дѣлъ. Эти обзорнія и должны, по мысли референта, находить себѣ мѣсто въ изданіяхъ Архива, а не ученые описи, на которыя нѣтъ средствъ. Затѣмъ докладчикъ ознакомилъ слушателей съ правилами, выработанными при началѣ сдачи дѣлъ изъ присутственныхъ мѣстъ, упраздненныхъ реформой 1864 годъ, и съ тѣмъ насколько эти правила соблюдались на практикѣ. По многимъ причинамъ передача дѣлъ изъ закрытыхъ присутственныхъ мѣстъ въ Архивъ Министерства Юстиціи не кончилась еще до сихъ поръ. Общее число документовъ, принятыхъ до 1-го января 1890 г. и принадлежащихъ болѣе чѣмъ тысячѣ учреждений 59 наименованій, существовавшихъ въ 453 населенныхъ мѣстностяхъ, достигаетъ 800.000. Документы эти принадлежатъ губернскимъ и городovýmъ учрежденіямъ, установленнымъ реформами императрицы Екатерины II, и отчасти болѣе раннимъ учрежденіямъ, преобразованнымъ при этихъ реформахъ. Что касается дѣлъ Московскаго городского управления старыхъ лѣтъ, то они поступили въ Архивъ изъ Московской Городской Думы. Всего отъ разныхъ мѣстъ поступило въ Архивъ 10.516 книгъ и 168.119 дѣлъ.

Въ заключеніе референтомъ было сообщено мнѣніе покойнаго Головацкаго о томъ, что на ученое описаніе Виленскаго центрального архива, имѣющаго всего только 19.627 нумеровъ книгъ, потребуется 1.568 лѣтъ, при двухъ чиновникахъ, полагая на каждаго по 1.562 акта въ годъ. Сколько-же лѣтъ нужно для описанія всѣхъ новыхъ дѣлъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи?

2. О. О. Лашковъ прочелъ докладъ: *Обозрѣніе шерстныхъ грамотъ по сношеніямъ Московскаго государства съ Крымскимъ ханствомъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, хранящихся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.*

Вопросъ о шерстныхъ грамотахъ, по сношеніямъ Московскаго государства съ Крымскимъ ханствомъ въ XVI и XVII вв., не можетъ считаться вполне оконченнѣмъ въ нашей исторической литературѣ. Правда, мы имѣемъ большое собраніе грамотъ, договоровъ, писемъ по дипломатическимъ сношеніямъ Москвы съ Крымомъ въ *Матеріалахъ для исторіи Крымскаго ханства*, акад. Вельяминова—Зернова. Но этотъ сборникъ нельзя назвать полнымъ, да и пользованіе имъ затрудняется еще тѣмъ, что заключающіеся въ немъ документы изданы на татарскомъ языкѣ. Почтенный академикъ самъ признается, что полезнѣе всего было-бы издать русскіе современные переводы, хранящіеся въ томъ-же Архивѣ, ибо они имѣли официальное значеніе и служили основой сношеній Московскаго Двора съ Крымомъ. Эти переводы заключаются частью въ книгахъ Крымскаго двора съ 1474 по 1696 г., въ числѣ 82 экз., частью въ столбцахъ съ 1579 г. по 1700 г., въ числѣ 80. По списку Малиновскаго, архивъ имѣетъ 70 шерстныхъ грамотъ; но въ этотъ списокъ занесено 25 шерстныхъ записей не хановъ, а ихъ пословъ и одна грамота 1638г., данная калгой (такъ назывался наслѣдникъ ханскаго престола) Исламъ Гирея. Слѣдовательно, остается 30 шерстныхъ грамотъ крымскихъ хановъ и 13 грамотъ Московскихъ государей. Изъ этого числа остаются неизданными—22 шерстныхъ грамоты и 4 грамоты Московскихъ государей. Затѣмъ референтъ сдѣлалъ обзорѣніе этихъ грамотъ и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Кромѣ историческихъ указаній внѣшняго характера, они даютъ матеріалъ и для исторіи внутренняго быта ханства. Такъ видна характерная черта государственнаго строя ханства, что на ряду съ единовластіемъ великаго государя Кипчакской земли существуетъ власть

могущественной аристократіи. Далѣ грамоты показываютъ, что, несмотря на опасность пути къ Черному Морю, рускіе „гости“ стремятся на югъ въ богатое Черноморье. Вообще шертныя грамоты рисуютъ крымцевъ какъ вѣроломныхъ хищниковъ. Послѣднее обстоятельство зависѣло отъ многочисленныхъ ордъ Ногайцевъ, кочевавшихъ отъ Дона до Дуная и придававшихъ ханству тотъ воинственный типъ, который отличаетъ низшія общества, а съ такимъ обществомъ правильныхъ дипломатическихъ сношеній существовать не могло.

3. А. О. Селивановъ прочелъ докладъ подъ заглавіемъ — *Общій обзоръ дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій.*

Указавъ на причины основанія этихъ комиссій, референтъ привелъ такія данныя объ ихъ дѣятельности. Рязанская, напр., комиссія въ 1888 году разсмотрѣла 26.780 дѣлъ, изъ которыхъ 1,908 дѣлъ признаны заслуживающими храненія, описаны и переданы въ губернской Исторической архивъ. Кромѣ разсмотрѣнія дѣлъ, комиссіи занимались собираніемъ свѣдѣній о древностяхъ, организаціей музеевъ, курганными раскопками и т. д. Многіе изъ членовъ комиссій дѣлали на засѣданіяхъ комиссій рефераты и издали очень важные историческіе труды. Музеи есть уже почти при всѣхъ комиссіяхъ. Особенно богатъ Тверской музей. Рязанскій — въ особенности обогатился предметами изъ интересныхъ раскопокъ А. В. Селиванова въ Старой Рязани и другихъ мѣстахъ. Для Симферопольскаго музея много предметовъ доставилъ предсѣдатель комиссіи А. Х. Стевенъ изъ бывшего скифскаго кладбища Неополиса, около Симферополя. Раскопками занимались члены слѣдующихъ комиссій: Рязанской, Тамбовской, Саратовской, Орловской, и Таврической. Изъ сочиненій и рефератовъ членовъ комиссій, которыхъ существуетъ болѣе ста. обращаютъ на себя вниманіе прекрасное описаніе Тверскаго музея А. К. Жизневскаго, „Исторія Тверской семинаріи“ В. И. Колосова, труды Н. Д. Квашнина-Самарина, В. О. Владиславлева, В. А. Плетнева, А. В. Селиванова, И. В. Миловидова, А. С. Гацискаго, Н. С. Соколова, А. А. Полторацкой и др. Библіотеки комиссій значительно увеличались; напримѣръ, въ Нижегородскую комиссію пожертвована бібліотека извѣстнаго писателя П. И. Мельникова, имѣющая около 2,000 томовъ. Матеріальное положе-

ніе нѣкоторыхъ комиссій весьма плохое, такъ Костромская комиссія въ 1888 году могла израсходовать только 84 р. Сочувствіе къ комиссіямъ и потребность въ нихъ постоянно возрастаетъ. За время съ VII Ярославскаго съѣзда 1887 г. открылись комиссіи: въ Нижнемъ-Новгородѣ, Оренбургѣ, Перми и Ярославлѣ. Мѣстныя земства и города дали: на Саратовскую комиссію 1.650 руб., городъ Нижній-Новгородъ и тамошнее земство на Нижегородскую комиссію 850 руб., купецъ Никитинъ пожертвовалъ на Тамбовскую комиссію 2½ тысячи рублей, а Ярославская губернская земская управа на Ярославскую комиссію 1 тысячу рублей. Въ числѣ членовъ комиссій есть нѣсколько дамъ, которыя усердно работаютъ; референтъ назвалъ Е. Н. Щепкину, В. Д. Черкасову, А. А. Полторацкую, княгиню Е. П. Крапоткину и другихъ.

4. А. Н. Львовъ сдѣлалъ докладъ—*Нужно ли въ настоящее время принимать мѣры къ охраненію письменныхъ памятниковъ?*

Сообщеніе это представляетъ дополненіе къ сдѣланному уже В. Георгіевскимъ на Съѣздѣ докладу, объ одной изъ мѣръ къ сохраненію памятниковъ церковныхъ древностей. Памятники письменности подвергаются не меньшему уничтоженію и порчѣ, чѣмъ другіе памятники древности. Покойный Н. В. Калачовъ подробно ознакомилъ членовъ I и II Археологическихъ съѣздовъ съ печальнымъ положеніемъ и трудными задачами архивнаго дѣла въ Россіи. Онъ съ одной стороны указалъ на огромное значеніе письменныхъ памятниковъ для науки и русской жизни, а съ другой — на то безпощадное уничтоженіе, которому подвергаются эти памятники, благодаря отсутствію у насъ людей, подготовленныхъ къ архивнымъ занятіямъ, и плачевному состоянію нашихъ архивовъ. Эти заявленія Н. В. Калачова не прошли безслѣдно: на II Археологическомъ съѣздѣ было постановлено возбудить ходатайство объ учрежденіи особой комиссіи, которая бы занялась рѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ, касающихся какъ внѣшняго, такъ и внутренняго устройства русскихъ архивовъ, ихъ организаци и т. п. Собрать возможно точныя свѣдѣнія со всѣхъ концовъ Россіи о положеніи у насъ архивовъ, эта Высочайше утвержденная комиссія пришла къ слѣдующимъ выводамъ: а) устроить археологическій институтъ и в) учредить архивную центральную комиссію для завѣдыванія всѣми архивами въ Россіи. Отчасти

программа эта была исполнена не только правительствомъ, но и на частныя средства покойнаго Н. В. Калачова (Археологическій институтъ въ Петербургѣ). Ему-же удалось провести положеніе о губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссіяхъ. Но, несмотря на всѣ эти успѣхи архивнаго дѣла въ Россіи, громадное большинство архивовъ остается все еще въ прежнемъ дурномъ положеніи. Далѣе референтъ, нежелая быть голословнымъ, привелъ нѣсколько статистическихъ данныхъ для подтвержденія дѣйствительно плохого состоянія нашихъ архивовъ и ихъ частой гибели. Между прочимъ онъ указалъ на Архивъ Московской Духовной Консисторіи. Этотъ архивъ расположенъ частію въ сыромъ, тѣсномъ и темномъ подвалѣ, частію-же въ надворномъ каретномъ сараѣ, не имѣющемъ ни оконъ, ни дверей, кромѣ большихъ выѣздныхъ воротъ. При входѣ въ этотъ сарай всѣхъ поражаетъ груда дѣлъ, лежащихъ въ полномъ безпорядкѣ. Кромѣ того, въ этомъ-же сараѣ есть чердакъ, наполненный дѣлами, преимущественно прошлаго столѣтія, каковыя сохраняются въ цѣлости, съ одной стороны, благодаря отсутствію хода на чердакъ, а съ другой—толстому слою земляной коры, которымъ покрыты эти дѣла. Въ одномъ изъ темныхъ угловъ чердака референтъ нашелъ два большихъ деревянныхъ ящика, наполненныхъ сотнями столбцовъ XVII ст., касающихся, главнымъ образомъ, монастырскаго хозяйства и епархіальнаго управленія. Въ заключеніе референтъ предложилъ Съѣзду ходатайствовать передъ правительствомъ объ изданіи общихъ законоположеній для всѣхъ архивныхъ учреждений

12.

17 ЯНВАРЯ. 7½ ЧАС. ВЕЧЕРА.

Отдѣленіе VIII. Древности восточныя и языческія.

Почетный Предсѣдатель Проф. Н. И. Веселовскій.

Предсѣдатель Отдѣленія Проф. Э. Е. Коршъ.

Секретарь Отдѣленія М. В. Никольскій.

1. Проф. Д. А. Хвольсонъ сдѣлалъ докладъ *О Сиро-Несторіанскихъ надиробныхъ надписяхъ, найденныхъ въ Семиръченской области.*

Несторіане, послѣ изгнанія ихъ изъ Византійской имперіи, переселились въ царство Сассанидовъ, гдѣ они основали школы, въ которыхъ изучались, кромѣ богословскихъ, и свѣтскія науки. Они переводили сочиненія Аристотеля, Платона и другихъ греческихъ писателей на сирійскій языкъ и писали комментаріи къ нимъ. Они также занимались медициной, вслѣдствіе чего играли значительную роль при дворѣ Сассанидовъ. Въ послѣдствіи, во время Халифата, многіе изъ нихъ, тоже въ качествѣ врачей, стояли въ близкихъ отношеніяхъ съ халифами. Со временъ халифа Эль-Мамуна Несторіане занимались переводами на арабскій языкъ греческихъ сочиненій, какъ напримѣръ, сочиненій Аристотеля, Платона, Гиппократы, Галена, Диоскорида, Птоломея и многихъ другихъ. Ихъ переводы въ послѣдствіи были переведены на латинскій языкъ.

Такимъ образомъ, они являются причиной тому, что цивилизація древнихъ Грековъ не была потеряна для средне-вѣковой Европы. Кромѣ того, Несторіане, какъ ревностные христіанѣ, разсылали своихъ миссіонеровъ повсюду для распространенія христіанской вѣры.

Переходя къ спеціальному предмету доклада, профессоръ Хвольсонъ сообщилъ кѣмъ, гдѣ и когда эти надписи были найдены, какимъ способомъ онѣ были дешифрованы, описалъ внѣшній видъ надписей, читалъ буквальный русскій переводъ нѣкоторыхъ надписей и вкратцѣ изложилъ содержаніе остальныхъ. Для объясненія появленія этихъ надписей у Тюркскаго народа профессоръ указалъ на раннее распространеніе христіанства, большею частью чрезъ несторіан-

скихъ миссіонеровъ, на востокъ—въ Средней Азіи, въ Южномъ и Сѣверномъ Китаѣ и между тюркскими племенами на сѣверо-востокъ почти до Байкальскаго озера, указаль на то, что въ началѣ IX и въ началѣ XI вѣковъ цѣлыя тюркскія племена и могущественныя тюркскія государства приняли христіанство.

Загѣмъ профессоръ указаль на важность изслѣдованныхъ имъ надписей въ палеографическомъ отношеніи, и на основаніи этихъ надписей нарисоваль цѣлую картину церковной жизни этихъ среднеазиатскихъ христіанъ и указаль на благотѣльное вліяніе христіанства на нравственную жизнь этихъ народовъ, пребывавшихъ ранѣе въ состояніи варварства.

2. А. С. Хахановъ сдѣлаль сообщеніе, которое имѣло своимъ предметомъ *Грузинскія рукописи Румянцевскаго Музея*, гдѣ такихъ рукописей имѣется не болѣе 18. Наибольшій интересъ изъ нихъ представляютъ пять пергаментныхъ свитковъ, судя по матеріалу и характеру языка, XI и XII вѣковъ, и вариантъ грузинской лѣтописи, ложно извѣстной подъ именемъ лѣтописи царя Вахтанга. Пергаментные свитки присланы изъ Сванетіи директоромъ Кутаисской гимназіи г. Стояновымъ; всѣ они писаны на грубой кожѣ черными чернилами, мелкимъ церковнымъ алфавитомъ Хуцури: встрѣчаются киноварныя фразы; нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ палимсесть. На иныхъ кожа покрыта грязью, изорвана такъ, что возстановленіе текста становится невозможнымъ; а все, что можно было извлечь изъ этихъ рукописей, переведено на русскій языкъ. Содержаніемъ этихъ свитковъ служитъ умиловительная молитва полухристіанскаго, полуязыческаго характера, сочиненная, вѣроятно, жрецами Свановъ-папи; молитва очень однообразна, и во всѣхъ ея спискахъ, послѣ обращенія къ Богу, въ ней перечислены имена тѣхъ, для спасенія души которыхъ совершается жертвоприношеніе; есть между ними такія имена, которыя сохранились лишь въ народныхъ сказаніяхъ, другія же названы въ поэмѣ XII в. Разсмотрѣвъ свитки въ палеографическомъ отношеніи, г. Хахановъ перешель къ *Лѣтописи царя Вахтана VI*, подробно изложилъ ея содержаніе по имѣющемуся въ Румянцевскомъ Музеѣ списку и сравнилъ ее съ другими вариантами. Находящійся въ Музеѣ списокъ принесень въ 1821 году въ даръ Грузинскимъ царевичемъ Теймуразомъ Георгіевичемъ канцлеру графу Николаю Петровичу Румянцеву.

3. М. В. Никольскій сообщилъ *О вавилонскихъ цилиндрахъ приобретенныхъ А. В. Праховымъ*. Коллекція г. Прахова состоитъ изъ 16 цилиндровъ, она была продана ему въ Сидонъ (древнемъ Сидонѣ) неизвѣстнымъ лицомъ.

Референтъ познакомился съ этою коллекціей только по открытіи съѣзда, увидавъ ее на выставкѣ. Изслѣдовавъ эти цилиндры, съ дозволенія профессора Прахова, и сдѣлавъ съ нихъ снимки, референтъ пришелъ къ заключенію, что почтенный профессоръ Праховъ сдѣлался жертвой обмана, приобрѣвъ фальшивые цилиндры за дѣйствительные. Они принадлежатъ къ категоріи тѣхъ поддѣлокъ подъ ассиро-вавилонскія древности, которыя были выставлены въ 1887. году въ Москвѣ, въ музеѣ г. Роилова. Послѣднія состояли изъ алебастровыхъ дощечекъ съ изображеніями и надписями. Референтъ открылъ тогда же обманъ и подробно разоблачилъ его въ только что образовавшейся при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ Восточной Коммисіи. Впослѣдствіи, въ концѣ 1888 года, французскій ассириологъ г. Менанъ издалъ книгу о фальшивыхъ ассиро-вавилонскихъ древностяхъ, въ которой, главнымъ образомъ, поставилъ свою задачей описать тѣ самые предметы, которые показывались г. Роиловымъ. Оказывается, что такія же поддѣлки одновременно были въ Парижѣ и Америкѣ. Менану удалось узнать, при посредствѣ американскаго ассириолога Дг. Уарда, и самое мѣсто поддѣлки, именно персидскій городъ Кербела, гдѣ этимъ занимается цѣлое семейство. Референтъ дополнилъ выводы Менана обсужденіемъ того факта, что оригиналомъ для поддѣлки надписей послужила извѣстная надпись Новуходоносора, находящаяся на всѣхъ кирпичахъ построенныхъ имъ зданій. Переходя затѣмъ къ цилиндрамъ г. Прахова, референтъ указалъ на сравнительную трудность поддѣлки этихъ предметовъ и констатировалъ несомнѣнный прогрессъ въ этомъ преступномъ дѣлѣ. Изъ 16 цилиндровъ 12 сдѣланы изъ матеріала, который своимъ видомъ ничѣмъ не отличается отъ гематита, самаго твердаго матеріала употребительнаго для цилиндровъ. Референту нѣсколько дней не приходило даже въ голову усомниться въ матеріалѣ, но когда онъ сталъ испытывать его, то оказалось что цилиндры сдѣланы изъ алебастра, искусно окрашеннаго въ цвѣтъ гематита. Этотъ фактъ является самою очевидною уликой въ обманѣ. Но и все остальное не менѣе доказываетъ то-же

самое. Знаки надписей тѣ же самыя, что и въ алебастровыхъ дощечкахъ г. Роинова, но они вырѣзаны, какъ и слѣдуетъ, на цилиндрахъ, служившихъ печатями, въ обратномъ направленіи, что также доказываетъ успѣхъ со стороны поддѣльвателей. Ошибка съ ихъ стороны, притомъ капитальная, была та, что они вели надпись не сверху внизъ, а снизу вверхъ, что невозможно въ подлинныхъ надписяхъ. Что касается изображеній на цилиндрѣ, то поддѣльватели съ этимъ труднымъ предметомъ справились не менѣе смѣло и оригинально. Они въ большинствѣ случаевъ взяли ихъ изъ подлинныхъ, въ которыхъ эти изображенія крайне разнообразны, но большею частію религіознаго характера, исполнены символизма. Не понимая этихъ сюжетовъ и не имѣя возможности копировать ихъ, поддѣльватели дали имъ своеобразную интерпретацію, приблизивъ ихъ подъ понятія и вкусы нынѣшняго времени: религіозныя сцены представлены, какъ свиданіе знакомыхъ, женскія божества, какъ танцовщицы изъ балета, непонятныя миѳологическія фигуры, какъ бѣсы съ рогами и т. д. Референтъ подробно демонстрировалъ при этомъ снимки съ этихъ поддѣланныхъ цилиндровъ, сопоставляя ихъ съ аналогичными сюжетами на снимкахъ съ подлинно-вавилонской коллекціи вавилонскихъ цилиндровъ, также находящейся на выставкѣ и принадлежащей Дг. Блау изъ Месопотаміи. Въ заключеніе референтъ указалъ на то, насколько печаленъ этотъ фактъ, какъ самъ по себѣ, такъ въ особенности для насъ, Русскихъ. У насъ въ Россіи почти совсѣмъ нѣтъ ассиро-вавилонскихъ древностей и желательно было бы коллекціи подлинныхъ древностей, приходящія въ Россію, оставлять для нашихъ музеевъ. Но въ виду поддѣлокъ и за отсутствіемъ у насъ какъ ученыхъ, такъ и древностей, всѣ вновь приходящія къ намъ даже подлинныя древности встрѣчаютъ упорный скептицизмъ, который проповѣдуется какъ правило въ отношеніи къ ассиро-вавилонскимъ древностямъ. Разоблаченія референта способны влить новую каплю яда въ это скептическое настроеніе. Но референтъ утѣшаетъ себя сознаниемъ, что онъ выполнилъ свой долгъ предъ наукой, подвергнувъ заслуженному позору преступленіе противъ археологіи, за которое виновные не могутъ быть привлечены къ уголовной отвѣтственности.

Засѣданіе окончилось въ II часовъ.

18-ОЕ ЯНВАРЯ. 10 Ч. УТРА.

Отдѣленіе II. Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный Предсѣдатель: Н. М. Ядринцевъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: Проф. В. Б. Антоновичъ.

Секретарь Отдѣленія: П. Н. Милуковъ.

1. В. И. Колосовъ прочель: *О Стерженскомъ и Лопатинскомъ крестахъ въ связи съ водными путями сообщенія въ Тверской губерніи.*

Стерженскій крестъ, находящійся нынѣ въ Тверскомъ музеѣ, высѣченъ изъ цѣльнаго камня въ 57 пудъ. На немъ надпись: *лѣто зхма мѣца шолм дѣ днѣ повахъ рыти рѣку сю мзи нванко павловичъ і крѣстъ съ поставихъ. Крестъ взятъ съ „городка“ — насыпи на правомъ берегу Волги, при впаденіи ея въ озеро Стержь. Исходный пунктъ искусственнаго углубленія воднаго пути, на какое указываетъ надпись, находился, очевидно, у впаденія Волги въ озеро. Всего вѣроятнѣе, что путь назначался для соединенія верховьевъ Волги съ Новгородомъ черезъ Ловать, что подтверждается и политическими обстоятельствами того времени, именно обостреніемъ отношеній Новгорода къ Суздальскому Княжеству. Самъ Иванко Павловичъ, горячій противникъ суздальцевъ, скоро послѣ 1134 г. (годъ постановки креста) былъ выбранъ въ новгородскіе посадники, а черезъ годъ по избраніи палъ въ походъ на суздальцевъ.*

Другой крестъ, Лопатинскій указываетъ на направленіе воднаго пути изъ Волги по рѣкѣ Кудь, чрезъ озера Заболотье, Тальское и рѣку Синюгу къ Поволжью, къ Лучинской вѣтви великаго воднаго пути, такъ что по этому пути можно было проѣхать и на Двину съ Днѣпромъ. Всего вѣроятнѣе, что и этотъ путь больше предназначался для связи верхняго Поволжья съ Новгородомъ и былъ такимъ образомъ парнымъ съ путемъ Стерженскимъ.

2. Проф. В. Э. Миллеръ прочель докладъ: *Новое Сарматское божество.* Сарматскіе культы узнаются пока лишь по

монетнымъ эмблемамъ, бляшкамъ скиѣскихъ могилъ и издѣліямъ позднѣйшаго періода Пантикапеи. Имя неизвѣстнаго родового или племеннаго бога *Уатафарна* выложено на золотомъ амулетѣ, найденномъ на Кубани и читается по гречески такъ „ΘΕ ω ΟΥΑΤΑ·ΦΑΡΝ ω“ т.-е. богу Уатафарну. Эта золотая вещица, превосходной работы, должна считаться издѣліемъ греческаго мастера, изготовившаго ее для какого-нибудь богатаго представителя Сарматскаго населенія Прикубанской области. О времени, къ которому принадлежитъ амулетъ, можно судить по надписи, которая сдѣлана курсивнымъ письмомъ. Ужь одно послѣднее обстоятельство указываетъ II вѣкъ, когда въ ходу было такое письмо. Далѣе начертаніе иныхъ буквъ заставляетъ отнести памятникъ къ V вѣку, такъ что очевидно, что амулетъ этотъ принадлежитъ или ко II или къ V вѣку до Р. Х. Какіе же народы жили въ это время въ Россіи и, слѣдовательно, какой народности принадлежало это божество? Въ это время, какъ установлено наукой, мѣстность между Дономъ и Днѣпромъ была занята азіатскими Сарматами, народомъ, составляющимъ вѣтвь Скиѣовъ по Геродоту. Существуетъ несомнѣнная связь съ иранскимъ языкомъ у Сарматскаго, въ свою очередь родственнаго Индо-европейскимъ языкамъ. Такъ, есть доказательство, что варварскія имена, очень часто встрѣчающіяся въ греческихъ надписяхъ, имѣютъ иранское происхожденіе, при этомъ нужно сказать, что главный матеріалъ для этихъ надписей даетъ языкъ осетинскій, тоже иранскаго происхожденія. А осетинскій языкъ есть, съ другой стороны, отрасль сарматскаго. Въ современномъ же языкѣ Осетинъ, очень родственномъ съ персидскимъ—тоже иранскимъ, а слѣдовательно и сарматскимъ, слово *ΦΑΡΝ ω*, стоящее въ концѣ надписи на амулетѣ, означаетъ „мирный“, „счастливый“. Этимологія же всей надписи указываетъ, что рѣчь идетъ о богѣ домашняго счастья. На томъ же основаніи дѣлается яснымъ и назначеніе амулета, чему есть и подтвержденіе въ обычаяхъ Осетинъ: при свадьбахъ у нихъ шаферъ обращается къ божеству спальни (*ваты*) съ молитвой о счастіи молодыхъ. Вѣроятно у Сарматовъ было нѣчто подобное, и вновь найденный амулетъ не представляетъ ли брачнаго подарка?

3. А. А. Дмитриевскій сдѣлалъ сообщеніе: *Греческое Нъжинское братство и его уставъ*. Докладчикъ подробно про-

слѣдилъ исторію этого братства, основаннаго пріѣзжимъ Грекомъ Христофоромъ Дмитріевымъ, въ 1696 году, и продолжающаго свое существованіе до настоящаго времени. Извѣстный Лазарь Барановичъ и Ясинскій были лицами помогшими возникновенію братства, къ нимъ должно причислить также и гетмана Мазепу. Составленіе устава этого общества относится къ 1697 году. Главнымъ принципомъ проникающимъ чрезъ весь уставъ служитъ полное подчиненіе суду братства.

4. *Ө. Ө. Чекалинъ прочель: Мещера и Буртасы по сохранившимся о нихъ памятникамъ.*

Древняя Мещерская область занимала обширное пространство между Рязанскою областью и Дономъ, съ одной стороны и Волгой съ другой, на сѣверѣ примыкая къ лѣсной области Мордвы въ нынѣшнихъ Нижегородской, Симбирской, Тамбовской, Рязанской и Пензенской губерніяхъ, а на югѣ подходя къ степямъ юго-восточной Россіи. О послѣднемъ свидѣтельствуесть нынѣ лишь рѣчка Мещерка, Воронежской губерніи, впадающая въ рѣку Воронежъ. Многіе изъ западныхъ писателей вовсе не упоминаютъ о Мещерахъ, точно такъ-же, какъ и восточные, смѣшивая ихъ, вѣроятно, съ Мордвой. Что касается исторіи быта племенныхъ особенностей Мещеры, то никакихъ указаній по этому предмету въ нашихъ памятникахъ почти не сохранилось. Гораздо болѣе историческихъ свѣдѣній дошло до насъ о Буртасахъ отъ восточныхъ писателей съ X и даже VIII вѣковъ; изъ нихъ наиболѣе важны X вѣка: Ибнъ-Даста, Эль-Балки и Масуди. Страна Буртасовъ искони находилась на правомъ берегу Волги, непосредственно примыкая къ ней, между царствами Хозаровъ и Болгаровъ, въ разстояніи 15—20 дней водяного пути отъ хозарской столицы Итиля, на устьѣ Волги, и простиралась вверхъ по рѣкѣ на 15—17 дней пути и на такое же разстояніе отъ рѣки на западъ. Буртасы принадлежали къ тюркскому племени, были многочисленны, говорили языкомъ Хозаръ, Болгаръ и Руссовъ и были стройны и красивы собой; будучи язычниками, одни изъ нихъ сожигали, другіе хоронили своихъ покойниковъ. Земля ихъ была просторна и обилувала лѣсомъ, между деревьями чаще всего встрѣчался хеленджъ (береза). Они строили деревянные дома и жили разсѣянно, то-есть не имѣя городовъ или крупныхъ селеній; занимались хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и

пчеловодствомъ и т. п. Буртасы находились въ подданствѣ Хозарскаго царя, которому поставляли на службу 10 тысячъ всадниковъ; мѣстный судъ и расправа творились у нихъ старшинами, которыхъ у нихъ было по одному и по два въ каждомъ селеніи. Отношенія ихъ къ Русскимъ были то враждебныя, то дружественныя. По свидѣтельству ученаго араба Ибнъ Хаукаля, Руссы при Святославѣ (965—69) ограбили и почти поголовно истребили Буртасовъ, такъ что отъ нихъ не осталось и слѣдовъ на Волгѣ. Основываясь на единоголасномъ свидѣтельствѣ восточныхъ писателей, слѣдуетъ заключить, что Буртасы уже съ X вѣка являлись народомъ осѣдлымъ и занимали теперешнія губерніи Саратовскую, Пензенскую, Тамбовскую, Воронежскую, Область Войска Донскаго и часть Симбирской губерніи. Въ настоящее время объ этомъ намъ свидѣтельствуется рѣка Буртась, съ четырьмя того же имени селеніями на ней, населенными Мещерой. Большинство историковъ видятъ Буртасовъ въ теперешней Мордвѣ-Мокшѣ, что подтверждается массой этнографическаго и историческаго матеріала. Поэтому не будетъ ошибки, если искать Буртасовъ въ современной намъ Мещерѣ. Въ заключеніе докладчикъ сожалѣлъ, что слишкомъ мало сдѣлано раскопокъ на пространствѣ древнихъ Буртасовъ, чтобы изъ этого источника можно было извлечь какія-либо указанія.

5. Д. А. Хвольсонъ прочелъ: *О Руссахъ у арабскаго писателя первой половины IX вѣка Ибн-Хордадбея.*

У Ибн-Хордадбея, писавшаго еще до призванія князей, уже говорится о „Русскихъ“ купцахъ, плававшихъ по Дону, Волгѣ и Каспійскому морю; Ибн-Хордадбей называетъ ихъ Славянами и говоритъ о нихъ, что славянскіе евнухи въ Багдадѣ служили имъ переводчиками. Затѣмъ лекторъ привелъ указанія многихъ арабскихъ писателей, жившихъ въ первой половинѣ X вѣка, изъ которыхъ видно, что Русы жили тогда по обоимъ берегамъ Волги и въ разныхъ другихъ мѣстахъ нынѣшней Россіи и что они представляли весьма многочисленный народъ, состоявшій изъ разныхъ народностей. Изъ совокупности всѣхъ этихъ извѣстій Д. А. Хвольсонъ приходитъ къ тому выводу, что имя „Русь“ не можетъ быть обязано своимъ происхожденіемъ Норманамъ.

6. Проф. А. С. Будиловичъ прочелъ докладъ, подъ заглавіемъ: „*Къ вопросу о происхожденіи слова Русь*“.

9*

Докладчикъ полагаетъ, что слово Русь происходитъ изъ готскаго языка, что онъ и доказывалъ въ своемъ рефератѣ на основаніи этимологическихъ, лингвистическихъ и этнографическихъ соображеній. Матеріаломъ для этого ему служили какъ литературные источники, такъ и готскія надписи на различныхъ древнихъ предметахъ готскаго издѣлія. Найденное на югѣ Россіи копье съ надписью на готскомъ языкѣ, признанное знатоками за издѣліе III вѣка, достаточно убѣждаетъ въ томъ, что въ это время на югѣ Россіи жили Готы. Референтъ полагаетъ, что при движеніи Готовъ на западъ, они ушли не всѣ, и мѣстами по Черному морю осталась часть ихъ почему-либо не желавшихъ покидать занятые ими мѣста. Очень просто могло быть, что эти осѣвшіеся на югѣ Россіи Готы, при появленіи Славянъ на мѣсто ушедшихъ готскихъ ордъ, могли оказать вліяніе на славянскій языкъ. Это положеніе находитъ себѣ защиту въ томъ обстоятельстве, что нѣкоторыя названія буквъ въ русской азбукѣ, на примѣръ, азъ, глаголь, — звучатъ по-готски, и что въ готскомъ языкѣ существуютъ, какъ оказалось при чтеніи древнихъ надписей, подобныя слова. А разъ признать возможность вліянія готскаго языка на русскій, то вполне возможно будетъ и предположеніе вліянія Готовъ на географическія названія. И дѣйствительно, названія рѣкъ Буга, Вислы и нѣкоторыхъ другихъ южно-русскихъ рѣкъ и мѣстечекъ звучатъ также по-готски и оказываются, по изслѣдованіямъ, готскими словами. Возможно что и слово Русь было также готское и имъ называли русскія племена сначала какъ нарицательнымъ именемъ, впоследствии же, что и часто бываетъ, оно усвоилось и перешло въ собственное названіе, которое такъ и сохранилось до нашихъ дней. И это тѣмъ болѣе, что въ готскомъ языкѣ есть созвучное частію слово „ропись“, которое значитъ храбрый, воинственный, а эти прилагательныя, какъ эпитеты, вполне примѣнимы къ русскимъ племенамъ того времени. Затѣмъ референтъ весьма подробно показалъ исторію измѣненій готскаго слова „ропись“ въ россъ и потомъ русъ, русь. Далѣе докладчикъ на литературныхъ источникахъ выяснилъ существованіе какого-то готскаго племени называвшагося русскимъ и жившаго къ востоку отъ Польши между Днѣпромъ и Дономъ. Возможно вполне, что то были или Славяне, или особое готское племя. Такъ или иначе, но всѣ данныя позволяютъ думать, что слово „Русь“ происхожденія готскаго.

Въ заключеніе референтъ привелъ въ защиту своей теоріи и то обстоятельство, что ею очень удобно устраняются и объясняются всѣ существовавшія до сихъ поръ недоразумѣнія о происхожденіи русскаго государства, и другія теоріи. Такъ на примѣръ, для тѣхъ, кто отрицаетъ призваніе князей, становится яснымъ, что лѣтописецъ Несторъ слышалъ о пришествіи на русскую территорию какого-то великаго народа, имя котораго ему не было извѣстно, а также слышалъ и зналъ о колонизаціи на русскихъ и финскихъ земляхъ Нормановъ и такъ какъ послѣдніе были ближе къ нему по времени, то онъ и назвалъ дѣйствительно бывшихъ на югѣ Россіи Готовъ Норманами.

14.

18 января. 3 часа дня.

Отдѣленіе V. Памятники церковные.

Почетный Предсѣдатель Проф. И. В. Цвѣтаевъ.
Предсѣдатель Отдѣленія Проф. Н. В. Покровскій.
Секретарь Отдѣленія Н. Э. Красносельцевъ.

1. Предсѣдатель Отдѣленія Н. В. Покровскій прочелъ докладъ А. Я. Лаврова.—*Къ вопросу о происхожденіи миниатюрныхъ изображеній Лицевой Псалтири.* Миниатюры Лицевой Псалтири, со стороны содержанія доселѣ мало изслѣдованныя, весьма богаты и разнообразны въ этомъ отношеніи. Въ однѣхъ изъ нихъ представлена въ главнѣйшихъ чертахъ вся ветхозавѣтная исторія съ указаніемъ прообразовательнаго значенія событій; въ другихъ—евангельская и даже апостольская исторія, какъ исполненіе пророчествъ; въ третьихъ—рядъ картинъ христіанской исторіи (сцены мученичества и подвижничества, отдѣльныя фигуры святыхъ и святителей); страшный Судъ и загробное блаженство праведныхъ; наконецъ иллюстраціи, удачно олицетворяющія разныя нравственныя изреченія Псалтири. И весь, выражаемый здѣсь, запасъ богословскихъ свѣдѣній поставленъ въ живую и тѣсную связь съ текстомъ псалмовъ. Эгимъ, между прочимъ,

объясняется вліяніе Лицевой Псалтири на иконографію, ибо многія мініатюры сдѣлались сюжетами иконъ, а текстъ Псалтири—необходимыми къ нимъ надписями. Отсюда вопросъ о происхожденіи и развитіи мініатюры въ смыслѣ толкованія на псалмы. Этимъ вопросомъ и занялся въ своемъ докладѣ г. Лавровъ, имѣя въ виду также нѣкоторыя замѣчанія изъ трудовъ гг. Кондакова, Буслаева, Покровскаго, Попова, Ундольскаго и архим. Амфилохія.

Списки Лицевой Псалтири принадлежатъ тремъ редакціямъ, изъ коихъ наиболѣе распространенную и богатую мініатюрами составляютъ списки, имѣющіе во главѣ древнѣйшую Византійскую рукопись IX вѣка (Лобковскую) библиотеки Моск. единовѣрческаго Никольскаго монастыря: она написана на пергаментѣ, въ четверть листа, съ прекрасными художественными рисунками, въ числѣ до 200, и самаго разнообразнаго содержанія. Ко второй редакціи относится единственная славянская рукопись XIII вѣка (Хлудовская) библиотеки Моск. единов. монастыря, гдѣ послѣ каждой каѳизмы помѣщено по мініатюрѣ, рядъ коихъ исчерпываетъ важнѣйшіе случаи изъ царствованія Давида; третью редакцію даетъ Псалтирь XVI в. библиотеки Чудова монастыря.

Источниками для изображеній служили: самые псалмы, Новый Заветъ, свято-отеческія толкованія и житія святыхъ, народная духовная литература и современныя народныя толкованія, фізіологи и нѣкоторыя данныя предшествовавшей эпохи Византійскаго искусства.

Въ дальнѣйшей, обширной и главной части своего доклада А. Я. Лавровъ подробно разсмотрѣлъ виды мініатюръ Лицевой Псалтири и объяснилъ ихъ, раздѣливъ ихъ при этомъ, для удобства, на 7 отдѣловъ по содержанію.

2. Предсѣдатель Отдѣленія прочелъ докладъ Н. Г. Добрынкина *О рѣзныхъ иконахъ св. Николая Можайскаго и другихъ памятникахъ древности Владимірской губ. (въ извлеченіи).*

Г. Добрынкинъ сообщалъ: *О старинныхъ деревянныхъ рѣзныхъ иконахъ Николая Чудотворца Можайскаго и другихъ, сохранившихся въ городѣ Муромѣ и уѣздахъ Муромскомъ и Судогодскомъ.* При сообщеніи было приложено 11 фотографич. снимковъ съ этихъ иконъ, подробно описанныхъ въ докладѣ. Всѣ иконы липоваго дерева, обыкновенно изъ цѣльнаго куска. Изображаютъ преимущественно Св. Николая, затѣмъ Господа Саваоѳа, Воскресеніе Христова, Богородицу, Анге-

ловъ. Изображенія Господа Саваоѳа, Богоматери и одно изображеніе Св. Николая—нынѣшняго вѣка. Далѣе, г. Добрынкинъ представилъ: *Собраніе надписей на церковныхъ предметахъ въ г. Муромъ и его уѣздъ*. Это—одна надпись XVI в., шесть надписей XVII (изъ коихъ одна—кн. Д. М. Пожарскаго, 1639 г., на водосвятной чашѣ), двѣ XVIII и одна безъ даты. Далѣе: *Описаніе деревянныхъ древнихъ предметовъ той же мѣстности* (царскія двери, паникадило, подсвѣчники, аналой, выносная свѣча—всего 7 номеровъ). Затѣмъ: *Вкладная книга Спасскаго мужскаго монастыря въ гор. Муромъ на посадъ, выпуска XVII ст.*, времени совмѣстнаго царствованія Іоанна и Петра. Одна запись относится къ XVI в., остальные, большею частью къ концу XVII, а затѣмъ къ XVIII и XIX вв. Далѣе: *Карта Муромскаго уѣзда 1676 года*, по современному епархіальному описанію его. Муромскій уѣздъ заключалъ въ себѣ тогда весь нынѣшній Муромскій уѣздъ и части теперешнихъ уѣздовъ: Меленковскаго, Судогодскаго, Вязниковскаго, Гороховецкаго и Горбатовскаго, и имѣлъ 131 церковь (съ монастырскими) и 664 поселенія. Наконецъ: *Описаніе Синодика XVII столѣтія Муромскаго Спасскаго монастыря*. Этотъ Лицевой Синодикъ писанъ славянскимъ полууставомъ, съ рисунками, заставками, бордюрами и заглавными буквами, искусно исполненными въ краскахъ. Послѣдними въ немъ значатся: Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ и царевичи: Алексѣй, Димитрій, Симеонъ. Слѣдовательно написанъ Синодикъ въ 1676—1682 гг.

3. Въ дополненіе къ докладу г. Добрынкина о Муромскомъ Синодикѣ, Проф. Н. В. Покровскій сообщилъ свѣдѣнія о приготавливаемомъ, въ недалекомъ будущемъ, къ выпуску замѣчательномъ *Рукописномъ Синодикѣ* села Климовскаго, Вологодской губерніи, 1746 г. Онъ издается И. А. Голышевымъ (который показывалъ его на Ярославскомъ Съѣздѣ). Нынѣ окончено печатаніемъ и изданіе И. А.: *Сборникъ русской старины Владимірской губерніи, Голышевка 1890 г.*, а еще въ 1886 г. изданъ имъ же альбомъ рисунковъ изъ замѣчательныхъ рукописныхъ синодиковъ XVII в.

4. Секретарь Отдѣленія прочелъ докладъ В. Н. Витевскаго: *О походномъ храмѣ, пожалованномъ Петромъ Великимъ калмыцкому Тайшы Петру Петровичу, внуку хана Аюки*. Походный храмъ этотъ, кратко и неполнѣ точно описанный гг. Игнатьевымъ и Королевымъ, Антошечкинымъ въ 1872 и

1888 г., былъ пожалованъ въ 1725 г. новокрещенному Петру Петровичу, послѣ смерти его принадлежалъ его вдовѣ, затѣмъ подаренъ былъ ею оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву; вдова Тайшина поселилась тогда уже осѣдло въ Ставрополѣ, а походный храмъ ея мужа сталъ сопровождать Неплюева въ его поѣздкахъ по краю. Нынѣ храмъ хранится въ оренбургскомъ Неплюевскомъ Кадетскомъ корпусѣ. Въ докладѣ подробно описаны предметы, ему принадлежащіе, и особенно иконостасъ. Вышиною въ 4 арш. 10¹/₂ в., шириною въ 5 арш. 6¹/₄ в., иконостасъ состоитъ изъ четырехъ частей. Рама его деревянная, выкрашенная въ бѣлую краску съ простыми рѣзными позолоченными украшеніями. Всѣ иконы писаны масляными красками на бѣломъ атласѣ и въ техническомъ отношеніи выполнены прекрасно, — живопись ихъ сдѣлала бы честь и нашему времени. На царскихъ вратахъ изображены: Св. Дѣва, арх. Гавріилъ, Евангелисты; мѣстныя иконы: Воскресеніе (храмъ — во имя Воскресенія), Рождество, Апп. Петръ и Павелъ; наверху: Илья Пророкъ, Іоаннъ Предтеча, Тайная Вечеря, Распятія (съ предстоящими Богородицею и Іоанномъ Богословомъ). Характерны надписи надъ мѣстными иконами: „Христосъ возста изъ мертвыхъ, къ тому уже не умретъ“. „Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе“. „Яже Богъ очистилъ есть, ты не скверни“. „Сосудъ избранъ ми есть сей, пронести имя мое предъ языки“.

5. В. С. Арсеньевъ прочелъ докладъ: *Мнѣніе о доисторическомъ и символическомъ элементахъ въ археологическомъ изученіи древней церковной иконописи.*

Въ этомъ докладѣ референтъ поставилъ себѣ задачей опроверженіе установившагося въ наукѣ возрѣнія на иконопись, совершенно отрѣшеннаго отъ ея догматическаго происхожденія и значенія и зависимости ея отъ церковнаго вѣроученія, причѣмъ въ иконописаніи усматривается лишь олицетвореніе легендарныхъ сказаній, поэтическихъ представленій и чувствъ и т. п. Не признавая съ своей стороны, возможнымъ согласиться съ такимъ взглядомъ и устранить изъ изслѣдованій объ иконописи догматическое ея значеніе и ея религіозный символизмъ, докладчикъ, въ обстоятельномъ изложеніи, привелъ много крайне интересныхъ доказательствъ своей теоріи.

15.

18 ЯНВАРЯ. 7½ ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА.

Отдѣленіе VII. Древности славяно-византійскія и классическія.

Почетный Предсѣдатель Проф. А. С. Павловъ.

Предсѣдатель Отдѣленія Проф. Ѳ. И. Успенскій.

Секретарь Отдѣленія А. А. Дмитріевскій.

1. А. И. Кирпичниковъ прочелъ *О древностяхъ Константинополя по анониму Бандурія.*

Анонимъ Бандурія, при нѣкоторомъ вниманіи къ его матеріалу, оказывается сборникомъ отдѣльныхъ статей, посвященныхъ достопримѣчательностямъ Константинополя. Сборникъ этотъ составлялся въ разное время разными лицами. Последняя редакція его относится ко времени Алексѣя Комнена, но нѣкоторыя статьи относятся къ болѣе древнему времени, чѣмъ XII столѣтіе. Содержаніе этого памятника весьма разнообразно и докладчикъ выбралъ цѣлью своихъ изслѣдованій монументальныя постройки и, между прочимъ, произведенія скульптуры. Извѣстно, что нѣтъ почти ни одного императора Византійскаго, который бы не увѣковѣчилъ себя статуей или всю свою семью группой. Встрѣчаются также и скульптурныя произведенія съ христіанскими сюжетами. Наконецъ есть масса орнаментныхъ произведеній на зданіяхъ, рынкахъ и т. д.

Изъ статуй императоровъ всего болѣе поражаетъ воображеніе путешественниковъ конная статуя Юстиніана, поставленная имъ самимъ на Августеонѣ, и по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, бывшая одно время предметомъ поклоненія язычниковъ. Приведя ея описаніе и исторію, докладчикъ указывалъ затѣмъ на много другихъ статуй, прилагая къ описанію ихъ различные рассказы, преданія и историческія свидѣтельства. Затѣмъ излагались статьи Анонима, касающіяся постройки храма св. Сергія, и, приведя еще нѣсколько статей, докладчикъ въ заключеніе указалъ, что богатство содержанія памятника можетъ принести великую пользу не только византійской, но и русской археологіи.

2. Проф. Θ. И. Успенскій прочель докладъ. *Синодикъ въ недѣлю Православія.*

Церковный чинъ въ Недѣлю Православія заимствованъ нами изъ Византіи и значительно передѣланъ. Въ первый разъ чинъ Православія въ 842 г. въ Константинополѣ совершался безъ особенныхъ приготовленій, такъ какъ только что кончилось иконоборство, и не было времени составить особый торжественный чинъ. Такимъ образомъ, въ 842 г. Чинъ Православія состоялъ въ прочтеніи соборныхъ актовъ, которыми отлучены были отъ церкви иконоборцы и увѣнчаны похвалами, съ провозглашеніемъ *вѣчной памяти*, подвижники и ревнители св. иконъ. Съ теченіемъ времени нараждались въ церкви новые вопросы, появлялось разномысліе въ вѣроученіяхъ, открывались новые еретики, опасные не менѣе иконоборцевъ. И свѣтское и церковное правительство боролись противъ новшествъ, составляли новые соборы и пополняли содержаніе ежегодно читаемаго въ Недѣлю Православія *Синодика*. Всѣ эти нарощенія въ *Синодикъ* полного состава даютъ богатый матеріалъ для исторіи культурнаго развитія Византіи, не ограничивающійся только предметами вѣроученій въ тѣсномъ смыслѣ, но распространяющійся на широкую область философскаго мышленія, общественной морали, политическихъ идеаловъ и т. д. Цѣнность этого матеріала доказывается уже тѣмъ, что въ то время, какъ всѣ соборные акты уничтожались, тѣ статьи, которые вошли въ *Синодикъ*, были вырѣзываемы на камнѣ и хранились въ церкви Св. Софіи. Довольно древніе списки *Синодика* хранятся въ разныхъ заграничныхъ библіотекахъ; таковы списки: Вѣнскій и Эскуриальскій XII в., Мадридскій по редакціи XI в., но въ списокъ XVI в. Рядомъ съ оригинальными греческими синодиками должны быть поставлены русскіе переводные, между которыми первое мѣсто занимаетъ Московскій синодикъ патріаршей библіотеки XV в., а за нимъ слѣдуютъ два синодика XVI в. Въ составѣ *Синодика* ясно распознаются четыре слоя, отмѣчающіе четыре эпохи въ Византійской исторіи. Первый и основной выражаетъ торжество православной партіи при Θεодорѣ и Михаилѣ III, въ 842 году. Второе главное наслоеніе относится ко времени царя Алексѣя Комнена и выражаетъ результатъ всего научнаго и общественнаго развитія XI вѣка. Третій слой *Синодика* относится ко времени царя Мануила; онъ представляетъ резуль-

таты великой богословской борьбы того времени. Четвертый и послѣдній слой относится къ XIV в. и описываетъ борьбу православія противъ еретиковъ Варлаама и Акинди-на. Очертивъ эти четыре періода, докладчикъ заключилъ: а) что чрезъ весь періодъ Византійской исторіи идетъ борьба изъ - за идеи религіозной и философской; б) что борьба эта часто совсѣмъ не отмѣчается историками на основаніи обличительныхъ или ораторскихъ произведеній, которыми восполняются не только недостатки лѣтописи, но и философскія системы; в) что логическая послѣдовательность порождавшихся вопросовъ указываетъ на извѣстное поступательное движеніе въ развитіи Византійскаго общества такъ-же, какъ и на Западѣ.

3. Секретарь отдѣленія прочелъ докладъ П. Б. Мансурова: *Византія, Славянство и Россія (къ вопросу объ учрежденіи въ Константинополь Русскаго ученаго института)*. Авторъ указывалъ на значеніе Византіи и для Востока, и для Запада, какъ перваго государства, основаннаго на христіанскихъ началахъ; на значеніе ея для южныхъ славянъ, у которыхъ Болгары и Сербы испытали на себѣ не только внѣшнее вліяніе Византіи, но и всю чарующую и подавляющую силу ея слишкомъ близкаго блеска, на значеніе ея для Россіи, которая, черпая изъ духовныхъ богатствъ Византіи, въ то же время, уже благодаря отдаленности своей, могла сохранить свою духовную самостоятельность, и наслѣдіе, завѣщанное Византіею, развивала затѣмъ на самобытной русской почвѣ. Въ дополненіе къ этому докладу Ѳ. И. Успенскій сообщилъ о возникшемъ и развитомъ въ Императорскомъ Россійскомъ Посольствѣ въ Константинополь предположеніи учредить въ Константинополь Русскій ученый Институтъ съ цѣлью изученія Востока, и о мнѣніяхъ и проэктахъ поданныхъ по этому поводу, по желанію посольства, учеными специалистами въ Одессѣ и въ Москвѣ.

Послѣ оживленнаго обсужденія *постановлено*: просить Со-вѣтъ Съѣзда поддержать передъ правительствомъ предложеніе посольства.

16.

19 ЯНВАРЯ. 10 ЧАС. УТРА.

Отдѣленіе IV. Русскій бытъ домашній, юридическій и общественный.

Почетный Предсѣдатель Проф. Д. И. Багалъй.

Предсѣдатель Отдѣленія Проф. С. М. Шпилевскій.

Секретарь Отдѣленія И. А. Линниченко.

В. Н. Сторожевъ прочелъ докладъ:—*„Застычныя книги, какъ историко-географическій и археологическій матеріалъ“*.

2. С. П. Тимофеевъ сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ:—*„Первыя рационалистическія секты на Руси“*.

3. И. А. Линниченко прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ:—*„Черты изъ исторіи землевладѣнія въ юго западной Руси XIV и XV вѣковъ“*.

Въ началѣ реферата, докладчикъ отмѣтилъ разницу между древне-русскимъ и древне-польскимъ общественнымъ строемъ въ его отношеніи къ землевладѣнію. Въ то время, какъ въ древней Руси вся территория княженія принадлежала общинѣ, а не князю, который пріобрѣталъ земли въ собственность такимъ же частноправнымъ путемъ, какъ и остальное населеніе, въ древней Польшѣ, наоборотъ, частной земельной собственности не было, а вся территория княжеская принадлежала князю. Относительно древней, преимущественно юго-западной, Руси данныя доказываютъ довольно широкое развитіе частной земельной собственности уже въ княжескій періодъ нашей исторіи, при чемъ формы пріобрѣтенія этой собственности разнообразны (покупка, уступка общиной) и даже княжеское пожалованіе является лишь однимъ изъ видовъ пріобрѣтенія; уже въ княжескій періодъ земли обращались совершенно свободно: покупались, продавались и даже давались въ приданое, но землевладѣльцы только въ отдѣльныхъ случаяхъ имѣли документальныя доказательства своего владѣнія, въ большинствѣ же случаевъ, ихъ права на землю опредѣлялись лишь давностью да показаніемъ свидѣтелей. Съ переходомъ юго-западной (Галицкой) земли къ Польшѣ, условія землевладѣнія суще-

ственно измѣнились: вся территория стала собственностью королей, отдѣльныя же лица потеряли свое право собственности на землю и сдѣлались вассалами. Только къ половинѣ XV в. эта феодальная система, невыгодная для шляхты, падаетъ и въ червонной Руси, вопреки первоначальнымъ желаніямъ польскаго правительства, стремившагося здѣсь ввести порядки отличные отъ польскихъ, вводится польское право и земли снова отдаются въ полное владѣніе шляхты.

4. А. С. Гацисскій прочелъ докладъ:—*Почему назывались выписки изъ писцовыхъ книгъ, даваемыя городамъ, по ихъ челобитнымъ, сотными грамотами.*

Референтъ, предсѣдатель Нижегородской архивной коммисіи, началъ сообщеніе изложеніемъ своихъ разысканій относительно выраженія „сотная грамота“, надъ которымъ онъ задумался только тогда, когда приступилъ къ подготовительнымъ работамъ по изданію сотной грамоты на Нижней Новгородъ, выданной въ 1630 году. Изъ этой грамоты, конечно, не видно, почему она такъ называется: въ ней только говорится, въ разныхъ редакціяхъ, о томъ что „государь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ“ пожаловалъ городу „писцовыхъ книгъ“ свою „государеву сотную грамоту“. Обратившись къ трудамъ нашихъ историковъ за разъясненіемъ вопроса, предложеннаго имъ VIII Съѣзду, референтъ заявилъ, что въ трудахъ этихъ онъ категорическаго отвѣта на вопросъ не нашелъ. Приведя ссылки на сочиненія Карамзина, Соловьева, Бестужева, Рѣпина, Бураковскаго, Бѣляева, Попова, Чичерина, Шпилевскаго, Калачова, Владимірскаго-Буданова, Градовскаго, Даля, Иванова и Фугъ, а также на изданія Московскаго Архива Министерства Юстиціи, референтъ высказалъ лишь осторожное предположеніе, что названіе „сотныхъ грамотъ“ можно поставить въ нѣкоторую связь съ дѣленіемъ старинныхъ русскихъ городовъ на сотни, съ существованіемъ въ городахъ особыхъ должностныхъ лицъ—городовыхъ сотниковъ, сотскихъ, съ выраженіями: писцовая сотня, старая сотня, встрѣчающимися въ монастырскихъ сотныхъ выписяхъ и книгахъ и т. п. Положительное же, точное рѣшеніе вопроса, подобно вопросу о названіи книгъ разряднаго приказа, извѣстныхъ подъ именемъ десятень, происхожденіе котораго также неизвѣстно, представить по меньшей мѣрѣ затруднительно.

5. Проф. Н. Е. Чижевъ прочелъ свое — *Предложеніе о необходимости изученія символики вообще и русскихъ юридическихъ символовъ въ особенности*. Засѣданіе окончилось въ 1½ часа дня.

17.

19 ЯНВАРЯ. 12 ЧАС. ДНЯ.

Отдѣленіе VIII. Древности восточныя и языческія.

Почетный Предсѣдатель Проф. Д. А. Хвольсонъ.

Предсѣдатель Отдѣленія Проф. Θ. Е. Коршъ.

Секретарь Отдѣленія М. В. Никольскій.

1. Проф. Θ. Е. Коршъ сдѣлалъ сообщеніе: — *Воззваніе Петра Великаго къ Буджацкимъ Татарамъ*. Воззваніе Петра Великаго къ Татарамъ Буджака, предъ Турецкою войной 1711 года, до сихъ поръ бывшее неизвѣстнымъ, сохранилось въ одномъ экземплярѣ, находящемся въ библиотекѣ Московской Синодальной типографіи, въ отдѣлѣ рукописей, безъ опредѣленія языка и содержанія. По разсмотрѣннѣ референтомъ, этотъ „универсалъ“, какъ самъ Петръ называлъ такія грамоты, оказался изложеннымъ на турецкомъ (османскомъ) языкѣ, съ сильною примѣсью татарскихъ словъ и формъ, и не писаннымъ, а оттиснутымъ, вѣроятно, съ мѣдной доски, на которой онъ былъ вырѣзанъ. Такъ какъ онъ составленъ въ Москвѣ и, по всей вѣроятности, здѣсь же и отпечатанъ, референтъ надѣялся найти его русской подлинникъ въ одномъ изъ московскихъ архивовъ, но до сихъ поръ поиски его не увѣнчались успѣхомъ. Обстоятельства, при которыхъ *Воззваніе* было издано, мало извѣстны. О разсылкѣ универсаловъ на татарскомъ языкѣ Петръ упоминаетъ въ порученіяхъ которыя онъ давалъ въ Яваровѣ 7 мая 1711 Вас. Влад. Долгорукову, отправляя его къ главнокомандующему Шереметеву. Документъ составляющій предметъ сообщенія Θ. Е. Корша помѣченъ февралемъ того же года; слѣдовательно эти воззванія были заготовлены заранее. Въ

историческомъ отношеніи новый памятникъ представляетъ мало новаго. Напомнивъ вкратцѣ событія предшествовавшія Прутскому походу, насколько они могутъ служить къ разъясненію воззванія, референтъ прочелъ свой переводъ этой грамоты. Въ ней Петръ излагаетъ обиды и несправедливость султана Ахмеда со времени бѣгства Карла XII въ Турцію, указываетъ на свою правоту относительно Турокъ и, въ заключеніе, призываетъ Буджацкихъ Татаръ къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ врага, а въ случаѣ ихъ несогласія грозитъ имъ разореніемъ и плѣномъ. Въ переводѣ кое-гдѣ сквозитъ русскій подлинникъ, но, вѣроятно, не столько потому чтобы переводчикъ держался его близко, сколько по непониманію конструкцій, которыя поэтому онъ иногда передавалъ дословно. Ошибокъ много, но нѣкоторая часть ихъ должна быть приписана рѣщику, который едва ли разумѣлъ арабскую грамоту. Потому чтеніе этого памятника довольно трудно, и мѣстахъ въ двухъ ни референтъ, ни лица, къ которымъ онъ обращался, не могли разобрать его. Переводчикъ имѣлъ намѣреніе выразиться по османски, но это не вполне ему удалось. Судя по тому что татарскія примѣси принадлежатъ къ нарѣчіямъ джагамайскому (среднеазіятскому) и одному изъ тѣхъ, на которомъ говорятъ Татары восточной Россіи, переводчикъ былъ именно изъ такихъ Татаръ, что референтъ доказывалъ примѣрами изъ языка воззванія. Странно названіе Польши *Лука-вилляети* вмѣсто обычнаго у Турокъ *Лехъ-мемлекети*. Въ заключеніе референтъ отмѣтилъ одно хронологическое противорѣчіе: наши историки относятъ возобновленіе 30-лѣтняго мира, заключеннаго Петромъ съ султаномъ Мустафой въ 1700 году, къ ноябрю 1709 году, а въ универсалѣ къ Буджацкой ордѣ, какъ и въ манифестѣ Петра о войнѣ 1711 году, это возобновленіе воспослѣдовало только въ 1710 году.

2. А. Г. Халатовъ прочелъ референтъ— „*О новомъ божествѣ у древнихъ Армянъ Ангелъ или Ангелъ*“. У истоковъ рѣки Тигра, на сѣверъ отъ Діарбекира, находится нынѣ область Акль. Въ древности эта область входила въ составъ Армянскаго царства и называлась *Ангел-тунъ*, что собственно означаетъ домъ или владѣніе Ангела. Существовалъ и городъ того же названія, съ главною крѣпостью, расположенною на высокой скалѣ. Въ этой крѣпости, по словамъ армянскихъ историковъ, хранились царскія сокровища и

она же служила усыпальницей древних Армянских царей. Вообще Ангел-тунъ пользуется, повидимому, какимъ то священнымъ значеніемъ. Но что же значитъ *Амелъ* и какъ его объяснить? Моисей Хоренскій въ повѣствованіи о происхожденіи армянскихъ владѣтельныхъ князей, называетъ родоначальникомъ нѣкоего исполина, отличавшагося неимоверною, сокрушающею силой, причемъ намѣренно рисуетъ его страшно безобразнымъ, чтобы на этомъ основаніи объяснить народную этимологию слова Ангелъ, будто означающаго по армянски „некрасивый“. Судя по отрывкамъ, приводимымъ армянскимъ историкомъ изъ народныхъ пѣсенъ относительно этого исполина, лицо это носитъ вполне мифическій характеръ, наводящій на мысль: не есть ли *Амелъ* какое-либо божество, а именно богъ войны. Дѣйствительно въ Библии, въ IV кн. Царствъ, т. 17, стр. 30 на томъ мѣстѣ, гдѣ въ оригиналѣ стоитъ *Нериалъ* (ассирійскій богъ войны, соотвѣтствующій греческому Гераклу), въ армянскомъ переводѣ значитъ *Амелъ*. Кромѣ того, весьма важно и то обстоятельство что армянскій историкъ Себеосъ, жившій въ VI в., но пользовавшійся древнимъ источникомъ, также называетъ *Амелъ* богомъ. На основаніи всего приведеннаго, референтъ высказалъ предположеніе о существованіи нѣкогда въ юго-западной Арменіи божества *Амелъ*, по его мнѣнію, появившагося въ этихъ странахъ подъ вліяніемъ ассирійской религіи еще во времена походовъ ассирійскихъ царей съ жителями Арменіи, начиная съ Туклатпаласара и кончая Ассурбанипаломъ (т. е. съ XI—VII в. до Р. X.). Примѣръ этотъ, какъ замѣтилъ референтъ, не единственный. Такимъ же путемъ вѣроятно были перенесены въ юго-западную Арменію и культы другихъ ассириавилонскихъ божествъ, какъ это можно было бы допустить на основаніи нѣкоторыхъ топографическихъ названій послѣдней. Таковыя божества *Ваалъ* (арм. Балн-и-тунъ), также божество *Ану*—ассирійскій богъ или владыка земель, вѣроятно сохранившійся въ названіи древней армянской крѣпости *Ани* (въ провинціи Высокой Арменіи), въ которой быть можетъ и сосредоточивался культъ этого божества *Ану* въ древнѣйшія времена до тѣхъ поръ, пока не былъ вытѣсненъ (какъ и въ упомянутомъ Ангел-тунѣ) начавшею широко распространяться съ VI в. до Р. X. въ передней и Малой Азіи религіей Зороастра.

3. Проф. А. И. Маркевичъ прочелъ сообщеніе—*Пребываніе въ Крыму московскаго юнца, подъячаго Василя Айтемирова, въ 1692—95*. Рефератъ этотъ представляетъ собой разработку историческаго матеріала, находящагося въ статейномъ спискѣ московскаго посла Айтемирова. Матеріаль этотъ раскрываетъ любопытныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Крыма къ Россіи послѣ Бахчисарайскаго трактата, когда Крымъ сдѣлался вассальнымъ государствомъ и когда эти отношенія уже утратили прежній острый враждебный характеръ. Есть въ немъ также не мало цѣнныхъ свѣдѣній о Польшѣ, Турціи, Калмыкахъ и Южной Россіи. Для исторіи собственно Московскаго государства интереснаго матеріала мало. Въ заключеніе референтъ выразилъ увѣренность, что статейный списокъ Айтемирова вноситъ богатый матеріаль въ русскую исторію XVII вѣка.

4. М. В. Никольскій прочиталъ докладъ—*Объ изображеніи женскаго божества на Вавилонскихъ цилиндрахъ и статуэткахъ*. Вопросъ объ этихъ изображеніяхъ имѣетъ большую важность въ виду того обстоятельства, что въ нихъ находятся поразительныя намеки на греческое искусство, побудившее нѣкоторыхъ ученыхъ въ халдейскихъ цилиндрахъ искать первые элементы греческаго искусства. Весьма часто она изображается совершенно нагою, въ неподвижномъ видѣ, со сложенными ниже груди руками, или съ новорожденнымъ ребенкомъ на груди, всегда лицомъ, а не въ профиль, какъ всѣ остальные фигуры. Отсюда г. Менанъ, французскій изслѣдователь цилиндра, считаетъ ее не за дѣйствующее лицо изображаемыхъ сценъ, а за копію со статуи или статуэтки богини. Менанъ терялся въ догадкахъ относительно того, что это за богиня и почему она изображается обнаженною, на подобіе греческихъ статуй позднѣйшей эпохи античнаго искусства, но предполагаетъ, что это—изображеніе главнѣйшаго женскаго божества халдейскаго пантеона, богини Иштаръ, причемъ искусство изобразило ее въ тотъ моментъ, когда она по извѣстному мѣу нисходила въ адъ, гдѣ лишена была всѣхъ одеждъ и украшеній. Референту счастливо удалось открыть дѣйствительное имя этого таинственнаго женскаго существа, и найти подтвержденіе предположенію Менана въ томъ, что эти изображенія суть копіи со статуй или статуэтокъ. Въ богатой коллекціи Dr. Блау, находящейся на выставкѣ, имѣются 5 цилиндровъ съ

изображеніемъ этой богини, причемъ на одномъ изъ нихъ вырѣзаны двѣ линіи надписи съ именемъ бога *Рамона* и богини *Шалы*. Между знаками перваго имени изображена фигура мушины, а между знаками втораго — фигура женщины, именно та самая, которая и служить загадкой. На другомъ цилиндрѣ обѣ эти фигуры изображены въ миниатюрномъ видѣ, одна надъ другою, между фигурами дѣйствующихъ лицъ въ полный ростъ. Не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что эти изображенія принадлежатъ не богинѣ Иштаръ, а другому вавилонскому женскому божеству *Шала*, супругѣ бога *Рамона* и суть копии со статуй этихъ божествъ. Изложивъ, затѣмъ, свидѣтельства надписей о томъ, что этимъ божествамъ воздвигались въ храмахъ статуи, пользовавшіяся особымъ уваженіемъ, референтъ демонстрировалъ пять терракотовыхъ статуэтокъ изъ той же коллекціи Дг. Блау, принадлежащихъ къ категоріи тѣхъ, которыя г. Менанъ отождествляетъ съ изображеніями на цилиндрахъ. Такъ какъ три изъ нихъ представляютъ эту фигуру съ новорожденнымъ ребенкомъ на груди — чего на цилиндрахъ нигдѣ нѣтъ — то референтъ считаетъ затруднительнымъ вопросъ о связи этихъ статуэтокъ съ изображеніями на цилиндрахъ. Разъясненія этого вопроса слѣдуетъ ожидать отъ дальнѣйшихъ открытій. Референтъ предоставляетъ также будущему рѣшенію крайне затруднительнаго вопроса, почему богиня *Шала* изображалась въ обнаженномъ видѣ, такъ какъ въ найденныхъ по сіе время памятникамъ съ именемъ этого божества не соединился ни одинъ изъ миѳовъ.

18.

19 ЯНВАРЯ. 2 ЧАСА ДНЯ.

Отдѣленіе II. Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный Предсѣдатель Проф. Д. И. Багалѣй.

Предсѣдатель Отдѣленія Проф. В. Б. Антоновичъ.

Секретарь Отдѣленія. П. Н. Милюковъ.

Г. И. Н. Смирновъ прочелъ докладъ *Воспоминанія объ эпохѣ каннибализма въ народной поэзіи Вотяковъ*. Референтъ установилъ взглядъ на Вотякскую сказку, какъ на культурно-историческій источникъ и сопоставилъ одну Вотякскую сказку, рассказывающую о томъ, какъ побѣдители съѣдаютъ сердце побѣжденнаго врага, съ подобнымъ же обычаемъ, сохранившемся у современныхъ племенъ—Даіаковъ, Фиджійцевъ, и сдѣлалъ заключеніе, что въ произведеніяхъ Вотякской народной поэзіи рассказывается о вещахъ, имѣющихъ мѣсто въ жизни современныхъ дикарей и имѣвшихъ мѣсто въ жизни прежнихъ Вотяковъ. Послѣ этого референтъ перешелъ къ фактамъ, заключающимся въ названномъ поэтическомъ сказаніи Вотяковъ, говорящемъ о различныхъ видахъ каннибализма. Прежде всего референтъ остановился на жертвоприношеніяхъ у Вотяковъ и объяснилъ ихъ какъ результатъ антропоморфическихъ представленій о богахъ, которыхъ они считаютъ людьми каннибалами. Затѣмъ онъ перешелъ къ людоедству покойниковъ: духи умершихъ являютъ въ Вотякской народной поэзіи людоедами при двухъ обстоятельствахъ. Во-первыхъ, какъ мстители родичамъ, забывшимъ объ ихъ пропитаніи (убиры-вампиры); во-вторыхъ, какъ собственники кладовъ, требующіе за нихъ выкупа въ видѣ человѣческихъ жертвъ. Референтъ, исходя изъ того положенія, что у Вотяковъ умершимъ приписываются всѣ потребности живыхъ людей, сдѣлалъ заключеніе, что и потребность человѣческой крови, человѣческихъ жертвъ, приписаны были Вотяками, пережившими эпоху каннибализма, своимъ умершимъ. Третій рядъ указаній на каннибализмъ у Вотяковъ у референта составляютъ сказанія, гдѣ потребите-

10*

лями человѣческаго мяса являются не боги и не духи умершихъ, а живые люди, которые потребляютъ это мясо не какъ пищу, а ради того, чтобъ овладѣть принадлежавшими поѣдаемому человѣку свойствами (силой, храбростью и т. п.). Подведя итогъ тремъ группамъ фактовъ, референтъ сдѣлалъ заключеніе, что Вотяки пережили эпоху каннибализма. Затѣмъ референтъ поставилъ вопросъ о времени, къ которому могло относиться это явленіе въ исторіи Вотяковъ, и указалъ на то обстоятельство, что въ эпоху Геродота въ южной Россіи ходили рассказы о людоедахъ (Андрофагахъ) жившихъ на сѣверѣотъ Скиѳовъ. Эти рассказы Грековъ и Скиѳовъ получаютъ извѣстную цѣну, если ихъ сопоставить съ Вотскими сказаніями, въ которыхъ звучитъ мотивъ каннибализма.

2. А. И. Соболевскій сдѣлалъ сообщеніе— *О селѣ Ячевѣ или Вячевѣ.*

3. Проф. Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ обширное сообщеніе— *О древнѣйшихъ иностранныхъ картахъ Сибири.*

4. Проф. Д. Я. Самоквасовъ прочелъ рефератъ— *„О происхожденіи русскихъ Славянъ и причинъ появленія кладовъ Римскихъ монетъ въ области центральной Европы“.* По литературной теоріи, основанной Байромъ и Крузе и принятой всѣми историками и археологами Германіи и Славянскихъ государствъ, происхожденіе кладовъ римскихъ монетъ въ центральныхъ областяхъ Европы объясняется торговыми сношеніями древнихъ Римлянъ съ „Янтарнымъ“ Балтійскимъ побережьемъ (между устьями Вислы и Западной Двины). По мнѣнію же референта эта теорія противорѣчитъ историческимъ свидѣтельствамъ объ отсутствіи всякихъ торговыхъ и военныхъ сношеній Римлянъ I—II вѣка по Р. Х. съ Балтійскимъ побережьемъ, а также находкамъ кладовъ римскихъ монетъ въ центральныхъ областяхъ Россіи нашего времени, въ бассейнѣ Днѣпра, Десны, Оки, гдѣ янтаря нѣтъ и не было. Для доказательства перваго положенія референтъ указалъ на свидѣтельства Цезаря, Страбона, Плинія и Тацита, по которымъ, въ эпоху Юлія Цезаря и Страбона, область между Эльбою и Волгою была совершенно неизвѣстна Римлянамъ. „Римляне никогда не плавали“, говоритъ Страбонъ, „въ тѣ мѣстности, которыя лежатъ за Альбой; также никто не совершалъ туда путешествія и сухимъ путемъ“. Римляне имѣли непосредственныя торговыя сношенія

только съ народами, обитавшими вблизи ихъ границъ, познавшими цѣну золоту и серебру и принимавшими уже нѣкоторые виды римскихъ монетъ. Народы же областей Европы между Эльбой и Волгой, удаленныхъ отъ границъ Римской имперіи, не цѣнили золота и серебра и не принимали римской монеты, а вели мѣновую торговлю. Для доказательства второго положенія референтъ указалъ на рядъ новыхъ фактовъ, доказывающихъ, что клады монетъ I и II вѣковъ встрѣчаются далеко на востокъ къ бассейнамъ Днѣпра, Десны, Сулы, Оки, гдѣ монеты находились цѣлыми тысячами. На основаніи всего этого референтъ отвергаетъ существующую теорію, объясняющую клады торговыми сношеніями Римлянъ съ Балтійскимъ побережьемъ, ради янтаря, и далѣе объясняетъ появленіе римскихъ монетъ въ центральной Европѣ. По свидѣтельству Діона Кассія, Евтропа и Флоріона, историковъ-современниковъ—въ эпоху завоеваній Геттики императоромъ Траяномъ и обращенія этого царства въ римскую провинцію, гето-дакійскія племена оставили свою придунайскую родину и выселились за Карпаты въ центральныя области Европы, что подтверждается свидѣтельствомъ Нестора, который говоритъ, что, когда Валахи покорили Славянъ на Дунаѣ, то часть послѣднихъ выселилась на Вислу и прозвалась тамъ Ляхами. Въ эпоху Нестора и теперь, Славяне называютъ Валахами—Италянцевъ-Римлянъ. Въ общеславянской этнографіи ясно выражаются одинаковые слѣды римскаго вліянія, доказывающіе, что было время столкновенія или сожителства всѣхъ Славянъ съ Римлянами, а такимъ временемъ могла быть только эпоха господства Рима въ Гетикѣ или Дакіи—прародинѣ Славянъ. Сличеніе общеславянскихъ сказаній о Траянѣ показываетъ, что этотъ царь былъ лицомъ историческимъ и имѣлъ важное значеніе для исторіи всѣхъ Славянъ. Исторія не знаетъ другого царя Траяна, кромѣ Римскаго, покорившаго славянскую прародину и давшаго господство надъ Славянами Римлянамъ-Валахамъ, вытѣснившимъ много племенъ нашихъ предковъ за Карпаты, въ центральныя области Европы между Эльбой и Волгой. Наконецъ, клады римскихъ монетъ по содержанію своему совершенно однородны, соотвѣтствуютъ времени завоеваній и господства Римлянъ въ славянской прародинѣ и по мѣсту находенія соотвѣтствуютъ областямъ, по свидѣтельству Нестора, занятымъ нашими предками послѣ высе-

ленія ихъ изъ придунайскихъ областей въ центральныя области Европы, то-есть въ земли Ляховъ, Лутичей и т. д. Рефератъ Д. Я. Самоквасова встрѣтилъ сильную оппозицію въ лицѣ Проф. Анучина, Кочубинскаго, Иловайскаго, Соболевскаго, Маркевича, Лучицкаго и Антоновича. Послѣ этого сообщенія засѣданіе въ 6 час. вечера объявлено закрытымъ.

19.

19 ЯНВАРЯ. 7½ ЧАС. ВЕЧЕРА.

Отдѣленіе VI. Памятники славяно-русскаго языка и письма.

Почетный Предсѣдатель Проф. Н. С. Тихонравовъ.
Предсѣдатель Отдѣленія Проф. А. И. Кирпичниковъ.
Секретарь Отдѣленія С. I. Долговъ.

Г. Д. П. Лебедевъ прочелъ докладъ: *Неизвѣстный русскій проповѣдникъ времени юности великаго князя Ивана Васильевича* ¹⁾.

Предметомъ доклада было вновь найденное слово, сказанное въ одномъ изъ придворныхъ соборовъ, и скорѣе всего въ Благовѣщенскомъ, по случаю изгнанія Крымскаго хана Саипъ-Гирея. Событіе это случилось 31-го Іюля 1541 года, и слово сказано было въ этомъ же году, ибо упоминаемый въ немъ митр. Іасафъ въ январѣ слѣдующаго года былъ уже заточенъ въ Кирилловъ мон. Слову этому референтъ придавалъ особенное значеніе, именно благодаря взгляду, установившемуся въ нашей наукѣ, на проповѣдничество въ XVI вѣкѣ. Указавъ на новѣйшіе вновь открытые памятники, онъ доказалъ справедливость мнѣній, высказанныхъ митр. Макаріемъ, академикомъ Ѳ. И. Буслаевымъ и др. Затѣмъ было изложено содержаніе разбираемаго слова, при чемъ обращалось вни-

¹⁾ Замѣтка о рефератѣ рецензента „Москов. Вѣд.“ (№ 27) передаетъ содержаніе реферата совершенно невѣрно. Ред.

маніе на нѣкоторыя, особенно выдающіяся его черты, на характеристику такъ ясно высказывающагося въ немъ его автора. Изъ подробностей этихъ видно, передъ кѣмъ говорилось слово, на какія добрыя дѣла проповѣдникъ обращалъ болѣе вниманія въ поучительной части слова: милосердіе къ бѣднымъ „во истинну нужнымъ“, милостыню, правосудіе. Видно также, что проповѣдникъ — человѣкъ, очевидно, образованный, знакомый не только съ духовной литературою, но знаетъ и „лѣтописчія книги“, повѣствующія о благодати Божіей.

Затѣмъ въ сообщеніи рукопись была описана въ палеографич. и лингвистич. отношеніяхъ.

Въ заключеніи сообщенія высказана была догадка объ авторѣ вновь открытаго слова: основывалась она на неоднократно указанномъ въ теченіе доклада сходствѣ слова и по содержанію (что главное), и по особенностямъ лексикологическимъ, и даже палеографическимъ съ нѣкоторыми изъ твореній Благовѣщенскаго попа Сильвестра. Но приписать слово попу Сильвестру на первый взглядъ мѣшаетъ то обстоятельство, что по свидѣтельству обще-принятыхъ справочныхъ библиологическихъ изданій (Евгенія, Филарета, Строева) Сильвестръ прибылъ въ Москву только въ 1547 году. Разсмотрѣвъ показанія этихъ изданій въ связи съ ихъ источниками и сочиненіями другихъ лицъ, занимающихся Сильвестромъ, докладчикъ согласился съ мнѣніемъ С. М. Соловьева и о. Леонида, оставивъ только бездоказательное у послѣдняго добавленіе, что ранѣе 1543 г. Сильвестръ не могъ быть въ Москвѣ. Сравнивъ же ново-открытое слово съ двумя дошедшими до насъ писаніями Сильвестра (посланіемъ къ Ал. Борис. Шуйскому—Горбатову, казанскому воеводѣ, и Домостроемъ) референтъ въ содержаніи нашелъ много общаго между ними: двѣ главныя мысли, тѣ два требованія, съ которыми авторъ слова обращается къ слушателямъ (милость къ бѣднымъ, правый, нелице-пріятный судъ), составляютъ весьма важную часть въ наставленіяхъ, выставленныхъ Сильвестромъ въ двухъ изъ четырехъ извѣстныхъ его сочиненій. Не будетъ ли это слово *пятымъ* дошедшимъ до насъ сочиненіемъ Сильвестра?

Наконецъ референтъ сказалъ о лингвистической и стилистической сторонѣ найденнаго слова. Повторивъ вкратцѣ палеограф. особенности списка, онъ нашелъ возможнымъ со-

поставить его съ Коншинскимъ снимкомъ „Житія св. Ольги“, снятымъ вѣроятно въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ. Это послѣднее писано рукой Сильвестра. Т. о. является предположеніе, не есть ли описываемый списокъ второй автографъ Сильвестра. Конечно, по замѣчанію референта, надо видѣть подлинникъ того и другого, чтобы рѣшить, такъ-ли это?

2. Н. Д. Квашнинъ - Самаринъ прочелъ рефератъ: *О крещеніи Руси по памятникамъ письменности*.

3. П. А. Лавровъ сдѣлалъ сообщеніе: *Одинъ изъ вариантовъ переработки исторіи Славяно Болгарской Паисія*.

Во второй половинѣ 18 в. у болгаръ появилась извѣстная славяно-болгарская исторія Хилендарскаго монаха Паисія. Патриотическое содержаніе этой рукописной книги сразу сдѣлало ее весьма популярной въ народѣ. Сверхъ многихъ списковъ славяно-болгарской исторіи, появлялись и ея передѣлки. Авторы этихъ передѣлокъ, въ основѣ слѣдуя оригиналу, позволяли себѣ дѣлать по мѣстамъ вставки и присоединяли добавочныя статьи, какъ это указано въ статьѣ проф. Дринова: „Отецъ Паисій, его время, его исторія и его ученики“ (Пер. Спис. 4 кн. 1871 г.) Къ числу такихъ передѣлокъ относится и рукопись подъ № 1731 изъ собранія Григоровича, которой А. Е. Викторовъ далъ заглавіе: „Исторія болгарскаго царства съ древнѣйшихъ временъ до конца 15 вѣка“.

Изъ доселѣ извѣстныхъ передѣлокъ Паисіевой исторіи списокъ Григоровича всего болѣе подходитъ къ той, изъ которой выдержки напечатаны были В. И. Ламанскимъ въ Журн. М. Н. П. 1869 г. сент., по рукописи Герова.

По содержанію въ рукописи Григоровича въ сравненіи съ текстомъ Герова является лишнимъ лишь списокъ турецкихъ султановъ, доведенный до смерти Махмуда II-го, 1839 года іюня 31, и воцаренія его сына Абдуль Меджида, а недостаетъ двухъ добавочныхъ статей: „Кратка исторія заради Болгарскій родъ“ и „Возбужденіе болгарскому народу къ добродѣтели“. Гораздо болѣе отличія представляетъ языкъ рукописи Григоровича: рукопись Герова написана языкомъ славяно болгарскимъ, рукопись Григоровича народнымъ болгарскимъ языкомъ съ большимъ количествомъ турецкихъ словъ; текстъ снабженъ удареніями. Отъ извѣстной книжки Царственникъ, (съ которой докладчику удалось познакомиться по экземпляру бібліотеки Историческаго музея, единственному въ Москвѣ) передѣлка, сохранившаяся до насъ въ рукописи

№ 1731, отличается опять-таки въ дополнительныхъ статьяхъ, которыхъ въ Царственникѣ меньше, чѣмъ въ рукописныхъ текстахъ, и которыя въ немъ редактированы его издателемъ Христаки Павловичемъ Дупничаниномъ. Незначительныя отличія представляются и въ пересказѣ самой хроники по рукописи Григоровича и Царственнику.

Въ какомъ отношеніи находится наша передѣлка къ спискамъ, имѣющимся въ собраніи рукописей Гильфердинга, опредѣлить нельзя, такъ какъ они вполне не изданы, и о нихъ мы знаемъ лишь изъ вышеупомянутой статьи Дринова. Во всякомъ случаѣ, если бы кто предпринялъ изданіе исторіи славяно-болгарской Паисія и ея переработокъ, тотъ долженъ имѣть въ виду рукопись Григоровича, такъ какъ ея текстъ во многихъ случаяхъ даетъ лучшее чтеніе, нежели текстъ Герова, какъ мы въ томъ убѣдились, сличая его съ выдержками, приведенными Ламанскимъ.

4. М. Н. Сперанскій прочелъ докладъ, подъ заглавіемъ: — *Славянскія апокрифич. евангелія*. Апокрифическія евангелія принадлежатъ по своему происхожденію къ числу памятниковъ, созданныхъ вѣрованіями и фантазіей первыхъ христіанскихъ вѣковъ. Наравнѣ съ другими апокрифами, они раздѣляютъ судьбу подобнаго рода памятниковъ, частію измѣнившись сообразно съ возрѣніями господствующей церкви, частію войдя въ кругъ литературы сектантской и еретической. Явившись, какъ и большинство апокрифовъ, въ качествѣ дополненія къ источникамъ каноническимъ, апокрифическія евангелія восходятъ къ глубокой древности, впрочемъ не ранѣе II в., но и не позднѣе IV в. Дѣлятся они по содержанию на 3 группы: а) евангелія, трактующія о Дѣвѣ Маріи, Іосифѣ-обручникѣ, рожденіи Христа, б) евангелія, описывающія младенческіе годы Христа и в) евангелія, излагающія послѣдніе дни земной жизни Христа, Его смерть и обстоятельства, стоящія въ связи съ этимъ.

Сдѣлавъ краткій обзоръ иноземныхъ текстовъ (греческихъ, латинскихъ, восточныхъ), референтъ указалъ нѣсколько подробностей относительно тѣхъ изъ евангелій, которыя дошли въ славянскихъ переводахъ, важность изученія этихъ послѣднихъ текстовъ въ исторіи литературы, русской и обще-европейской.

Указавъ въ общихъ чертахъ на исторію апокрифич. писаній въ древней Россіи и среди Славянъ вообще, референтъ

перешель къ болѣе подробному анализу славянскихъ текстовъ, начиная съ „первоевангелія“ Іакова. Изложивъ содержаніе памятника и обозначивъ мѣсто его среди другихъ церковныхъ писаній, референтъ указалъ на оригиналь (греческій) этого евангелія, на древность перевода и на одну особенность его, а именно: возможность предположить, при одной редакціи греческой, разницу между славянскими текстами, оправдываемую разницей греческихъ текстовъ, т. е. возможность предполагать существованіе различныхъ переводовъ. Затѣмъ было указано на вліяніе этого евангелія на остальную древнюю литературу: на заимствованія Данииломъ Паломникомъ (XII в.) нѣкоторыхъ мѣстъ евангелія въ своихъ описаніяхъ, на анонимное слово на Р. Х. (по сербск. списку XIV в.), наконецъ на народные духовные стихи списки (о введеніи во храмъ), при чемъ была отмѣчена замѣчательная передѣлка этого памятника въ народномъ духѣ и на народномъ языкѣ (по рук. XVI в.).

По подобной же программѣ рассмотрѣно и второе евангеліе—ев. о дѣтствѣ Христа, приписываемое Θомѣ, которое отличается отъ остальныхъ тѣмъ, что оно одно упомянуто въ спискахъ запрещаемыхъ церковью сочиненій и носитъ характеръ еретическій. Оно стоитъ особнякомъ въ литературѣ по причинѣ необычнаго для православныхъ характера, который приданъ Христу. Важность славянскихъ текстовъ заключается въ томъ, что они могутъ помочь возстановить плохо сохранившійся свой греческій оригиналь.

Наконецъ рассмотрѣно было послѣднее изъ извѣстныхъ въ славянскихъ переводахъ евангелій Никодимово, трактующее о послѣднихъ дняхъ земной жизни Христа, сюда же присоединены и другіе тексты, имѣющіе отношеніе къ описываемымъ въ евангеліи Никодима событіямъ, каковы: „Посланіе Пилата къ Кесарю“, присоединяемое къ самому евангелію, „Исторія Іосифа Аримаѣйскаго“, „Посланіе Тиверія къ Пилату“, „Судъ и смерть Пилата“. Изъ анализа этого евангелія оказывается: а) существовало два перевода: одинъ съ латинскаго, излагающій событія крестной смерти Спасителя и сошествіе въ адъ,—текстъ важный въ томъ отношеніи, что, относясь къ глубокой древности по переводу, даетъ указаніе на связь нашей древней литературы съ латинскимъ западомъ, при большинствѣ случаевъ вліянія греческаго элемента. Другой переводъ, не излагающій соше-

ствія въ адъ, сдѣланъ съ греческаго. б) Существовалъ еще видъ этого евангелія, явившійся на славянской почвѣ и представляющій соединеніе греческой редакціи, чаще встрѣчаемой, со второй половиной латинской, болѣе рѣдкой. г) Существовалъ также и переводъ чешскій, сдѣланный также съ латинскаго, но отличный по редакціи отъ переводовъ восточно и юго-славянскихъ. Изложивъ содержаніе евангелія, референтъ указалъ на возможность его вліянія на писанія Кирилла Туровскаго, указалъ на связь этого евангелія съ Палеей толковой, съ „Бесѣдой трехъ святителей“ и духовнымъ стихомъ (о распятіи и воскресеніи Христовѣ).

Въ заключеніе было упомянуто о значеніи апокрифич. евангелій для христіанскаго искусства вообще и древнерусскаго въ частности; въ послѣднемъ случаѣ евангелія являются толкованіемъ, объяснительнымъ текстомъ къ изображеніямъ на темы, трактуемыя евангеліями, напр. иконъ Богородицы „съ дѣяніемъ“, иконъ Воскресенія Христова.

20.

20 ЯНВАРЯ. 10 ЧАС. УТРА.

Отдѣленіе III. Памятники искусствъ и художествъ.

Почетный Предсѣдатель Баронъ I. де-Бай.

Предсѣдатель Отдѣленія И. Е. Забѣлинъ.

Секретарь Отдѣленія В. И. Сизовъ.

1. Н. В. Султановъ сдѣлалъ докладъ подъ заглавіемъ: „*Церкви Большаго Кремлевскаго Дворца*“. Докладъ этотъ имѣлъ цѣлью разрѣшеніе слѣдующихъ задачъ:

1) Подробное описаніе и опредѣленіе первоначальной формы церквей Московскаго дворца.

2) Разрѣшеніе вопроса, о формѣ покрытія древне-русскихъ церквей.

3) Определе́ние архитектурнаго стиля и эпохи дворцовыхъ церквей и разныхъ предметовъ въ нихъ находящихся.

4) Выясненіе первоначальной формы иконостаса и ея послѣдовательнаго развитія на основаніи образцовъ, имѣющихся въ дворцовыхъ церквахъ.

Изложивъ эти задачи референтъ перешель, затѣмъ, къ подробному ихъ уясненію, сопровождая докладъ свой массою рисунковъ, плановъ и чертежей.

Московскій Большой Кремлевскій Дворецъ представляетъ изъ себя 4-хъ угольное зданіе, ориентированное по странамъ свѣта, съ большимъ 4-хъ угольнымъ дворомъ внутри. Изъ всѣхъ частей его наибольшій интересъ представляетъ сѣверная, ибо нижній этажъ ея, или „бѣлокаменный подклѣтъ“, построенъ въ концѣ XV в. Алевизомъ Фрязиномъ, а верхніе три этажа сооружены въ XVII вѣкѣ (1635—1636 г.), при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, русскими каменныхъ дѣлъ мастерами: Баженкомъ Огурцовымъ, Ларей Улсаковымъ, Трефиломъ Шарутинымъ и Антипомъ Константиновымъ. Прочія же части дворца, сооруженныя при Императорѣ Николаѣ, никакого археологическаго интереса не представляютъ.

Дворцовыя церкви, числомъ 9, или входятъ въ составъ стараго дворца, или расположены снаружи. Наибо́лье удобный способъ ихъ обозрѣнія, это способъ топографическій, т. е. обозрѣніе ихъ въ порядкѣ послѣдовательнаго расположенія. Въ западной части теремнаго дворца находятся двѣ церкви: 1) церковь Лазарева Воскресенья, расположенная въ нижнемъ этажѣ, такъ что полъ ея совпадаетъ съ горизонтомъ земли и 2) церковь Рождества Богородицы, находящаяся надъ нею, во 2-мъ этажѣ дворца.

Построеніе Лазаревской церкви относятъ обыкновенно къ концу XIV вѣка и эта глубокая древность ея вполнѣ подтверждается многими архитектурными данными, какъ напр. бѣлокаменной кладкой толстыхъ стѣнъ, узкими, щелеобразными какъ бойницы, окнами и незначительными размѣрами самой церкви. Въ теченіе своего долгаго существованія она претерпѣла весьма значительныя видоизмѣненія, но если отбросить всѣ позднѣйшія передѣлки и перестройки и возвратитъ церкви ея первоначальный видъ, то она окажется весьма близко подходящей къ типу древнихъ новгородскихъ церквей, чѣмъ еще разъ доказывается вліяніе

Великаго Новгорода на московское зодчество въ раннюю эпоху его существованія.

Церковь Рождества Богородицы, возобновленная при Николаѣ I-мъ, построена неизвѣстно когда, но всѣ археологическіе признаки указываютъ на конецъ XVII вѣка. Къ числу древностей въ ней сохранившихся, слѣдуетъ отнести верхнюю главу снаружи и бѣлокаменную обдѣлку оконъ и дверей, выходящихъ теперь въ коридоры новаго дворца.

Прочія пять церквей, т. е. Св. Екатерины, Спасъ за золотой рѣшеткой, съ придѣломъ Іоанна Предтечи, Распятская и Воскресенья Слоущаго расположенныя въ восточной части дворца и образуютъ общую группу зданій, соединенныхъ подъ одной четырехскатной крышей, увѣнчанной одиннадцатю луковичными куполами. По поводу этой крыши докладчикомъ были рассмотрѣны всѣ способы покрытія древне-русскихъ церквей, которые въ прошломъ году были предметомъ столь жаркихъ споровъ между членами Московскаго Археологическаго Общества. Всѣ эти пять церквей относятся къ XVII вѣку, изъ нихъ наибольшимъ богатствомъ отличается церковь Слоущаго Воскресенья, которая служитъ намъ образцомъ самой роскошной формы нашихъ иконостасовъ XVII столѣтія. Церковь „Спасъ за золотой рѣшеткой“ выходила прежде на дворикъ, отдѣлявшій ее отъ теремовъ и обращенный нынѣ въ сѣни теремнаго дворца. Дворецъ этотъ замыкался мѣдною вызолоченою рѣшеткою, которая уцѣлѣла до настоящаго времени и дала свое названіе храму; она была вылита изъ тѣхъ мѣдныхъ копеекъ, выпускъ которыхъ причинилъ столько смутъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Она сработана несомнѣнно подъ сильнымъ нѣмецкимъ вліяніемъ.

Наружныя дворцовыя церкви—Соборъ Спаса на Бору, Благовѣщенскій и церковь Ризъ Положенія—въ высшей степени важны, какъ образчики самобытныхъ формъ русскаго искусства. Въ нихъ встрѣчаются, во 1-хъ, особый видъ сводовъ изъ пересѣкающихся арокъ, принадлежащихъ исключительно русскому зодчеству,—пріемъ, который былъ предложенъ русскимъ архитекторамъ знаменитымъ Віолле-ле Дюкомъ, но совѣты его были предупреждены русскими каменными мастерами всего на 400 лѣтъ, а во 2-хъ, превосходные образцы древне русской церковной стѣнописи, которая прекрасно сохранилась въ церкви Ризъ Положе-

нія. Стѣнопись Благовѣщенскаго Собора возобновляется въ настоящее время подъ руководствомъ нѣкоторыхъ изъ членовъ Московскаго Археологическаго Общества, почему докладчикъ не могъ коснуться этого вопроса. Но взаменъ того, онъ подробно разсмотрѣлъ его бѣлокаменные порталы, превосходной итальянской работы самаго начала XVI столѣтія и три верхнихъ придѣла собора, въ которыхъ вполне сохранились древніе иконостасы, устроенные еще царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Они украшены иконами желтаго новгородскаго письма и отдѣланы басмою, эмалью и золочеными оловянными украшениями съ подкладкою слюдою на фольгѣ. Пользуясь этимъ матеріаломъ, докладчикъ подробно прослѣдилъ исторію послѣдовательнаго развитія древне-русскаго иконостаса, начиная съ его простѣйшихъ формъ и закончилъ свой докладъ разборомъ послѣдней и самой роскошной стадіи его развитія — иконостаса церкви Словущаго Воскресенья.

По окончаніи засѣданія гг. члены Съѣзда осматривали древнія церкви Большаго кремлевскаго дворца подъ руководствомъ Н. В. Султанова.

Въ тотъ же день, въ 5 ч. дня, въ колонной залѣ гостиницы „Эрмитажъ“, состоялся обѣдъ членовъ археологическаго съѣзда въ честь предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества графини П. С. Уваровой. На обѣдѣ присутствовало болѣе 150 человекъ. Первый тостъ за обѣдомъ провозглашенъ былъ графиней П. С. Уваровой за здоровье Его Величества Государя Императора. Второй тостъ былъ провозглашенъ графиней П. С. Уваровой за почетнаго предсѣдателя археологическаго съѣзда Его Высочество Великаго Князя Сергія Александровича. Третій тостъ провозгласилъ городской голова Н. А. Алексѣевъ за Московское Археологическое Общество и графиню П. С. Уварову. Затѣмъ городскимъ головой провозглашенъ былъ тостъ за русскихъ и иностранныхъ гостей Москвы, прибывшихъ на археологическій съѣздъ. Въ отвѣтъ на это проф. Варшавскаго университета Д. Я. Самоквасовъ предложилъ тостъ за гостепрѣимство Москвы и городского голову. Между прочимъ произнесено было нѣсколько тостовъ французскими депутатами. Г. Эмиль Каргальякъ, упомянувъ, что бывшій министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ состоялъ членомъ Французскаго Института, гр. А. С. Ува-

ровъ былъ основателемъ Московскаго Археологическаго Общества и графиня П. С. Уварова—предсѣдателемъ этого Общества, — предложилъ тостъ за то, чтобы родъ Уваровыхъ и въ будущемъ былъ хранителемъ и двигателемъ научныхъ и археологическихъ знаній. Графъ де-Флери провозгласилъ тостъ за профессоровъ русскихъ университетовъ, какъ распространителей образованія въ Россіи, а баронъ де-Бай, упомянувшій о цѣнныхъ раскопкахъ на Кавказѣ гр. П. С. Уваровой, — за дальнѣйшее раскрытіе ея тайнъ этой важной въ археологическомъ отношеніи страны. Въ числѣ другихъ тостовъ провозглашены были: проф. Д. Н. Анучинимъ—за Историческій музей, пріютившій въ своихъ стѣнахъ настоящій съѣздъ, и представителей его: И. Е. Забѣлина и кн. Н. С. Щербатова; проф. А. П. Богдановымъ— за единеніе русскихъ и иностранныхъ ученыхъ.

21.

20 ЯНВАРЯ. 8 Ч. ВЕЧ.

Отдѣленіе I. Древности первобытныя.

Почетный предсѣдатель Э. Картальякъ.

Предсѣдатель Отдѣленія проф. Д. Н. Анучинъ.

Секретарь Отдѣленія Н. Л. Гондатти.

Г. В. З. Завитневичъ прочелъ докладъ *«Къ вопросу о критеріи для классификаціи кургановъ по типамъ»*.

Распредѣленіе кургановъ, находящихся въ предѣлахъ территоріи русской государственной области, по видамъ и разновидностямъ, составляетъ одну изъ первыхъ и существенно важныхъ задачъ нашей современной археологіи. Пока задача эта не будетъ выполнена, мы не въ состояніи будемъ ориентироваться въ массѣ накопившагося у насъ курганнаго матеріала, а слѣдовательно не въ состояніи будемъ серьезно взяться за его дальнѣйшую научную разработку. А между тѣмъ обнаруженные до настоящаго времени попытки въ этомъ родѣ едва-ли могутъ

быть названы удовлетворительными. У насъ можно встрѣтиться съ слѣдующими видами классификаціи кургановъ: 1) по характеру могильныхъ насыпей, 2) по географическому положенію могильниковъ, 3) на основаніи показанія письменныхъ источниковъ о географическомъ положеніи территорій, заселенныхъ въ старину тѣми или другими народностями и 4) на основаніи дѣленія находимыхъ въ курганахъ предметовъ первобытной культуры на три вѣка: каменный, бронзовый и желѣзный. Первые два способа классификаціи имѣютъ случайный характеръ и серьезнаго вниманія не заслуживаютъ. Третій способъ заслуживаетъ большаго вниманія; къ сожалѣнію, наши археологи пользуются имъ неумѣренно, вслѣдствіе чего центръ тяжести при обоснованіи положеній изъ археологіи переносится въ область исторіи, чѣмъ археологія какъ бы лишается права на самостоятельное существованіе. Четвертый способъ классификаціи имѣетъ всѣ признаки научности; но этимъ способомъ наша археологія могла бы широко воспользоваться лишь въ томъ случаѣ, если бы въ предѣлахъ территорій нашей государственной области искони жилъ только одинъ народъ, правильно переходившій изъ одного культурнаго состоянія въ другое, чего въ дѣйствительности не было. Итакъ, наша археологія еще не знаетъ такого критерія, на основаніи котораго можно было бы сдѣлать строго научную классификацію кургановъ по видамъ и разновидностямъ. Для выработки такого критерія необходимо *широкое и всестороннее примѣненіе къ изученію курганнаго матеріала сравнительно-критическаго метода*, при чемъ сравненіе должно простирается не только на добываемые изъ кургановъ предметы, но и на всѣ тонкости погребальнаго обряда. Примѣненіе этого метода къ изученію археологическаго матеріала, добытаго при раскопкѣ славянскихъ кургановъ, расположенныхъ въ системѣ средняго Днѣпра, уже дало возможность раздѣлить эти курганы на четыре типа, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою опредѣленную географическую область. Именно: 1) погребеніе въ *ямахъ*, 2) погребеніе *на почвенномъ слои*, 3) погребеніе въ *насыпи* кургана и 4) *трупосожженіе*. Предлагаемый методъ труденъ; онъ требуетъ широкихъ познаній, большой сдержанности и осторожности и научно-воспитанной мысли. Но безъ примѣненія этого метода наша археологія никогда не освободится отъ того произвола, который въ настоящее время въ ней господствуетъ.

2. Д. Я. Самоквасовъ прочелъ докладъ: *Устройство и содержаніе кургановъ въ селѣ Акситенецъ, Роменскаго уѣзда, Полтавской губерніи.*

Раскопки въ этой мѣстности начались съ 1876 года и производились разными лицами, въ числѣ которыхъ были г. Кибальчичъ, В. Б. Антоновичъ, еще одинъ изъ роменскихъ помѣщиковъ и самъ докладчикъ. Работы послѣдняго относятся къ 1888—89 годамъ; предметомъ изслѣдованія была самая большая, „старшая“, могила, находящаяся въ 12 верстахъ отъ Роменъ и окруженная четырьмястами малыхъ кургановъ, одинаковаго со „старшею“ типа. Для того чтобы составить полное понятіе обо всѣхъ ихъ, нужно было разрыть «старшую» могилу. Раскопка, начатая Кибальчичемъ въ 1876 году, была не окончена, такъ какъ онъ принялъ первый уступъ, ведущій ко дну могилы, за самое дно. Дослѣдованіе этой могилы было сдѣлано Д. Я. Самоквасовымъ уже 1889 году. Копаясь дальше Кибальчича, онъ нашелъ шесть уступовъ каждый въ 1 аршинъ высоты, а материкъ могилы былъ заложенъ деревомъ. Роясь дальше, референтъ нашелъ два бронзовые ножа, часть разбитой посуды и кости животныхъ. Очевидно, въ этомъ мѣстѣ была совершена тризна по покойникѣ. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи, на нѣкоторой глубинѣ найдена была заклепка изъ деревьевъ и наконецъ, на самомъ днѣ могилы, послѣдній уступъ. Открывъ самую могилу, референтъ нашолъ въ сѣверо-восточной ея части сосудъ, голову свиньи и остовъ теленка съ ножомъ внутри. Въ юго-восточномъ углу найдены остатки удиль и четыре бронзовые украшенія отъ уздечекъ, въ южной же части два бронзовые предмета, въ родѣ колокольчиковъ - бубенчиковъ на желѣзныхъ стержняхъ, остатки дровка и матеріи какъ бы отъ знамени; все это, вѣроятно, играло роль чего то въ родѣ бунчука. На западной сторонѣ кургана найдены: колчанъ съ 93 бронзовыми наконечниками, панцырь изъ желѣзныхъ пластинокъ, два топора и копьѣ — то и другое изъ желѣза. Очевидно, это составляло полное вооруженіе покойнаго. Колчанъ, между прочимъ, заключаетъ четыре экземпляра крайне рѣдкихъ костяныхъ наконечниковъ, много бронзовыхъ, различнаго вида, и одинъ наконечникъ—желѣзный, причемъ они двугранные. Затѣмъ было найдено два осколка черепа и оконечности; остовъ же туловища отсутствовалъ, а на мѣстѣ его найдены два кинжала безъ ручекъ. Странное от-

существование туловища заставило референта внимательно осмотреть всю могилу, и тогда оказался подкоп, очевидно давний и с грабительскою целью. Расчищая места подкопа, докладчик нашел части черепа и кости. Удовольствием в грабеж могилы и, следовательно, неполноту ее, Д. Я. Самоквасов обратился к другим курганам, но и в них оказались следы грабежа. Наконец он попал на курган оставшийся вполне целым. В этом кургане, сверх найденных уже раньше предметов, оказались: терракотовый сосуд, золотая ручка и горлышко амфоры. В этой же могиле был найден другой остова, по видимому, женский, в черепе которого был гвоздь; тут же найдены золотые бусы, бляхи, на костях рук золотые браслеты; еще оказались серьги, в ногах краски, зеркало и кусок сусла. После, около мужского скелета, найдена железная ручка от меча и колчан с наконечниками стрел. Профессор Д. Я. Самоквасов относит свои находки к периоду Сарматскому (I в. до Р. Х.).

3. Проф. Аспелин прочел: «Следы влияния Готов в северной полосе России».

Докладчик сообщил съезду о некоторых предметах древности, отчасти найденных им самим, отчасти другими лицами, подтверждающих выводы истории и сравнительного языковедения о значительном влиянии Готов в течении первых пяти веков нашей эры на финские и, по видимому, славянские племена Северной России. Чтобы выяснить упомянутое влияние археологически во всех подробностях, для этого слишком мало могильных и других совместных находок, столь необходимых для выяснения хронологического развития материала. Прежде казалось, что все находки железного века, сделанные между устьем Камы и Чудским озером, одновременны и, судя по встречающимся в них восточным монетам, относятся к концу доисторического периода, что в действительности немыслимо. В подтверждение основной мысли докладчик перечислил несколько дугообразных пряжек, находящихся в различных руках, найденных в Рязанской губернии, в Муромском уезде, Ярославской, Московской губернии и др., которые совсем не соответствуют другим предметам найденным совместно и оказываются, при сравнении, скифскими изделиями первых пяти столетий. В заключение док-

ладчикъ, въ видахъ развитія сравнительной археологіи, пожелалъ чтобы Московское Археологическое Общество обратило особое вниманіе на разслѣдованіе доисторическихъ славянскихъ культуръ во всѣхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ. Вѣроятно культурные слои должны встрѣчаться повсюду, гдѣ жили Славяне въ началѣ доисторическаго періода и, навѣрное, и въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ собраны упомянутыя имъ древности. Для этой цѣли онъ предложилъ изданіе атласовъ всѣхъ уже собранныхъ древностей самыхъ характерныхъ для древнихъ Славянъ.

22.

21 ЯНВАРЯ. 10 Ч. УТРА.

Отдѣленіе II. Доевности историко-географическія и этнографическія.

Почетный Предсѣдатель Проф. И. Н. Смирновъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: Проф. В. Б. Антоновичъ.

Секретарь Отдѣленія: П. Н. Милюковъ.

1. Проф. В. Э. Миллеръ прочелъ сообщеніе: — „*Кавказскія народныя сказанія о циклопахъ*“. Указавъ на интересъ, представляемый Кавказомъ въ дѣлѣ изученія исторіи распространенія сказочныхъ сюжетовъ, референтъ рассмотрѣлъ кавказскія народныя сказанія объ одноглазомъ великанѣ, принадлежащія къ тому циклу сказаній, къ которому относится и греческое сказаніе о циклопѣ Полифемѣ, вошедшее въ *Одиссею*. Референту извѣстно пять вариантовъ этого сказанія на Кавказѣ: мингрельскій, дагестанскій, два осетинскихъ и чеченскій. Изложивъ сказаніе мингрельское, референтъ отмѣтилъ его необыкновенную близость къ сказанію греческому, но отвергъ предположеніе о возможности занесенія этого сказанія на Кавказъ книжнымъ путемъ. При всей близости мингрельскаго разсказа къ греческому, въ

11*

первомъ есть и существенныя отличія отъ греческаго, доказывающія, что источникомъ мингрельскаго разсказа нельзя считать *Одиссею*. Разсмотрѣвъ затѣмъ другіе кавказскіе варианты сказанія о циклопѣ и сравнивъ ихъ между собою, В. Ө. Миллеръ указалъ на мѣсто, занимаемое кавказскими разсказами среди многихъ другихъ разсказовъ того же сюжета, извѣстныхъ въ европейской народной литературѣ. Кромѣ *кавказскихъ*, извѣстно до дюжины подобныхъ сказаній, но генетическое отношеніе между ними до сихъ поръ не удалось разъяснить ни В. Гриму въ его трудѣ о Полифемѣ (1858 года), ни г. Комарову (1886 года). Разборъ кавказскихъ сказаній и сличеніе ихъ съ европейскими обнаруживаетъ бѣльшую близость ихъ къ древне-греческому. Между кавказскими самымъ близкимъ къ греческому оказывается мингрельское сказаніе, и это обстоятельство референтъ объясняетъ географическимъ сосѣдствомъ Мингреліи съ Малою Азіей, въ которой нѣкогда былъ извѣстенъ попавшій въ *Одиссею* разсказъ о походе героя съ циклопомъ. Нѣтъ сомнѣній что это похождение ни что иное какъ древняя народная сказка, приуроченная Греками, въ послѣдствіи, къ ихъ національному герою, подобно тому какъ нѣкоторыя другія восточныя сказки, по изслѣдованію Герланда, вошли въ *Одиссею*.

2. Проф. Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ докладъ, подъ заглавіемъ:—*Къ вопросу о дивіихъ людяхъ*.

3. Н. М. Ядринцевъ прочелъ два реферата: 1) — *О распространеніи въ Монголіи и Сибири каменныхъ могилъ (керекуръ)*. Референтъ въ своемъ сообщеніи имѣлъ цѣлью прослѣдить каменныя могилы по Селенгѣ и Орхонѣ, опредѣливъ ихъ характеръ и родство съ видѣнными ранѣ сибирскими могильниками. Предшествовавшія изслѣдованія доказывали, что за Байкаломъ каменныя могилы бываютъ: а) четырехъ угольныя, обставленныя врытыми плитами и уставленныя камнями и б) круглыя каменныя невысокія насыпи, мѣстами тоже обставленныя стоячими камнями. Всѣ эти каменныя могилы, по сходству своему, указывали разселеніе какъ бы одного народа. Референтъ взялся прослѣдить могильники и провѣрить ихъ типы по рѣкѣ Селенгѣ съ притоками. Оказалось, что вся лѣвая сторона ея съ притоками свидѣтельствовала о слѣдахъ древнихъ поселеній. Самое тщательное и подробное изслѣдованіе могильниковъ

референтъ началъ отъ Усть-Кяхты, такъ какъ обиліе ихъ въ этой мѣстности представляло полную возможность достигнуть желаемой цѣли опредѣлить ихъ типы. Переходы каменныхъ насыпей отъ простыхъ формъ къ сложнымъ облегчили задачу референта. При изслѣдованіяхъ онъ нашель, кромѣ описанныхъ двухъ типовъ, третій смѣшаннаго характера, то-есть представляющій сочетаніе круглаго могильника съ квадратнымъ.

Эти три первичныя формы осложнялись далѣе другими комбинаціями, а нѣкоторыя изъ нихъ приближались къ типу керексуръ (могильники, усѣивающіе Монголію). При перенесеніи мѣста изслѣдованій на рѣку Орхону, референтъ встрѣтилъ полнѣйшее тождество найденныхъ здѣсь могильниковъ съ прежними (близь Усть-Кяхты). Это были тѣ же каменные насыпи на склонахъ, обведенныя кругами и четырехъ-угольниками изъ камней. Безъ труда можно было отличить, что это керексуры. Передвинувшись, затѣмъ, къ подножію Монгирта и Замора (по рѣкѣ Толѣ), докладчикъ снова встрѣтилъ въ узкомъ ущельѣ керексуры, столь же характерныя, какъ и предыдущія насыпи. Въ этихъ могильникахъ, по словамъ одного Монгола, разсыпанныхъ по окрестностямъ во множествѣ, находили серебро, золото, мѣдную высеребреную внутри чашу и т. п. Съ рѣки Толы могильники шли и по рѣкѣ Харулѣ. Дальнѣйшая поѣздка къ вершинамъ Орхона убѣдила Н. М. Ядринцева и его спутниковъ, что чѣмъ дальше въ горы, тѣмъ керексуры становились чаще. Онѣ помѣщались здѣсь вблизи развалинъ древнихъ монастырей и вообще на плоскогорьяхъ и склонахъ. Формы ихъ были разнообразны и причудливы, а размѣры грандіозны. Судя по этому можно полагать, что мѣсто это есть центръ самаго большого развитія керексуръ. Свидѣтельства путешественниковъ, собственныя разысканія и рассказы мѣстныхъ жителей убѣдили референта, что районъ, который покрытъ древними каменными могилами-керексурами очень обширенъ. Могильники эти, какъ видно, принадлежали народу, который занималъ когда-то всю Монголію, расселялся по Орхонѣ, Селенгѣ, занималъ весь бассейнъ ея съ притоками, проходилъ въ западную Монголію и подходилъ къ Енисею и Алтаю. Видно, что могилы эти принадлежали народу горному — горнымъ кочевникамъ, что народъ этотъ хорошо освоился съ камнемъ, умѣлъ его от-

бивать и обтесывать, что грандіозныя сооруженія указываютъ на громадныя усилія и множество рукъ. Памятники эти не могутъ считаться за военныя могилы послѣ сраженій, такъ какъ тянутся систематически въ долинахъ на всемъ протяженіи и указываютъ на постоянныя обиталища. Наконецъ, распространеніе ихъ отъ востока къ западу по всей Монголіи и къ сѣверу по южной Сибири доказываетъ медленное передвиженіе и расселеніе этого древняго народа.

4.—2) *О каменныхъ бабахъ въ Сибири и Монголіи.* Эти каменныя бабы являются постоянными спутниками древнихъ каменныхъ могилъ находящихся въ Минусинскомъ округѣ и Алтаѣ. Большая коллекція каменныхъ бабъ находящихся въ Монголіи и въ Сибири, дала возможность референту сдѣлать нѣкоторые выводы. Распространяясь отъ востока къ западу, всѣ онѣ имѣютъ одинаковый характеръ въ общей фигурѣ и атрибутахъ (сложенныя руки, чаша и мечъ). Референта относительно ихъ интересовало, существуютъ ли онѣ за Байкаломъ, и во время поѣздки въ Кяхту онъ убѣдился въ ихъ существованіи и тамъ. Совмѣстное нахожденіе каменныхъ бабъ съ древними каменными могилами даетъ указаніе той культурной высоты которой достигали древніе народы — строители керексурсъ, чего прежде нельзя было опредѣлить по однимъ молчаливымъ плитамъ. Каменныя бабы наводятъ на мысль о существованіи искусства ваянія, хотя на первой ступени. Въ минусинскихъ каменныхъ бабахъ открыты были надписи, такъ называемыя руническія. Однако все чтò было открыто раньше давало только намеки на культуру древнихъ народовъ. Могильники на рѣкѣ Орхонѣ еще подвигаютъ этотъ вопросъ на одинъ шагъ и кое-что поясняютъ въ исторіи каменныхъ могилъ. Могильники эти, во-первыхъ, доказываютъ родство монгольскихъ памятниковъ съ минусинскими каменными могилами и, во-вторыхъ, опредѣляютъ рѣзче признаки каменныхъ могилъ и показываютъ наибольшую высоту ихъ развитія. Орхонскій могильникъ на озерѣ Цайдамъ представляетъ четыре характерныя могилы, принадлежащія, видимо, знатнымъ лицамъ. Это плоскіе могильники, немного возвышенные; предъ ними стоитъ маякъ или стоячій камень, но камень этотъ съ буквой или знакомъ. Далѣе лежитъ поверженный обелискъ, исписанный руническими надписями и китайскими іероглифами. Потомъ лежатъ мраморныя львы, затѣмъ мраморныя

статуи безъ головъ, въ халатахъ, съ „ходакомъ“ (шелковый платокъ, употребляемый при буддйскихъ богослуженіяхъ) въ рукѣ, два сидячіе истукана безъ головъ и подобіе каменной бабы со сложенными руками. Предстоящіе стоячіе камни и маяки, затѣмъ обставленные около плиты и каменная баба совершенно устанавливаютъ родство этихъ могилъ съ керексурами и древними каменными могильниками, а статуи и львы служатъ только блестящею иллюстраціей. Что касается древности могильниковъ подобнаго рода, то всѣ они, судя по выросшимъ на нихъ деревьямъ и вывѣтрившемуся камню, носятъ признаки глубочайшей древности (около 1.000 лѣтъ). Они не принадлежатъ Монголамъ, потому: а) что отсутствуютъ всѣ признаки погребенія въ томъ родѣ какъ у нынѣшнихъ Монголовъ; б) нѣтъ никакихъ по этому поводу преданій; в) Монголы отрекаются ото всякаго отношенія къ этимъ могиламъ и, наконецъ, г) Монголы преимущественно степной, кочевой народъ и горныхъ мѣстъ не любятъ, камень обдѣлывать не умѣютъ, деревья не употребляютъ и по культурѣ стоятъ чрезвычайно низко. Самая письменность обнаруживаетъ, что могильники эти не монгольскіе, а принадлежали какому-то другому народу; опредѣлить же народность пока трудно. На отвѣтъ по указанному вопросу могутъ привести преданія и историческія справки, по которымъ народъ этотъ можно назвать Уйгурами и Кидонами. Въ заключеніе референтъ замѣтилъ, что для археологовъ въ этой области открывается широкая перспектива, долженствующая обнаружить существованіе культурныхъ народовъ въ глубочайшей древности.

5. Проф. И. Н. Смирновъ прочелъ докладъ, подъ заглавіемъ:—*Бесермяне Вятской губерніи*.

Въ числѣ вопросовъ, на которые желательно было получить отвѣтъ на VIII Археологическомъ Съѣздѣ, въ программѣ этого стоитъ вопросъ: „малоизвѣстный до сихъ поръ народъ Бесермяне не составляютъ ли остатокъ Болгарскихъ колоній въ предѣлахъ Вятки“. Нельзя сказать, чтобы вопросъ былъ поставленъ удачно.

Что такое по своему внѣшнему виду, по складу жизни, вѣрованіямъ и обычаямъ Бесермяне—мы можемъ сказать на основаніи прямыхъ наблюденій. Что такое Болгары—это до сихъ поръ неразрѣшимая историко-этнографическая загадка. На счетъ внѣшняго быта имѣются скудныя и недостаточно

ясныя свѣдѣнія у арабскихъ писателей, относительно языка существуютъ болѣе или менѣе правдоподобныя догадки, относительно языческихъ, до мусульманскихъ вѣрованій неизвѣстно совсѣмъ ничего. При такихъ условіяхъ устанавливать отношенія между двумя народностями намъ представляется совершенно невозможнымъ. Но вопросъ о Бесермянахъ самъ по себѣ заслуживаетъ вниманія. Многое говоритъ въ пользу того, что въ лицѣ ихъ мы имѣемъ остатокъ народности стоящей особо отъ вотяковъ и татаръ. Уже внѣшній видъ Бесермянъ заставляетъ предполагать, что мы имѣемъ въ лицѣ ихъ дѣло съ народомъ Тюркской расы. Въ то время, какъ сосѣдніе Вотяки имѣютъ низкій ростъ, бѣлокурые волосы, сѣрые глаза и красноватый цвѣтъ кожи, Бесермяне отличаются матово-желтымъ цвѣтомъ кости, черными волосами и глазами и среднимъ ростомъ. Другой внѣшній признакъ народности—кое-чѣмъ также обособляетъ Бесермянъ отъ Вотяковъ и Татаръ. Бесермянскія женщины и дѣвушки носятъ совершенно своеобразныя головныя уборы, которые называются именами, звучащими совершенно по Башкирски (женскій—кашпау (чув. хошпу), дѣвичій—такія (чув. тохъя). Рубашки и кафтаны Бесермянокъ, какъ вотскія, расшиты шелками или нитками, но характеръ шва и рисунка совершенно особые. Внѣшній видъ Бесермянъ заставляетъ предполагать въ нихъ Тюркское племя. Противъ этого предположенія говоритъ, повидимому, языкъ. Бесермяне говорятъ по вотски и ихъ нарядъ ничѣмъ почти не отличается отъ вотскаго. Но всматриваясь въ лексическій составъ языка—насколько можно было сдѣлать на основаніи номенклатуры родства, общественныхъ отношеній и религіи—мы находимъ въ немъ особые отъ вотскихъ термины для обозначенія отца, матери, свекра, свекрови, младшаго брата и сестры (атай, анай, біатамъ, біэмъ и т. д.), особый терминъ для обозначенія зари—Акшанъ.

Кромѣ приведенныхъ положительныхъ признаковъ, народность Бесермянъ опредѣляется еще и отрицательнымъ путемъ. Что Бесермяне—не принявшіе мусульманство и окрещенные потомъ Вотяки, мы заключаемъ изъ нѣкоторыхъ обычаевъ, связанныхъ съ поминовеніемъ умершихъ. Въ Бесермянскихъ селеніяхъ имѣютъ, между прочимъ, мѣста такъ называемые Бичеръ-шаи т. е. Булгарскія или Татарскія кладбища. (Бичеръ имѣетъ въ вотскомъ языкѣ зна-

ченіе Татаринъ, ранѣе вѣроятно, значило — Болгаринъ). Бесермяне считаютъ похороненныхъ тамъ людей своими предками, совершаютъ надъ ними поминовенія и молятся имъ, призывая ихъ на помощь въ различныхъ житейскихъ дѣлахъ. Татары, сосѣди, пугаютъ Бесермянъ гнѣвомъ этихъ усопшихъ Бичеровъ въ случаѣ, если они отступаются отъ своихъ мусульмано-языческихъ вѣрованій въ пользу христіанства.

Мы не можемъ считать Бесермянъ и овотячившимися Татарами. Татарство играетъ, правда, большую роль въ жизни Бесермянъ, но, главнымъ образомъ, какъ носитель ислама—бывшей религіи Бесермянъ. Бесермянинъ, не смотря на свою официальную принадлежность къ христіанской церкви, остается до сихъ поръ полу-мусульманиномъ, полужычникомъ. Татарскій мулла или татаринъ вообще призывается къ жертвоприношенію усопшему въ 7 день. Онъ же совершаетъ закланіе жертвы въ вешнія поминки по усопшимъ и во время вешняго полевого моленія. Но всѣ эти факты говорятъ только о томъ, что Бесермяне остаются вѣрны старой религіи и, утративши знаніе ея ритуала, сами считаютъ нужнымъ обращаться къ татарамъ. Главнымъ возраженіемъ противъ татарства Бесермянъ является языкъ въ соединеніи съ языческими вѣрованіями. Бесермяне говорятъ по вотяцки даже живя въ однѣхъ деревняхъ съ татарами. Ясно, стало-быть, что они тогда уже говорили по-вотски, когда татары только что появились въ ихъ селеніяхъ. По вѣрованіямъ они также рѣдко отличаются отъ татаръ. Они усвоили много вотскаго въ области религіи—вмѣстѣ съ Вотяками признаютъ и чтутъ жертвами Нюлесь-мурта, Вумурта, совершаютъ частныя и общественныя моленія Инмару—чего нѣтъ у сосѣдей татаръ.

Совокупность всѣхъ перечисленныхъ обстоятельствъ даетъ намъ основаніе предположить, что Бесермяне не будучи ни Вотяками, ни Татарами, являются озотячившимися потомками какого-то Тюркскаго племени, ранѣе Татаръ жившаго въ Бассейнѣ Чепцы¹⁾. Что было это за племя, остается пока для насъ загадкой.

¹⁾ Племя это жило, кажется, нѣкогда по всему теченію Чепцы и постепенно сливалось съ Вотяками. Въ Слоболскомъ уѣздѣ есть вотскія деревни, въ которыхъ, по преданію, ранѣе жили Бесермяне.

6. Д. М. Струковъ сдѣлалъ сообщеніе: *О древнихъ церк-вахъ при рѣкѣ Большой Зеленчукъ, на Кавказѣ.* На сѣверномъ Кавказѣ, по склону горнаго хребта отъ Грузіи, вытекаетъ рѣка Большой Зеленчукъ, на берегахъ которой, въ ущельи, между горъ, сохранились три храма древней постройки и видны слѣды другихъ построекъ. Эти постройки и храмы были извѣстны давно разнымъ ученымъ, были сняты фотографическіе снимки съ этихъ церквей, но болѣе подробныхъ свѣдѣній добыто не было, такъ какъ вся мѣстность, окружающая храмы, была недоступна для обзора, вслѣдствіе окружающихъ ее густыхъ деревьевъ и кустовъ. Весной 1887 года епископъ Владиміръ Ставропольскій, нынѣ Нижегородскій, извѣстный и по своей миссіонерской дѣятельности въ Сибири и по заботливости и любви къ христіанскимъ древностямъ, поселилъ при этихъ храмахъ афонскихъ иноковъ для устроенія монастыря, наименованнаго Александро-Невскимъ. Благодаря основавшемуся здѣсь монастырю, монахи котораго вырубили лѣсъ для своихъ нуждъ, можно опредѣленно сказать, что слѣды построекъ простираются на протяженіи до $3\frac{1}{2}$ верстъ въ длину, по теченію Зеленчука, и около полуверсты въ ширину, причемъ ясно оказались формы зданій и улицъ, подобныхъ херсонисскимъ, въ Крыму, засыпанныхъ землей и закрытыхъ растительностію. Кромѣ извѣстныхъ раньше, оказались еще три храма малаго размѣра съ частью стѣнъ въ 3—4 арш. высоты и безъ крышъ (съ нихъ референтомъ сняты планы и разрѣзы) и потомъ есть признаки еще одного храма, но настолько засыпаннаго камнями, что онъ недоступенъ для снятія чертежа. Изъ сохранившихся трехъ храмовъ, меньшій приспособленъ иноками для богослуженія, въ двухъ другихъ референтомъ, при помощи монаховъ, очищены стѣны отъ копоти, дыма и пыли, причемъ оказались остатки фресковой живописи, абрисы коихъ референтъ представилъ членамъ Съѣзда. Далѣе, по вершинамъ горъ видны остатки строеній вродѣ укрѣпленій, а также среди горъ, въ ущельи, въ трехъ мѣстахъ, сохранились небольшія помѣщенія для жилья. Въ настоящее время можно смѣло сказать, что мѣстность представляетъ существовавшій когда-то обширный городъ. Найденный въ немъ каменный крестъ съ греческою надписью указываетъ, что жителями его могли быть Греки, фресковую живопись можно отнести къ грузину-византійскому стилю.

Въ письменныхъ памятникахъ о городѣ этомъ нигдѣ не нашлось извѣстій, но можно предположить, что онъ погибъ въ первую половину XII вѣка, когда въ 1130 году нахлынули татарскія орды, завладѣвшія почти всѣмъ сѣвернымъ Кавказомъ. Названіе города неизвѣстно; академикъ Бутковъ приурочиваетъ къ нему наименованіе Успе или Аспе, но это невѣрно, такъ какъ Успе находился на горѣ, а не въ ущельи между горъ, какъ вновь открытый городъ. Изъ исторіи же Грузіи царевича Давида видно, что былъ городъ Егрисъ, описаніе мѣстоположенія котораго довольно подходитъ къ настоящей мѣстности.

Дальнѣйшія изслѣдованія, вѣроятно, раскрыли бы эту загадку и дали бы массу любопытнаго матеріала. Особеннаго вниманія заслуживаютъ храмы, которые легко возобновить, такъ какъ стѣны и своды двухъ изъ нихъ цѣлы, остатки же зданій города требуютъ серьезной расчистки. Тогда, вѣроятно, нашлись бы такіе памятники, которые разъяснили бы исторію города и опредѣлили народность его обитателей. Далѣе референтъ сдѣлалъ предположеніе, не принадлежали ли найденные храмы къ Захійской епархіи, существовавшей на сѣверѣ Кавказа до XIV вѣка. Другое предположеніе его состоитъ въ слѣдующемъ. Въ X вѣкѣ былъ извѣстенъ городъ Тмутаракань, имѣвшій русскаго князя. Едва ли можно думать что все владѣніе послѣдняго заключалось въ одномъ городѣ, отнятомъ у Хозаръ, а вѣроятнѣе, что всѣ владѣнія, бывшія хозарскими, принадлежали и Тмутараканскому князю; а такъ какъ хозарскія владѣнія доходили до Кавказа, то, вѣроятно, мѣстность рѣки Зеленчукъ входила въ составъ этихъ владѣній, въ которыхъ находили себѣ пріютъ князья сѣверной Руси. Тогда можетъ сдѣлаться понятнымъ и бракъ царицы Тамары съ сыномъ князя Андрея Боголюбскаго, жившаго по сосѣдству съ Грузіей, въ томъ же, можетъ-быть, городѣ на рѣкѣ Зеленчукъ. Высказавъ свои соображенія, референтъ предложилъ Съѣзду исходатайствовать разрѣшеніе и средства для раскопокъ этого города и поддержанія сохранившихся храмовъ и реставраціи живописи.

23.

21 ЯНВАРЯ. II ЧАС УТРА.

Отдѣленіе VI. Памятники Славяно-русскаго языка и письма.

Почетный Предсѣдатель И. Е. Забѣлинъ.

Предсѣдатель Отдѣленія Проф. А. И. Кирпичниковъ.

Секретарь Отдѣленія С. I. Долговъ.

1. А. И. Станкевичъ прочелъ докладъ подъ заглавіемъ: *Азіатская Баниза* (романъ XVIII столѣтія). Въ началѣ референтъ указалъ на важность изученія вопроса о русскомъ романѣ, начала XVIII столѣтія, такъ какъ это можетъ доставить любопытные результаты для исторіи литературы и языка, а также и для исторіи быта и нравовъ. Затѣмъ приведены были имъ отзывы литературныхъ дѣятелей половины XVIII вѣка объ этихъ романахъ и указано на образовательное и воспитательное значеніе ихъ для большинства читающей публики того времени. Далѣе, сообщивъ историко-библіографическія свѣдѣнія о нѣмецкомъ оригиналѣ и вызванныхъ имъ передѣлкахъ и подражаніяхъ того же сюжета, референтъ передалъ вкратцѣ содержаніе романа. Перейдя затѣмъ къ обзорѣнью извѣстныхъ ему списковъ русскаго перевода *Азіатской Банизы*, референтъ высказалъ предположеніе о существованіи нѣсколькихъ, по крайней мѣрѣ трехъ, различныхъ переводовъ этого романа. Указавъ потомъ на характеръ перевода, по списку Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, г. Станкевичъ закончилъ свой докладъ, предложивъ нѣсколько выдержекъ изъ русскаго текста, и высказалъ сожалѣніе, что онъ не имѣлъ возможности подвергнуть болѣе подробному разбору всѣ извѣстные ему списки.

2. Н. А. Янчукъ прочелъ рефератъ: *Эпизодъ изъ области критики народной поэзіи*.

Изученіе народной словесности вступило на новый путь, болѣе правильный и рациональный, нежели прежній. Это — путь частичнаго изученія деталей поэгич. мотивовъ, вошед-

шихъ въ составъ того или другого памятника народной словесности. Этотъ методъ уже на первыхъ порахъ принесъ много хорошихъ результатовъ, гораздо болѣе, нежели старый методъ, ведущій къ преждевременнымъ и невѣрнымъ иногда, основаннымъ на первомъ впечатлѣннн, обобщеніямъ.

Какъ образецъ приложенія этого новаго метода, референтъ представилъ разборъ двухъ небольшихъ народныхъ обрядовыхъ пѣсень. Первая изъ нихъ—свадебная, распѣваемая поѣзжанами на пути въ церковь—сообщаетъ, какъ священникъ ѣдетъ въ городъ (Львовъ, Кіевъ, Римъ—вообще центръ промышленный и духовный) покупать ключи, чтобы отпереть церковь для вѣнчанія. Смыслъ общій этой пѣсни выясняется, какъ изъ характера самой малороссійской свадьбы, такъ и изъ пѣсень, которыми сопровождается обрядъ: въ пѣсняхъ и обрядахъ свадьбы, акта торжественнаго, многіе предметы (гребень для невѣсты, напр.) представляются купленными за дорогую цѣну въ подобныхъ же центрахъ, какъ Кіевъ, Люблинъ, Львовъ, Холмъ. Отсюда видна тенденціозность объясненія пѣсни старой критикой, видѣвшей въ покупкѣ ключей въ городѣ воспоминаніе о томъ времени, когда православныя церкви были на арендѣ и отпирались только за извѣстную плату въ пользу арендаторовъ. Подобное ложное толкованіе, кромѣ уже своей невѣрности, какъ оказывается, вредно вліяетъ на сохраненіе пѣсни въ народѣ и способствуетъ ея исчезновенію.

Вторая пѣсня, объясненная г. референтомъ, пѣсня извѣстная въ Подлясьѣ и холмской Руси подъ именемъ „Зелимана“, распространенная и у поляковъ (Дзельманъ, Джельмана), и у чеховъ (Zalman), и даже у велико-руссовъ (Халимонъ). Пѣсня также обрядовая—выборъ дѣвушки въ невѣсты. Пѣсня поется весной (отъ Пасхи и до Троицина дня). Пѣсня истолковывалась нѣкоторыми подобно предыдущей (Зельманъ-жидъ, арендаторъ церквей). Изъ обстоятельствъ же исполненія „Зелимана“ и изъ связи его съ цикломъ весеннихъ пѣсень („зеленый шумъ“) и обрядами этого времени выясняется, что „Зелиманъ“ есть ничто иное, какъ олицетвореніе весны, а самое его имя м. б. объяснено изъ названія „Зеленый май“, что вполне возможно по народной этимологіи, или изъ *manžel* (чешск.)—мужъ, женихъ—путемъ перестановки слоговъ, что также вѣроятно, въ виду частаго повторенія этого слова въ игрѣ, которой

сопровождается пѣсня. Т. о. пѣсня о Зелиманѣ есть прославление наступления весны, оживанія природы. Представление же Зелимана женихомъ—мотивъ вполне естественный и очень древній.

3. И. И. Богданъ сдѣлалъ сообщеніе: *Грамота князя Ивана Ростиславича „Берладника“ 1134 года.*

Референтъ избралъ темой обстоятельнаго сообщенія вопросъ о подлинности означенной грамоты; ранѣе его того же вопроса касался на Създѣ профессоръ Соболевскій, доказывавшій подложность грамоты на основаніи ея поздней графики и средне-болгарскихъ особенностей языка, невысказанныхъ для русской грамоты XII вѣка. Г. Богданъ указалъ, что проф. Соболевскій упустилъ изъ вида другое, столь же возможное, объясненіе отмѣченныхъ имъ явленій: грамота (нынѣ утраченная) могла быть спискомъ, сдѣланнымъ въ Молдавіи въ XIV—XV столѣтіи съ недошедшей русской грамоты XII вѣка: какъ извѣстно, въ XIV—XVII вѣкахъ въ румынскихъ господарствахъ въ церковномъ употребленіи былъ старо-славянскій языкъ въ среднеболгарской его редакціи.

Референтъ указалъ на болѣе убѣдительные признаки подложности грамоты, рассмотрѣвъ ее съ точекъ зрѣнія 1) лингвистической, 2) дипломатической и 3) исторической.

1) Референтъ обратилъ вниманіе на необъясненныя г. Соболевскимъ формы прилагательныхъ: *урьскый, берладскый, месембрисскый*, которыя могли возникнуть только въ головѣ фальсификатора, поддѣлывавшагося подъ древне-русскій языкъ безъ достаточнаго знанія его исторіи: источникомъ ошибки послужила древне-русская форма слова *русьскый* при болѣе новыхъ *руськый, рускый, русский*; фальсификаторъ изъ формы *русъскый* (гдѣ первое *с* принадлежитъ корню) извлекъ небывалый суффиксъ *-сьскый* и, сочтя его древнѣйшей формой суффикса *-скый, -скый*, образовалъ дикія формы *берлад-сьскый* вмѣсто *берладскый* и т. д.

2) Опираясь на основательное знакомство съ западной дипломатикой, референтъ сдѣлалъ весьма удачный опытъ перенесенія ея критическихъ приѣмовъ на русскую почву: выведя изъ значительнаго количества грамотъ XII вѣка всѣ дипломатическія *формулы* этого времени, г. Богданъ наглядно показалъ, что грамота Ивана Берладника находится съ ними въ явномъ противорѣчій; за то референтомъ была доказана

зависимость рассматриваемой грамоты отъ молдавскихъ и галицкихъ дипломатическихъ формулъ XIV--XV вѣка, что позволило ему предположить въ фальсификаторѣ чловѣка, знакомаго съ этими памятниками.

3) Референтъ показалъ, что содержаніе грамоты не сходится съ довольно многочисленными извѣстіями русской лѣтописи объ Иванѣ Берладникѣ. Такъ напр., въ грамотѣ Иванъ Ростиславичъ называется княземъ *Берладскимъ отъ стола Галицкаго*; это выраженіе, неясное само по себѣ и не находящее объясненія въ дипломатическихъ нормахъ, толковалось изслѣдователями въ смыслѣ *происхожденія* и въ смыслѣ *зависимости*. Но по происхожденію Иванъ Ростиславичъ не имѣлъ никакихъ правъ на Галичъ, а въ зависимости отъ него не могъ состоять, потому 1) что онъ былъ непримиримымъ врагомъ Галицкихъ князей, сначала Володимірка, потомъ Ярослава Осмомысла, и ужъ конечно не могъ получить отъ нихъ удѣла „Берладскаго“; 2) въ 1134 году, къ которому относится наша грамота, соединенное Червонно-русское княжество со стольнымъ городомъ Галичемъ еще и не существовало: оно создано только въ 1144 году.

Въ заключеніе референтъ указалъ *источникъ поддѣлки*, это именно отрывокъ русской лѣтописи (см. Ипатьевскую лѣтопись, подъ 1149 годомъ. Изд. Археогр. Комм. М. Н. П.), весьма близкимъ перифразомъ котораго является текстъ грамоты 1134 года.

Грамота Ивана Ростиславича Берладника по своему содержанію—торговая грамота; ея важность въ томъ, что она позволяла заключать о государственной связи придунайской страны съ Галичиной и о существованіи княжества Берладскаго уже въ XII вѣкѣ; такимъ образомъ главная цѣль фальсификатора — могла быть слѣдующая: *указать уже въ XII вѣкѣ зародыши румынскаго государства, хотя-бы цѣною зависимости отъ Россіи*.

4. Проф. А. И. Кирпичниковъ прочелъ рефератъ:— *О Страхиль-птицѣ*. Референтъ прослѣживаеъ въ своемъ сообщеніи по литературѣ родственную связь ея съ нѣкоторыми птицами, игравшими чудесную роль въ фантастическихъ представленіяхъ древнихъ народовъ, каковы страусъ, пеликанъ древнихъ, и даже аистъ и орель. Приведа много цитатъ изъ литературныхъ источниковъ римскихъ, нѣмец-

кихъ и византійскихъ, касающихся разныхъ фантастическихъ птицъ, референтъ сближаетъ ихъ, иногда даже отождествляетъ, со Страхиль-птицей.

Своимъ сообщеніемъ докладчикъ, по словамъ его, хотѣлъ показать что Страхиль имѣетъ родичей на отдаленномъ Востокѣ, родичей можетъ-быть не близкихъ, темное воспоминаніе объ одномъ изъ которыхъ могло повліять на развитіе на Востокѣ дуалистическаго сказанія, которое тамъ же на Востокѣ осложнилось представленіемъ о помощи оказываемой добродушному началу кровавою жертвой. Потомъ, когда-то, оно развивалось далеко, и, разумѣется, не въ одномъ экземплярѣ, а въ нѣсколькихъ далеко не тождественныхъ. Въ Византіи оно осложнилось своеобразнымъ реализмомъ физиологовъ и, черезъ посредство письменности, упало на плодородную почву русской народной поэзіи, гдѣ въ двухъ духовныхъ стихахъ произвело образъ не лишенный грандіозности и величія.

24.

21 ЯНВАРЯ. 7½ ЧАС. ВЕЧЕРА.

Отдѣленіе I. Древности первобытныя.

Почетный Предсѣдатель Проф. Аспелинъ.

Предсѣдатель Отдѣленія Проф. Д. Н. Анучинъ.

Секретарь Отдѣленія Н. Л. Гондатти.

I. Dr. Grempler (Д-ръ Гремплеръ), представитель Берлинскаго Антропологическаго Общества и Силезскаго Общества древностей, сдѣлалъ сообщеніе на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Ueber die Funde aus dem Beginne der Völkerwanderungszeit (О находкахъ, относящихся къ начальной эпохѣ великаго переселенія народовъ)*.

Предметомъ доклада служило описаніе замѣчательныхъ находокъ, относящихся къ эпохѣ великаго переселенія народовъ и сдѣланныхъ имъ близъ Бреслава, въ мѣстечкѣ

Сакрау. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ здѣсь было случайно найдено нѣсколько древнихъ могилъ. Костяки почти совершенно истлѣли, но вещи сохранились хорошо, именно различныя украшенія, сосуды и друг. Особенно замѣчательнъ бронзовый четырехножникъ, служившій, повидимому, подставкой для сосуда съ виномъ. Ножки этого четырехножника украшены статуэтками Бахуса, а переднія также — фигурами Силеновъ. Вырѣзанныя на ножкахъ латинскія надписи: Num. Aug. и Avitus (марка фабрики) свидѣлствуютъ, что эта изящная подставка — римской работы. Кромѣ того найдены: бронзовое сито римскаго же издѣлія и бронзовая тарелка, съ изображеніемъ пантеры, схватившей лося. Послѣдній сюжетъ не былъ находимъ до сихъ поръ на римскихъ издѣліяхъ, и, наоборотъ, онъ довольно обыкновененъ на подобныхъ издѣліяхъ изъ южной Россіи, на вещахъ такъ называем. скиѣско-сарматской эпохи. Затѣмъ были найдены еще: золотыя пряжки съ изображеніемъ рыбъ, шейныя кольца, чаша изъ разноцвѣтнаго стекла (такъ называем. millefiori), игральныя кости, остатки деревяннаго ведра съ бронзовыми ободами, украшенными орнаментами (подобныя были находимы въ Венгріи и во Франціи, въ могилахъ до-меровингской эпохи, примѣрно III—IV вѣковъ по Р. Х.) и характерныя фибулы (брошки), однѣ въ видѣ буквы Т, съ верхней перекладиной изъ трехъ или двухъ валиковъ и съ дугообразной вертикальной пластинкой, и другія, представляющія варьяцію типа такъ называем. La-Tène. Совокупность всѣхъ этихъ и другихъ вещей указываетъ на начальныя столѣтія нашей эры, что подтверждается вполне находкою одной золотой римской монеты Клавдія Готскаго (Claudius Gothicus) (278—280 г.). Такъ какъ, по историческимъ свидѣтельствамъ, въ Силезіи жили въ это время вандалы и такъ какъ извѣстно, что Клавдій одержалъ побѣду надъ готами при Ниссѣ (нын. Нишъ), причемъ на сторонѣ готовъ была и часть вандаловъ, то возможно, что вандалы могли занести къ себѣ на родину, въ Силезію, и нѣкоторыя римскія издѣлія, а при посредствѣ готовъ могли получать и нѣкоторыя издѣлія изъ греческихъ колоній сѣвернаго берега Чернаго моря. Во всякомъ случаѣ, находки, сдѣланныя въ Сакрау, указываютъ, какъ-будто, на древнія сношенія сѣверогерманскихъ племенъ съ народами, жившими, въ III-мъ вѣкѣ нашей эры, въ южныхъ областяхъ нынѣшней Россіи.

2. Dr. Franz Heger (Д-ръ Ф. Хегеръ), представитель Вѣнскаго Антропологическаго Общества и Королевско-Императорскаго Этнографическаго Музея, прочелъ докладъ на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Die Kaukasischen Gräberfelder und ihre Beziehungen zum Westen* (*Кавказскіе могилиники и ихъ отношеніе къ западно-европейской культурѣ*).

Референтъ разсказалъ вкратцѣ исторію открытія кавказскихъ могильниковъ, въ теченіе послѣднихъ 12 лѣтъ, и очертилъ общій характеръ находокъ, сдѣланныхъ въ могильникахъ Кобани и Фаскау и въ кладѣ, отрытомъ близъ станціи Казбекъ, причемъ высказалъ сожалѣніе, что бѣольшая часть вещей получена изъ раскопокъ, произведенныхъ не-научно, мѣстными осетинами, вслѣдствіе чего предметы разныхъ эпохъ иногда являются смѣшанными. Затѣмъ референтъ перешелъ къ разсмотрѣнію формъ болѣе характерныхъ предметовъ вооруженія и украшенія, какъ-то бронзовыхъ топоровъ, кинжаловъ, фибулъ, громаднхъ булавокъ, поясныхъ пряжекъ, спиральныхъ колець и наручниковъ, привѣсокъ съ изображеніями животныхъ, бусъ и т. д. Сравненіе болѣе древнихъ могильниковъ Кобани и Фаскау съ позднѣйшими — въ Комунтѣ, Кинбултѣ, Чми и др., относящимися уже къ VI—X вѣкамъ, показываетъ, что эта оригинальная кавказская культура начальнаго желѣзнаго вѣка, выступающая въ наибольшемъ разнообразіи формъ—въ болѣе древнихъ могильникахъ Кобани и Фаскау, вмѣсто того, чтобы съ теченіемъ времени развиваться, подвергалась, наоборотъ, постепенному вымиранію. Съ другой стороны, сопоставляя эту культуру съ соотвѣтственною культурою начальнаго желѣзнаго вѣка въ Западной Европѣ, съ какою мы встрѣчаемся, напримѣръ, въ извѣстномъ Галльштадтскомъ могильникѣ въ Зальцбургѣ, а также въ открытыхъ за послѣднія 12 лѣтъ могильникахъ Ватша (въ Крайнѣ), Эсте (въ сѣв. Италіи) и др., приходится убѣдиться, что кавказская культура не находилась въ связи съ западно-европейскою и развилась самостоятельно, хотя, можетъ быть, и подъ тѣмъ же первоначальнымъ культурнымъ вліяніемъ, какъ и эта послѣдняя. Наконецъ, что касается до древности этой кавказской культуры, то едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что она не столь велика, какъ это принимаютъ Вирховъ и Шантръ, которые относятъ ее къ эпохѣ за 1000 л. до

Р. Хр. По всей вѣроятности, развитіе ея послѣдовало нѣсколькими столѣтіями позже и она стоитъ ближе къ началу нашей эры, чѣмъ соотвѣтственныя ей западно-европейскія культуры сѣверной Италіи и Альпійской области.

3. Dr. I. Strzygowski (Д-ръ І. Стржиговскій), доцентъ Вѣнскаго университета, прочелъ рефератъ на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Die enkaustische Malerei und ihre Vertreter in der Archeologischen Ausstellung des Congresses* (*Энкаустическая живопись и ея образцы на Археологической Выставкѣ Съѣзда*).

Докладъ этотъ былъ посвященъ единственному образцу энкаустической живописи, находящемуся на Выставкѣ Съѣзда—древней иконѣ въ собраніи, доставленномъ на выставку церковно-археологическимъ музеемъ при кievской духовной академіи. Во времена классической древности существовали три вида живописи: 1) стѣнная, фресковая, отъ которой дошли до насъ только поздніе образцы, открытые въ Помпеяхъ и Геркуланумѣ; этотъ видъ живописи мы находимъ также въ древнихъ христіанскихъ катакомбахъ; 2) живопись на вазахъ и сосудахъ; образцовъ ея извѣстно много, и 3) живопись на доскахъ, которая исполнялась при помощи воска и красокъ. Это послѣднее искусство было унаслѣдовано Византіею, но затѣмъ вымерло и уже во времена крестовыхъ походовъ перешло въ область преданія. Изслѣдованія, произведенныя гр. Кайлюсомъ, Гельбигомъ, Доннеромъ и др., показали, что техника этой живописи заключалась въ томъ, что на доску наносился воскъ съ красками, послѣ чего по доскѣ водили раскаленнымъ желѣзомъ, вслѣдствіе чего воскъ растоплялся и краски выступали во всей ихъ яркости. Такимъ способомъ дѣлались портреты, какъ то свидѣлствуютъ до 130 образцовъ ихъ, найденныхъ въ послѣднее время въ Египтѣ, именно въ Фаяумѣ, въ катакомбахъ. Портреты эти исполнялись въ натуральную величину и полагались на муміи, именно на мѣсто головы. Обыкновенно они изображаютъ только лицо съ небольшою частью туловища, рѣдко съ руками. Лицо всегда юношеское,—фактъ, давшій поводъ Эберсу высказать предположеніе, что портреты для мумій дѣлались въ пору молодости субъектовъ. Мужчины представлены всегда съ короткими волосами, женщины съ болѣе длинными; глаза у всѣхъ широко раскрыты, съ большими зрачками; ротъ малъ; по

чертамъ лица можно однако различить еврейскій, греческій, египетскій типы. Обыкновенно энкаустическимъ способомъ дѣлалась только голова, одежда же пририсовывалась послѣ красками. Наибольшее число такихъ портретовъ находится въ Булакскомъ музеѣ, въ Египтѣ, и въ Британскомъ музеѣ, въ Лондонѣ, но образцы ихъ есть также въ Луврѣ, въ музеяхъ Флоренціи и Дрездена. Икона, доставленная музеемъ кievской духовной академіи, относится къ той же категоріи портретовъ. Она происходитъ изъ монастыря св. Екатерины на Синаѣ, куда она принесена, вѣроятно, изъ катакомбъ. По технику, она вполне соответствуетъ другимъ портретамъ, найденнымъ въ египетскихъ катакомбахъ; но на ней изображены два лица — мужчина и женщина. Кромѣ того, икона эта важна тѣмъ, что даетъ возможность опредѣлить точнѣе эпоху ея написанія. До сихъ поръ полагали, что портреты эти изображаютъ только язычниковъ и относятся ко временамъ римскаго владычества въ Египтѣ, т. е. къ первымъ вѣкамъ нашей эры. Но на иконѣ кievскаго музея, между двумя изображенными на ней лицами, помѣщенъ крестъ, сдѣланный, очевидно, одновременно съ написаніемъ самихъ портретовъ. Обѣ фигуры держатъ, кромѣ того, каждая по кресту въ рукѣ, а у мужчины видна одежда, въ видѣ плаща, со звѣздою на правомъ плечѣ. Все это указываетъ уже на христіанскую эпоху и на византійское вліяніе, и опредѣленіе проф. Петрова (завѣдующаго музеемъ кievской духовной академіи), относящаго эту икону къ IV—VII вв. нашей эры, должно быть признано вѣрнымъ. Но проф. Петровъ идетъ далѣе и полагаетъ, что икона эта изображаетъ св. Константина и Елену, въ чемъ г. Стржиговскій сомнѣвается. Вверху иконы сохранились, правда, скудные фрагменты надписи, но слишкомъ недостаточные для опредѣленія смысла послѣдней, хотя въ одномъ мѣстѣ и видны буквы „оп“.

4. Comte L. de Fleury (Графъ Л. де-Флери) сдѣлалъ сообщеніе, на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Station de la pierre polie Кемра (gouw. Grodno). (Стоянка неолитическаго періода у м. Кемпа, Гродненской губ.)*.

Въ своемъ докладѣ референтъ познакомилъ собраніе съ предметами каменнаго вѣка, найденными имъ у Кемпы, на р. Бобрѣ, въ песчаномъ грунтѣ. Мѣсто это, очевидно, служило мастерской для выдѣлыванія кремневыхъ издѣлій, какъ то доказываютъ многочисленныя найденныя здѣсь

кремневья ядрища (нуклеусы), осколки, скребки, проколки, различныя острія и тщательно оббитые наконечники стрѣлъ. Кромѣ того, здѣсь было найдено нѣсколько полированных каменныхъ топоровъ-молотковъ и долотъ.

5. Князь П. А. Путятинъ прочелъ рефератъ, на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Sur les differences osteologiques des races primitives. (Объ остеологическихъ различіяхъ первобытныхъ расъ).*

Предметомъ доклада послужили изслѣдованія Салмона о краниологическихъ признакахъ первобытныхъ расъ Европы и наблюденія референта надъ особенностями человѣческихъ костей, найденныхъ имъ въ отложеніи каменнаго вѣка, въ его имѣнни Бологое (по Николаевской желѣзной дорогѣ), на мысу одного озера.

25.

22 ЯНВАРЯ. 10 ЧАСОВЪ УТРА.

Отдѣленіе VII. Древности классическія и славяно-византійскія.

Почетный Предсѣдатель Проф. А. Н. Шварцъ.

Предсѣдатель Отдѣленія Проф. Ѳ. И. Успенскій.

Секретарь Отдѣленія А. А. Дмитріевскій.

г. Ѳ. И. Успенскій сообщилъ *О военномъ устройствѣ Византіи (таѹра и ѳѣра).*

Въ исторіи учрежденій Византійской имперіи ожидается своей очереди вопросъ о военномъ устройствѣ. До сихъ поръ затронуть былъ этотъ вопросъ только по связи съ земле-владѣніемъ. Давно уже замѣчено, что въ Византіи существовалъ особый родъ военно-служебной земли, имѣвшей, одинаковую съ крестьянской, податную систему. Съ точки зрѣнія фактовъ земельной и податной системы, военная служба въ Византіи основана была на началѣ поставки рекрута, коннаго или пѣшаго, односельчанами или совладѣльцами, назы-

ваемыми складчиками и сокопейщиками. Но едва ли это можно считать общимъ правиломъ, такъ какъ есть указанія (у Константина Порфиророднаго) на единоличное отбываніе службы. Это предполагаетъ уже особенную военную систему, подобную нашей казацкой службѣ. Если же такимъ образомъ устанавливается принципъ военной службы съ земельного владѣнія, то можно съ нѣкоторою вѣроятностью заключить какъ о составѣ арміи, такъ и о продолжительности срока службы. Но остается, кромѣ того, много вопросовъ, связанныхъ съ системой военного устройства, которые остаются незатронутыми или рѣшаются слишкомъ произвольно. Перечисливъ затѣмъ источники, въ которыхъ можно почерпнуть свѣдѣнія о военномъ устройствѣ, докладчикъ остановился на двухъ встречающихся терминахъ „тагма“ и „оема“, обозначающихъ части византійскихъ войскъ. Сначала „оема“ имѣла военный смыслъ, а потомъ получила гражданскій и административный для обозначенія округовъ. Время, съ котораго измѣнилось значеніе термина „оема“, совпадаетъ со временемъ преобразования Римской имперіи въ Византійскую. Изъ историческихъ данныхъ, докладчикъ сдѣлалъ тотъ выводъ, что „тагмы“, какъ войско, стоящее въ Константинополѣ, участвовали въ дворцовыхъ переворотахъ и находились подъ вліяніемъ столичныхъ честолюбцевъ; въ провозглашеніи новыхъ царей всегда первое мѣсто занимали „тагмы“. Напротивъ, „оемы“ были войскомъ провинціальнымъ и призывались въ столицу только въ исключительныхъ случаяхъ. Чтобы привести къ повиновенію „оемы“, правительство прибѣгало къ системѣ передвиженія ихъ съ мѣста на мѣсто, къ штрафамъ и конфискаціи имущества. „Тагмы“ обыкновенно встрѣчаются въ описаніяхъ парадовъ и военныхъ смотровъ въ Константинополѣ, при торжественныхъ царскихъ выходахъ и приѣмахъ иностранцевъ. Начальники „тагмъ“ были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и важными придворными чинами. Далѣе, изъ источниковъ видно, что каждый округъ („оема“) выставялъ опредѣленный отрядъ военныхъ людей, который часто удерживалъ названіе „оемы“ и при включеніи въ войско. Такъ какъ изо всего сказаннаго слѣдуетъ, что подъ „оемами“ разумѣлось земское войско, выставяемое отдѣльными округами, то не лишено значенія и то наблюденіе, что „оемы“ въ походѣ часто сохраняли свой гражданскій характеръ и свое управленіе и судей. Вопросъ о „тагмахъ“ и „оемахъ“ имѣетъ большой интересъ съ точки

зрѣнія исторіи византійскихъ учреждений. „Ѳемы“ были главною силой византійскаго войска, они современны преобразованію Восточной имперіи въ Византійскую. Такъ какъ сила „Ѳемы“ основывалась на мелкомъ землевладѣніи, то понятно, что исторія земскаго войска должна была раздѣлять судьбы исторіи мелкаго землевладѣнія; мало того, можно сдѣлать и еще заключеніе, что сила имперіи была въ зависимости отъ „Ѳемь“. Если „Ѳемы“ не были собраны въ Константинополь, то онъ не могъ оказывать значительнаго сопротивленія врагамъ. Такъ какъ становится доказаннымъ, что славянская колонизація Восточной имперіи въ VI—VII вѣкѣ существенно обусловила организацію землевладѣнія въ Византіи, давъ преобладаніе интересамъ мелкаго землевладѣнія (общиннаго), то вопросъ о военномъ устройствѣ переходитъ въ вопросъ изученія славянства въ Византіи, и въ этомъ докладчикъ видитъ самую важную и настоящую для насъ задачу изученія Византіи.

2. П. Н. Миллюковъ прочелъ *О времени и мѣстѣ дѣйствія записки греческаго топарха*.

Указавъ, что вопросъ о времени и мѣстѣ дѣйствія въ такъ называемомъ *Anonymus Taugicus*—отрывки, изданные Газе еще въ 1818 г.—доселѣ остается открытымъ, докладчикъ изложилъ кратко мнѣнія по этому вопросу Газе, Кулика, Васильевскаго и Успенскаго, отмѣчая постоянное движеніе впередъ въ объясненіи этихъ отрывковъ. Въ нынѣ предлагаемомъ имъ объясненіи докладчикъ примыкаетъ къ тому, что считаетъ лучшимъ приобрѣтеніемъ объясненій предъидущихъ: онъ полагаетъ именно, что г. Васильевскій вѣрно опредѣлилъ мѣсто дѣйствія записки (мѣстность придунайская), а г. Успенскій правильно расширилъ область объясненія по отношенію ко времени и исторической обстановкѣ событій. Собравъ затѣмъ всѣ реальныя черты, разсѣянныя въ запискѣ топарха, докладчикъ доказывалъ, что всѣ онѣ прямо приложимы къ бессарабскимъ событіямъ 889—892 г.

Къ 889 г. въ эту мѣстность (теперешнюю Бессарабію) явились венгры и въ томъ же году были втянуты въ борьбу между болгарами и Византіею, борьбу, только-что начавшуюся. Поводъ къ войнѣ дала Византія, перенеся торговую контору болгарскихъ купцовъ изъ Константинополя въ Солунь. Симеонъ Болгарскій тогда вторгнулся въ Македонію и нѣсколько разъ разбилъ греческое войско. Императоръ

Левъ VI послалъ къ венграмъ, которые, вѣроятно въ 890 г., напали на Болгарію, разбили Симеона и заставили его просить мира у Императора. Но въ 892 г. венгры ушли въ походъ на Моравію. Симеонъ воспользовался ихъ отсутствіемъ, прервалъ переговоры съ Византіей, вторгнулся въ занятую венграми страну, страшно опустошилъ ее и перебилъ оставшееся тамъ населеніе; когда венгры вернулись и увидели опустошенную страну, они не захотѣли больше въ ней оставаться и ушли окончательно на средній Дунай. Симеонъ же обратился на самую Византію и, послѣ побѣды, принудилъ ее платить Болгарамъ дань.

Къ этимъ событіямъ и относится разсказъ топарха. Мѣстность разсказа—Бессарабія; населеніе ея—соплеменные (*οἰκηότατοι*) болгарамъ уличи и тиверцы; врагъ, опустошившій страну—онъ же „царствующій на сѣверѣ отъ Дуная“—(ср. *ἡ Βουλγαρία ἐκείθεν τοῦ ἰστροῦ*) Симеонъ Болгарскій; бывшіе господа мѣстности (*ἡγεμόνας*), за вину которыхъ пострадало населеніе, и во время нашествія отсутствовавшіе—суть венгры. Единственное затрудненіе—указаніе Газе, видѣвшаго рукопись, что она—конца X в., указаніе, которымъ не стѣсняется г. Успенскій, но котораго держится г. Васильевскій. Но опытъ ознакомленія съ греческой палеографіей того времени убѣждаетъ г. Милюкова: что письмо IX—XI в. ясно отличается отъ предъидущаго и отъ послѣдующаго періода, но что внутри этого періода разграниченія трудны; еще труднѣе они въ предѣлахъ одного X вѣка, характеризуемаго вообще т. наз. *средней минускулой*. Мнѣнія палеографовъ здѣсь расходятся діаметрально: Монфоконь считаетъ признакомъ ранняго времени присутствіе унциаловъ среди курсива; Гардтгаузенъ, съ которымъ согласенъ и референтъ, считаетъ этотъ признакъ въ *греческомъ* письмѣ—признакомъ поздняго періода. Есть основанія думать, что Газе вообще слѣдовалъ Монфокону, а въ данномъ случаѣ руководился больше всего историческими соображеніями (относя записку къ исторіи Херсонеса).

Время написанія записки докладчикъ относитъ къ 893—913 годамъ.

3. А. А. Дмитріевскій прочелъ *Нѣсколько замѣчаній о стилѣ новолѣтія по Византійскимъ источникамъ*. Въ древне-христіанской церкви новолѣтіе праздновали въ мартѣ. Слѣды этого обычая и доселѣ держатся въ современной церковно-

богослужебной практикѣ. Празднованіе съ сентября началось съ VI вѣка. Обычаи этого праздника описаны въ обрядникѣ Константина Порфиророднаго, а порядокъ литіи изложенъ былъ въ Евангеліяхъ X—XI вѣка. На Русь настоящій обычай перешелъ съ принятіемъ христіанства. Въ церковныхъ обрядахъ празднованію новолѣтія у насъ не было особенныхъ отличій отъ практики греческой церкви, если не считать за особенность прямое указаніе въ концѣ литіи молитвы, надписываемой иногда именемъ митрополита русскаго Иллариона, автора извѣстнаго слова „о законѣ и благодати“. По наблюденіямъ докладчика, молитва эта встрѣчается и въ болгарскихъ богослужебныхъ книгахъ на томъ же мѣстѣ, что дало ему основаніе высказать сомнѣніе въ принадлежности настоящей молитвы русскому митрополиту Иллариону.

Въ Александріи новолѣтіе праздновали въ Недѣлю Отцовъ, предъ Пятидесятницей; празднованіе состояло не только изъ совершенія литіи, но изъ водоосвященія на рѣкѣ Нилѣ, который къ этому времени начинаетъ разливаться по равнинѣ, прилегающей къ Александріи. Обычай празднованія новолѣтія въ указанное время былъ оставленъ въ XVIII столѣтіи, а года два назадъ и самый чинъ Нильскаго водоосвященія уже перестали практиковать въ Египтѣ. Референтъ отмѣтилъ любопытный фактъ изъ исторіи даннаго обычая. Въ 1868 году, при Ахметъ-Али и патріархѣ Теофилѣ, по случаю долгаго невыступленія изъ береговъ рѣки Нила, въ старомъ Каирѣ, близъ мечети Амри, было совершено водоосвященіе совмѣстно греческимъ, коптскимъ, магометанскимъ и еврейскимъ духовенствомъ и, по сказанію современниковъ, Нилъ тотчасъ же сталъ наполняться водой.

4. Е. К. Рѣдинъ прочелъ докладъ: *Святская живопись мѣстности Кіево-Софійскаго собора.*

26.

22 ЯНВАРЯ. 10 ЧАС. УТРА.

Отдѣленіе VIII. Древности восточныя и языческія.

Почетный Предсѣдатель Проф. А. А. Цагарелли.

Предсѣдатель Отдѣленія Проф. О. Е. Коршъ.

Секретарь Отдѣленія М. В. Никольскій.

г. Х. И. Кучукъ-Гоаннесовъ прочелъ: *О фотографическихъ снимкахъ съ древнихъ армянскихъ евангелій, присланныхъ А. А. Цагарелли изъ Галиціи.*

Вліяніе византійской иконографіи на армянскую можно прослѣдить по миниатюрамъ, узорамъ, орнаментамъ, заставкамъ и прочимъ деталямъ, встрѣчаемымъ на армянскихъ рукописяхъ съ IX по XIV вѣкъ, когда оно уступило мѣсто вліянію итальянскому и западно европейскому, продолжавшемуся до XVII вѣка. Со второй половины этого вѣка въ армянскихъ рукописяхъ проявляется персидское вліяніе, какъ слѣдствіе политическаго положенія Арменіи, восточная половина которой была тогда подвластна Персіи. Что же касается письма рукописей, то съ IX и до первой половины XI вѣка употреблялся крупный уставъ, который со второй половины этого вѣка смѣнился полууставомъ, величиной въ половину прежнихъ буквъ. Въ XII вѣкѣ полууставъ замѣняется круглымъ и довольно крупнымъ почеркомъ, который въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи въ слѣдующихъ столѣтіяхъ превращается въ красивый, мелкій почеркъ. Если иногда и попадаетъ крупный уставъ, то характеръ его другой и нельзя смѣшивать его съ уставомъ предыдущихъ вѣковъ. Изъ данныхъ снимковъ докладчикъ относитъ два къ промежутку между XIV и XV вѣками. На одномъ изъ нихъ текстъ Евангелія отъ Луки писанъ большими узорчатыми буквами. Заглавная буква напоминаетъ грифона съ туловищемъ львицы, съ птичьими крыльями, изогнутая же шея заканчивается головой быка. Надъ текстомъ двѣ прекрасныя заставки въ византійскомъ стилѣ; между заставками узорчатая колонна: на верху ея крестъ, по сторонамъ его, на застав-

кахъ, двѣ птички, изогнутые хвосты которыхъ заканчиваются головами драконовъ. Вдоль текста идетъ длинное и узкое украшеніе изъ сплетенія разнообразныхъ цвѣтовъ и узоровъ, а на концѣ крестъ. Миниатюра Св. Луки писана съ византійскихъ образцовъ, но типъ Евангелиста армянскій. На другомъ снимкѣ текстъ Евангелія отъ Іоанна. Первыя двѣ строчки и большая заглавная буква составлены изъ птицъ. Надъ текстомъ заставка съ Деисусомъ, а на заставкѣ украшеніе въ видѣ кувшина, по сторонамъ же его сирены и птицы. Справа вдоль текста обычное длинное украшеніе, заканчивающееся крестомъ. Левую половину страницы занимаетъ миниатюра Св. Іоанна; типъ армянскій какъ у него, такъ и у Іоанна Крестителя и Св. Прохора, изображенныхъ тамъ же въ рамкѣ и на полѣ; на кіотѣ стоитъ орелъ съ полураскрытыми крыльями. На вершинѣ рамки корзина съ цвѣтами, по сторонамъ ея по двѣ птицы. На снимкѣ третьемъ сняты страницы съ двухъ Евангелій различныхъ эпохъ. Текстъ Евангелія отъ Марка (гл. X стихъ 41—47) писанъ красивымъ круглымъ почеркомъ; рукопись, судя по шрифту письма, относится къ XII вѣку. На полѣ изображеніе дерева съ двумя человѣческими фигурами. Правую половину слѣдующаго снимка занимаетъ текстъ Евангелія отъ Іоанна (гл. I ст. 8—11); писанъ онъ прямымъ, крупнымъ уставомъ, безъ всякихъ заставокъ и заглавныхъ буквъ. Двѣ фигуры, Іисуса и слѣпого на полѣ, составляютъ единственные украшения этой половины снимка и служатъ поясненіемъ къ тексту; рукопись относится къ первой половинѣ XI вѣка.

2. И. И. Соловейчикъ прочелъ докладъ: *Новыя данныя о моавитской надписи Мешы.*

Подробно изложивъ содержаніе надписи Мешы, въ которой этотъ замѣчательнѣйшій изъ моавитскихъ царей повѣствуетъ о своихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Израиля, о своихъ побѣдахъ и завоеваніяхъ израильскихъ городовъ Атарофа, Нево и Іассы, о своихъ постройкахъ, сооруженіяхъ и прочихъ дѣяніяхъ, и указавъ на важное историческое значеніе этого царя, референтъ остановился на отношеніи надписи къ свѣдѣніямъ библейскимъ. Въ надписи ничего не говорится о походѣ противъ Мешы союзныхъ царей Израиля, Іуды и Эдома, о чемъ повѣствуетъ Библия. По свидѣтельству II книги царствъ (гл. III) союзники, разбивъ моа-

витское ополчение, заперли Мешу въ горной крѣпости Кирь-Керешетѣ. Меша, послѣ неудачной попытки пробиться, отчаявшись въ своемъ положеніи и не видя ни откуда спасенія, взялъ сына своего, первенца и наслѣдника престола, и на стѣнѣ крѣпости, предъ глазами осажденныхъ и осаждающихъ, принесъ его въ умиловительную жертву Хамосу, верховному богу Моава. Изъ разсказа Библии не ясно что собственно произошло вслѣдъ за этимъ; тамъ говорится только объ отступленіи союзниковъ и снятіи осады Кирь-Керешета. Отсутствие всякаго упоминанія въ надписи объ этомъ походѣ и служило главнымъ основаніемъ, заставлявшимъ ученыхъ относить время сооруженія этой „стелы Меша“ къ царствованію Охозіи или къ первымъ годамъ Иорама, то-есть ко времени *предшествовавшему* упомянутому въ Библии походу. Но въ новѣйшее время извѣстный французскій семитологъ Клермонъ Ганно, имя котораго неразрывно связано съ исторіей открытія надписи Меша и которому наука обязана какъ спасеніемъ этого единственнаго въ своемъ родѣ памятника отъ совершеннаго уничтоженія, такъ и постепенными успѣхами въ его чтеніи и объясненіи, обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что реставрированная имъ стела Меша, находящаяся теперь въ Луврскомъ музеѣ въ Парижѣ, въ ея нынѣшнемъ видѣ, имѣя приблизительно ту же самую ширину и толщину какъ и находящіяся въ томъ же музеѣ египетскія и ассирійскія стелы, значительно уступаетъ имъ въ *вышинѣ*, изъ чего онъ вывелъ заключеніе, что до насъ дошла только верхняя часть стелы съ надписью и что въ первоначальномъ ея видѣ стела Меша должна была быть *вдвое или втрое выше*, а слѣдовательно и высѣченная на ней надпись *вдвое или втрое длиннѣе*. Основываясь на этихъ указаніяхъ Клермонъ-Ганно, докладчикъ высказалъ предположеніе что въ недошедшей до насъ части надписи могло заключаться повѣствованіе о томъ самомъ походѣ противъ Меша союзныхъ царей Израиля, Іуды и Эдома, о которомъ упоминаетъ Библия. Такъ 1) названіе „Высота Спасенія“, которое Меша далъ воздвигнутому имъ въ честь Хамоса памятнику, содержитъ прямой намекъ на осаду союзниками Кирь-Керешета и спасеніе Меша отъ гибели; 2) на тѣ же факты указываютъ и приведенные въ надписи мотивы этого сооруженія: „Я воздвигнулъ высоту эту въ честь Хамоса въ Кархо (цитадели Дайбоши, столицы Меша),

„Высоту Спасенія“, ибо онъ (то-есть Хамось) спасъ меня отъ всѣхъ враговъ (или несчастій) и далъ мнѣ наслажденіе видѣть гибель всѣхъ ненавидящихъ меня“. Въ этихъ словахъ Меша заключается новый намекъ на упомянутыя въ Библии событія, такъ какъ подъ „всѣми врагами и ненавистниками“ Меша могъ разумѣть только трехъ союзныхъ царей, предпринявшихъ противъ него извѣстный изъ Библии походъ; 3) указанные въ первыхъ двухъ пунктахъ названія и мотивы сооруженія воздвигнутаго Мешой памятника рѣшительно противорѣчатъ всему содержанию самой надписи, которая говоритъ только о побѣдахъ и завоеваніяхъ и ничего не знаетъ о спасеніи Меша отъ великой угрожавшей ему опасности. Возникающія отсюда противорѣчія, по мнѣнію референта, могутъ быть устранены лишь при предположеніи, что въ недошедшей до насъ части надписи заключалось повѣствованіе объ упомянутомъ въ Библии походѣ противъ Меша союзныхъ царей Израиля, Іуды и Эдома; только при этомъ предположеніи станутъ понятными содержащіяся въ надписи намеки и указанія, которыя иначе представляются совершенно необъяснимыми.

3. Д. А. Хвольсонъ прочелъ: *О развитіи финикійскаго алфавита между семитами и о палеографическомъ способѣ хронологическаго опредѣленія семитскаго письма.*

Докладчикъ высказалъ мнѣніе, что семиты и, между прочимъ, Финикійцы, отъ Египтянъ заимствовали не прямо алфавитъ, а скорѣе только воспользовались отъ нихъ тою идеей, что можно разными іероглифами изображать звуки. Такое мнѣніе Д. А. Хвольсона основано преимущественно на томъ, что египетскій алфавитъ не имѣетъ столько буквъ, какъ семитскій и, кромѣ того, названія знаковъ въ послѣднемъ чисто семитическія. Изобразивъ финикійскій алфавитъ въ древнѣйшей его формѣ, докладчикъ объяснилъ этимологически названія буквъ и старался показать, какимъ образомъ изъ этого алфавита образовались разные другіе семитскіе алфавиты. Далѣе референтъ изложилъ главныя причины измѣненій буквъ у разныхъ семитскихъ народовъ и наглядно показалъ на приведенныхъ примѣрахъ, какъ и почему разныя буквы перемѣняются до такой степени, что въ нихъ не остается, повидимому, ни малѣйшаго сходства съ тѣми изъ которыхъ онѣ развивались. А такъ какъ постепенное измѣненіе буквъ основано на извѣстныхъ найденныхъ уже законахъ, то легко

изъ формы буквъ узнать, какія изъ нихъ древнѣйшія и какія болѣе новыя; вслѣдствіе же того, что многіе изъ памятниковъ письменности датированы, легко узнать чѣмъ характеризуется извѣстное начертаніе буквы данной эпохи, а отсюда уже не трудно сдѣлать хронологическое опредѣленіе любому недатированному семитскому памятнику или рукописи.

4. Н. И. Веселовскій прочель:—*Въ какой степени подтверждаются археологическими данными летописныя извѣстія о смерти Узбекскаго хана Шейбани?* Въ концѣ XV столѣтія Узбеки, подъ предводительствомъ хана Шейбани, двинулись изъ нашихъ Киргизскихъ степей въ Мавераннагръ. Это было послѣднимъ движеніемъ кочевниковъ въ осѣдлыя страны западнаго Туркестана, но зато и самымъ губительнымъ. Кочевники обыкновенно господствуютъ надъ осѣдлыми издали, какъ у насъ господствовали Татары, Узбеки же поселились среди осѣдлыхъ и тѣмъ загубили мѣстную культуру. Узбеки не ограничились Аму-Дарьей, а двинулись и дальше въ Хоросанъ, гдѣ имъ пришлось вступить въ борьбу съ шахомъ Измаиломъ, основателемъ Сефевидской династіи. Столкновение съ Персіянами имѣло для Узбековъ печальныя послѣдствія: въ битвѣ подъ Мервомъ въ 1510 году ханъ Шейбани былъ убитъ, а тѣло его захватили Персіяне. Узбекамъ удалось, однако, отбить его; только голова хана осталась въ рукахъ Персіянъ. Это самый важный для шаха трофей, который можно выставить на показъ народу; но такіе трофеи попадали не часто и ими дорожили, берегли для употребленія, какъ утварь, въ видѣ чаши для питья. Обычай этотъ очень древень на Востокѣ и былъ очень распространенъ: онъ былъ у Хунну во II в. до Р. Хр., знакомъ онъ и изъ нашей исторіи, былъ распространенъ и у Сефевидовъ. Несмотря на пріятность торжествовать надъ врагомъ побѣду и вспоминать объ его гибели, вѣроятно, не особенно пріятно было пить изъ человѣческаго черепа. Поэтому Н. И. Веселовскій полагаетъ, что черепа, обращаемые въ чаши, чѣмъ-либо покрывались. Подтверженіе этому онъ находитъ въ словахъ шаха Аббаса Великаго, который похвалялся предъ русскими послами, въ присутствіи посла бухарскаго, что проводивъ русскихъ пословъ, онъ пойдетъ войной противъ хана Бухарскаго „голову его добывать, а добывъ голову, окуетъ ее золотомъ и будетъ ею шерапъ пить“.

Битва подъ Мервомъ, гдѣ погибъ Шейбани, остановила движеніе Узбековъ далѣе на югъ за Аму-Дарью, и столицей ихъ на первое время сдѣлался Самаркандъ, гдѣ тѣло хана Шейбани и было похоронено и гдѣ возникло кладбище Шейбанидовъ въ особой устроенной „дахмѣ“. Слово „дахма“ очень древнее; такъ назывались сооруженія, въ которыхъ у огнепоклонниковъ сжигались покойники. Дахмы у мусульманъ Средней Азіи устраиваются и доселѣ и представляютъ четырехугольныя террасы облицованныя по стѣнамъ мраморными досками; длины и ширины дахмы имѣютъ нѣсколько сажень, высоты аршина два. Такія сооруженія воздвигаются обыкновенно для чтимыхъ святыхъ, а по близости устраиваются мечети.

Дахма, въ которой погребенъ былъ ханъ Шейбани, сохранилась въ прежнемъ видѣ до послѣдняго времени. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ базарной части Самарканда приходилось расширять ту улицу, часть которой захватывала эта дахма. Дахму рѣшено было перенести, и при этомъ получились данныя, важныя для археологовъ и историковъ, но неизвѣстныя еще въ печати. Уѣздный начальникъ Г. А. Арендаренко, для разрѣшенія этого вопроса, затрогивавшаго религіозную сторону мусульманъ и потому щекотливаго, созвалъ совѣщаніе мѣстныхъ казіевъ и муллъ, и вопросъ о перенесеніи дахмы разрѣшился удачно въ такой формѣ, будто бы перенесеніе дахмы совершается по желанію самихъ мусульманъ, для общественной пользы. Когда выстроили новую дахму и послѣдовательно переносили въ нее скелеты изъ прежней, то въ гробницѣ, закрытой плитой съ именемъ хана Шейбани, скелетъ оказался не полный: не доставало головы. Такимъ образомъ, историческое свидѣтельство подтвердилось археологическими данными, но тутъ услуга взаимная, исторія со своей стороны помогала археологіи, и если бы извѣстіе о смерти Шейбани какъ-нибудь утратилось, то археологъ въ случаѣ вскрытія этой могилы былъ бы поставленъ въ тупикъ неполнотою скелета и началъ бы думать какія-либо толкованія такому странному факту.

5. Г. Бокъ прочелъ: *О коптскихъ орнаментированныхъ древнихъ тканяхъ*. Образцы ткацкаго искусства находятся во многихъ коптскихъ некрополяхъ, въ разныхъ мѣстахъ Египта. Эти ткани, извѣстныя съ 80-хъ годовъ текущаго столѣтія,

такъ же мало изслѣдованы и изучены, какъ и вообще весь коптскій періодъ древне-египетскаго искусства и опредѣлить въ точности время, къ которому можно было бы приурочить коптскія ткани, крайне затруднительно. Прослѣдивъ важные для развитія искусства моменты христіанской эпохи въ Египтѣ, докладчикъ относитъ эти ткани по времени отъ IV по IX—X вѣка.

Исключительнымъ мѣстонахожденіемъ коптскихъ тканей служатъ древнія христіанскія кладбища Египта, расположенныя преимущественно въ долинѣ рѣки Нила. Г. Бокъ нѣкоторыя кладбища впервые открылъ и почти всѣ найденныя ранѣе изслѣдовалъ и осмотрѣлъ. Существованіе подобныхъ кладбищъ, по мнѣнію референта, надо предполагать и еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Египта, особенно вблизи монастырей—Бѣлаго и Краснаго (около Соага), основанныхъ Св. Шнуди и въ группѣ монастырей Уади-Натрунъ, основ. Св. Макаріемъ. Могилы (одиночныя, семейныя и общія; въ послѣднихъ по 6—15 труповъ) вырыты въ гравіи или въ видѣ вертикальныхъ колодцевъ, или съ горизонтальнымъ входомъ и со склепомъ въ концѣ. Открываемыя трупы завернуты въ нѣсколько савановъ, обвязанныхъ веревками; на тѣлѣ надѣтъ родъ сорочки, украшенной тканями; на затылкѣ, плечахъ и пр. сложено нѣсколько туникъ и полотенецъ; на головѣ иногда находятъ колпаки (древнѣйшіе представители кружевного искусства); на ногахъ—вязаные чулки и часто кожаные башмаки. Въ могилахъ попадаются браслеты, кольца, крестики и пр. Трупы привязывались къ доскѣ или парѣ жердей и такимъ образомъ опускались въ могилу. Саваны и туники—льняныя, украшенныя въ разныхъ мѣстахъ узорными тканями, нашитыми или вытканными въ холстѣ.

Отмѣтивъ всѣ особенности въ матеріалѣ и украшеніяхъ туникъ и савановъ, референтъ указалъ, что для выдѣлки тканей употреблялся тотъ же вертикальный гобеленовый станокъ и въ томъ видѣ, какъ онъ изображенъ на нѣкоторыхъ памятникахъ древне-египетскаго искусства и на греческихъ вазахъ.

Въ орнаментации тканей докладчикъ призналъ два ярко выступающіе типа — классическій и христіанскій, при большомъ разнообразіи и переходахъ отъ одного изъ этихъ типовъ къ другому и отъ простѣйшихъ элементовъ: плетушки или сва-

стики до сложных сюжетовъ изъ классической мифологіи и Священнаго Писанія, а также животнаго и растительнаго царства. Референтомъ выдѣлены нѣкоторыя особенности тканей, найденныхъ въ разныхъ некрополяхъ, на примѣръ, Ахмимскія и Фаюмскія, Саккары и кладбища, открытаго имъ въ Верхнемъ Египтѣ, неподалеку отъ Луксора. При этомъ г. Бокъ привелъ историческія соображенія въ объясненіе найденныхъ имъ особенностей тканей. Вліянія арабскаго на коптскихъ тканяхъ, по мнѣнію референта, не замѣчается. Что же касается древне-египетскаго искусства, то оно оставило самыя незначительныя слѣды.

Отмѣтивъ, затѣмъ, всѣ коллекціи коптскихъ древностей и тканей въ разныхъ государствахъ Европы и способы составленія ихъ, докладчикъ перешелъ къ демонстраціи образцовъ тканей изъ собранія, принадлежащаго съ весны прошлаго года Императорскому Эрмитажу и составленнаго г. Бокомъ изъ 2.000 слишкомъ экземпляровъ во время командировки его въ Египетъ въ 1888—89 годахъ. При демонстраціи г. Бокомъ было отмѣчено сходство найденныхъ на Кавказѣ и хранящихся въ Историческомъ Музеѣ — одного образца ковроваго тканья и нѣсколькихъ безподобныхъ шелковыхъ образцовъ съ таковыми же ковровыми тканями Коптовъ и шелковыми тканями, находимыми въ коптскихъ могилахъ.

27.

22-ГО ЯНВАРЯ. 2 Ч. ДНЯ.

Отдѣленіе III. Памятники искусствъ и художествъ.

Почетный Предсѣдатель—Др. Гремплеръ.

Предсѣдатель Отдѣленія И. Е. Забѣлинъ.

Секретарь Отдѣленія В. И. Сизовъ.

1. Д. В. Айналовъ прочелъ докладъ *О нѣкоторыхъ классическихкихъ и христіанскихъ древностяхъ на Выставкѣ.*

Докладъ касался, главнымъ образомъ, изображеній (фантастическаго животнаго) на древней греческой вазочкѣ коллекціи Н. Л. Шабельской и мозаичной иконѣ св. Николая, изъ собранія Кіевскаго Церковно-Археологическаго Общества.

2. И. В. Цвѣтаевъ прочелъ: *„Изученіе римскихъ катакомбъ и его задачи въ будущемъ“.* Въ первой части доклада, посвященной исторіи изученія катакомбъ, референтъ остановился прежде всего на трудахъ „Колумба римскихъ катакомбъ“, остававшихся въ забвеніи съ IX по XVII в., знаменитаго Антоніо Бозіо, который, при замѣчательной энергіи и эрудиціи, открылъ, изслѣдовалъ и описалъ въ своей *Roma sotterranea* (издано по смерти автора, въ 1634 г., мальтивскимъ орденомъ). Трудъ этотъ возбудилъ непрерывавшееся съ тѣхъ поръ вниманіе къ катакомбамъ, но вниманіе не научное: катакомбы посѣщались путешественниками и усердными искателями гробовъ святыхъ, и между тѣмъ какъ ученые по годамъ не спускались туда (Боттари издавалъ рисунки Бозіо, ни разу не побывавъ въ катакомбахъ), въ нихъ варварски хозяйничали копатели, безжалостно разрушая и расхищая драгоценные памятники древности. Со второй половины прошлаго вѣка присоединился сюда еще новый родъ хищничества: по примѣру d' Agincourt' а, увезшаго съ собой нѣсколько образцовъ живописи изъ катакомбъ, хищники стали выламывать и вывозить произведеніе живописи: погибла масса медальоновъ, разрушены цѣлыя стѣны и потолки. Лишь съ нынѣшнимъ столѣтіемъ дѣло измѣнилось и наступилъ періодъ сохраненія и серьезнаго изученія памятниковъ. Основаніе

международнаго археологическаго института въ Римѣ благодарительно отозвалось и на изученіи катакомбъ, о которыхъ появились труды Сеттене, Бертолини, Висконти, Либуса, Секки, Рауля Рошетта и другихъ. Французское правительство въ 40-хъ годахъ снарядило экспедицію для изученія и описанія катакомбъ и дало на нее 240.000 фр. Съ 1841 г. начались труды отца Марки и знаменитаго ученика его Джованни Баттиста де Росси. Марки издалъ *Architettura della Roma Sotterranea*, и труды его продолжалъ затѣмъ де Росси. Послѣ 22 лѣтъ подготовительныхъ работъ онъ началъ свое знаменитое изданіе *Roma Sotterranea* и съ 1864 года издалъ три колоссальныхъ тома. Впродолженіе полувѣковой дѣятельности, де Росси, кустодъ и директоръ раскопокъ катакомбъ, достигъ глубокаго знанія христіанскихъ древностей, въ которомъ не можетъ съ нимъ равняться никто, и, возбудивъ своими трудами массу полезныхъ трудовъ въ Европѣ и Америкѣ, онъ остается колоссомъ между изслѣдователей катакомбъ. Но какъ ни громадны его познанія, какъ ни всесторонни его описанія катакомбъ (къ сожалѣнію громадность труда не даетъ и возможности надѣяться, чтобъ тою же рукою было доведено до конца это громадное описаніе),—остаются частные вопросы, въ разработкѣ которыхъ и другіе могутъ принести пользу дѣлу. Таково—изданіе живописи катакомбъ. До 1840-хъ годовъ изслѣдователи пользовались рисунками Бозио, передававшими содержание, но не формы подлинниковъ. Роскошное изданіе французской экспедиціи въ 40-хъ годахъ (Перре) не имѣетъ никакой научной цѣны по крайней неточности рисунковъ: они лишь набрасывались на мѣстѣ, а отдѣлывались и раскрашивались въ Парижѣ, по отмѣткамъ работавшихъ въ Римѣ. Несравненно выше стоятъ рисунки, изданные де Росси въ *Imagines Selectae Desparae Virginis* (1853 г.) и въ *Roma Sotterranea*. Но здѣсь де Росси слишкомъ зависѣлъ отъ художника (изображеніе Божіей Матери въ катакомбахъ Присциллы сдѣлано для него совершенно различно двумя художниками). Эти рисунки не могутъ удовлетворить научнымъ требованіямъ, что происходитъ и отъ изготовленія ихъ обычнымъ, дешевымъ способомъ, и отъ крайней трудности работы въ катакомбахъ, и отъ недосуга де Росси, при массѣ его ученыхъ и административныхъ работъ. И такъ желательно новое изданіе живописи. Нужны копіи ббльшаго масштаба,

сдѣланныя болѣе художественно и съ примѣненіемъ для подготовительныхъ работъ хорошей фотографіи. Англичанинъ Паркеръ сдѣлалъ альбомъ фотографій съ живописи катакомбъ, но личный опытъ, при занятіяхъ въ катакомбахъ въ 1889 г., убѣдилъ докладчика (работавшаго вмѣстѣ съ русскимъ художникомъ Э. П. Рейманомъ и фотографомъ-спеціалистомъ Лукетти) — 1) въ научной непригодности этого альбома 2) въ крайней трудности фотографической работы въ катакомбахъ, требующей большого терпѣнія, времени и самоотверженія. Отправляясь изъ Рима въ 8 ч. утра и возвращаясь къ 6-и, докладчикъ и его спутники успѣвали снять 4—8 негативовъ.

За фотографіей слѣдуетъ главная и трудная часть работы—рисунокъ, для котораго кальки съ фотографіи служатъ лишь основой. Работа крайне трудна, при тяжести гигиеническихъ условій катакомбъ, при трудности приспособленія освѣщенія (запрещены лампы или много свѣчей, и для яснаго освѣщенія нужно электричество), при блѣдности выцвѣтшихъ красокъ и грязномъ фонѣ. Наконецъ, главное и трудно выполнимое условіе-- талантливость и преданность дѣлу живописца. Но при соблюденіи этого условія возможны благіе и плодотворные результаты работы. Какъ опытъ въ этомъ родѣ докладчикъ представилъ собранію рисунки, сдѣланные подъ его наблюденіемъ и составляющіе начало предположеннаго „Сборника образцовъ живописи римскихъ катакомбъ за первые 4 вѣка“. Въ заключеніе своего реферата, г. Цвѣтаевъ представилъ собранію многочисленныхъ копій съ фресокъ, снятыя имъ въ катакомбахъ, вмѣстѣ съ нашимъ римскимъ художникомъ, Э. П. Рейманомъ, зимою 1889 г. И по своему большому масштабу, и по необыкновенной точности, къ которой стремился г. Рейманъ, выставленныя акварели возбудили общее вниманіе присутствовавшихъ въ засѣданіи. И въ публикѣ и въ администраціи Съѣзда высказывались желанія, чтобъ эти образцы древнѣйшей христіанской живописи были сначала помѣщены на выставкѣ, а потомъ достойнымъ образомъ изданы въ краскахъ.

3. Н. М. Ядринцевъ прочелъ: „*О слѣдахъ азіатской культуры въ южно-русскихъ и скиѣскихъ древностяхъ*“. Съ Геродота изслѣдователи утверждаютъ, что скиѣы — азіатскаго происхожденія. Но новыя попытки сблизать вещи скиѣскія съ чудскими, финнскими и сибирскими доселѣ не имѣли для

себя достаточнаго матеріала, нынѣ, наконецъ, богато собраннаго въ мѣстныхъ музеяхъ. Докладчикъ разсмотрѣлъ сначала скиѣскіе котлы и сблизилъ ихъ съ такими же котлами, находимыми въ западной сибери, въ Барнаульскомъ округѣ, въ Алтаѣ и въ Минусинскомъ округѣ (въ одномъ Минусинскомъ музеѣ ихъ 23, въ Томскомъ университетѣ—14); восточно-азиатское происхожденіе этихъ жертвенныхъ котловъ несомнѣнно. Далѣе докладчикъ сблизалъ скиѣскіе боевые топоры съ тѣми, которые во множествѣ находятся въ Алтаѣ и Саянахъ и отчасти доселѣ сохраняются у киргизовъ. Затѣмъ, мечъ скиѣовъ—переходъ отъ кинжала, съ рукояткой, близкой къ алтайскимъ бронзовымъ эфесамъ и часто тождественной съ ними, но не имѣющей никакого сходства съ западными, какъ доказалъ уже проф. Анучинъ. Зеркала, подобныя скифскимъ, массой находятся въ алтайскихъ могильникахъ, и имѣли на Востокѣ религіозное значеніе. И такое сблизеніе является между множествомъ предметовъ, до украшеній включительно. Далѣе референтъ указывалъ на курганы скиѣовъ, камни вокругъ ихъ могильниковъ, на каменные бабы на югѣ Россіи, на кочевыя кибитки скиѣовъ, обрядъ убіенія людей и животныхъ на могилѣ, и способъ убіенія послѣднихъ (по Геродоту): для всего этого есть параллели у азиатскихъ народовъ. Вообще, сравненіе добытаго мѣстнаго матеріала можетъ освѣтить древнія показанія, и изученіе восточной культуры въ состояніи пролить свѣтъ и на такую древнюю культуру, какова скиѣская. Пособить же выполненію этой задачи могутъ лишь мѣстные музеи.

4. В. М. Михайловскій прочелъ: *Первобытное искусство и образное письмо (пиктографія) по этнографическимъ даннымъ*. Докладчикъ указалъ на значеніе въ историческихъ наукахъ историческаго метода. Этнографія представляетъ главный матеріалъ для сравнительнаго изученія первобытно-археологическихъ фактовъ. Доселѣ мало пользовались этнографіей для изученія первобытнаго искусства. Цѣль доклада—доказать возможность такой работы. Предметомъ докладчикъ избралъ рисунки дикарей, по причинѣ связи такого рода первобытнаго искусства съ началомъ письма.

На шести таблицахъ были представлены 45 изображеній рисунковъ Бушменовъ въ южной Африкѣ, Австралійцевъ, дикарей Бразиліи, Эскимосовъ въ С. Америкѣ, Чукчей на Сѣверѣ Азіи. Начертанія на скалахъ по Енисею и Шаман-

скіе бубны у алтайцевъ и остяковъ, съ символическими рисунками на кожѣ, представляютъ переходъ къ образному письму и напоминаютъ пиктографію у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. У послѣднихъ представляется возможность прослѣдить всѣ ступени въ развитіи письма отъ образнаго до іероглифовъ, выражающихъ фонетическіе слоги и наконецъ самыя простыя элементы звуковъ (буквы). Календарь-лѣтопись племени Дакота, отрывокъ шаманской хартіи, племени Одумбуэ и пиктографическое письмо одного краснокожаго къ сыну послужили образчикомъ образнаго письма. Слѣдующая стадія—переходъ отъ идеографическаго письма къ фонетическому, при помощи іероглифовъ, передающихъ слоги—была указана у Ацтековъ. Азбука племени Майя, на Юкатанѣ, заключила процессъ развитія американскихъ іероглифовъ. Слѣды подобнаго хода въ образованіи іероглифовъ были указаны докладчикомъ въ іероглифахъ Египта и въ вавилоно-ассирійской клинописи. Въ заключеніе докладчикъ отмѣтилъ, что различные роды искусства (рисунокъ, орнаментъ) и культура у разныхъ дикихъ народовъ распредѣлены неравномѣрно. Такіе напр. дикари, какъ Бушмены, признаваемые однимъ изъ низшихъ по развитію народа, стоятъ въ искусствѣ выше болѣе цивилизованныхъ кафровъ.

28.

22 ЯНВАРЯ. 7¹/₂ ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА.

Отдѣленіе IX. Памятники археографическіе.

Почетный Предсѣдатель В. С. Арсеньевъ.

Предсѣдатель Отдѣленія Баронъ Ѡ. А. Бюлеръ.

Секретарь Отдѣленія Графъ Н. С. Ланской.

1. А. А. Дмитриевскій сдѣлалъ докладъ подъ заглавіемъ—*Архивъ Греческаго Нѣжинскаго братства*. Архивъ этотъ сохранился не въ цѣломъ видѣ: онъ значительно пострадалъ отъ расхищенія прежними владѣтелями и небрежнаго храненія настоящими. Въ немъ, однако, сохраняются документы, весьма любопытные для исторіи колонизаціи южно-русскаго края. По сохранившимся документамъ довольно рельефно характеризуются внутренней и виѣшній бытъ названнаго общества и его отношенія къ мѣстному населенію. Въ заключеніе референтъ просилъ членовъ Съѣзда принять зависящія мѣры къ сохраненію этого злополучнаго архива.

2. А. А. Гоздаво-Голомбѣевскій—прочелъ докладъ: *О столахъ Разряднаго приказа въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XVII вѣка*. Референтъ прежде всего указалъ на невѣрность метода профессора Загоскина, писавшаго о столахъ Разряда. Проф. Загоскинъ положился на распредѣленіе дѣлъ по столамъ, существующее въ настоящее время въ Архивѣ Министерства Юстиціи, между тѣмъ это распредѣленіе приходится признать совершенно произвольнымъ. Вслѣдствіе этого, референтъ приходитъ къ заключенію, что для рѣшенія вопроса о столахъ, нужно найти другое средство, и такимъ средствомъ, по его мнѣнію, являются старыя описи (1668 г.) и особый видъ „Записныхъ книгъ“ приказа („реестры входящихъ“ нашего времени). На основаніи изученія этихъ двухъ видовъ документовъ, А. А. Голомбѣевскій приходитъ къ заключенію, что въ 60 и 70 гг. XVII вѣка въ Разрядѣ было не 9 столовъ, а всего только пять: *Московскій, Новгородскій, Хлѣбный, Приказный* или *Послужной* и *Денежный* (остальные столы возникли позднѣе). Каждый столъ дѣлился на повытья,

находившіяся въ завѣдываніи старыхъ подъячихъ со справою. *Московскій* столъ велъ подробныя записи всѣхъ выдающихся событій государственной и дворцовой жизни, затѣмъ вѣдалъ высшій классъ служилыхъ людей, полковыя дѣла (и то и другое исключая новгородскаго разряда) и составлялъ „годовыя смѣтныя книги“, т. е. отчеты о состояніи государства въ военномъ отношеніи. Кромѣ того, къ московскому столу принадлежала территорія приблизительно въ 90 городовъ „Рязанскихъ“, „Замосковныхъ“, „Заоцкихъ“, „Тульскихъ“ и Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ. Старые города вѣдались столомъ только въ военномъ отношеніи „службой“, южные же во всѣхъ отношеніяхъ, исключая доходовъ денежныхъ и хлѣбныхъ, и судныхъ дѣлъ, которые вѣдались въ другихъ столахъ, при чемъ нѣкоторые изъ этихъ городовъ вѣдались въ Разрядѣ, а не въ Помѣстномъ приказѣ. Въ *Новгородскомъ* столѣ было до 30 городовъ, при чемъ одни „замосковные“ вѣдались только „службою“, а города „Новгородскаго разряда“ во всѣхъ отношеніяхъ, исключая денежныхъ доходовъ. Третій столъ *Хлѣбный* имѣлъ территорію въ 8 городовъ Сѣвскаго полка, кромѣ того, вѣдалъ хлѣбные запасы, посылку хлѣба на Донъ и постройку съ этою цѣлью судовъ („донской отпускъ“ и „струговое дѣло“). *Приказный* столъ велъ списки службъ, раненымъ, убитымъ, плѣннымъ, какъ русскимъ, такъ иноземцамъ, вѣдалъ пріемъ и допросъ выходцевъ изъ-за рубежа и пр. Въ этомъ столѣ сосредоточивалась судебная дѣятельность приказа и свѣдѣнія о подсудимыхъ. Кромѣ того, частью въ самой Москвѣ, столу принадлежала полицейская власть: такъ, сюда подавались „обѣзжими головами“ — „обѣзжія книги“, составлявшіяся для обереганія города отъ пожаровъ. Приказный столъ имѣлъ сравнительно небольшую территорію, а именно Тамбовъ и Козловъ съ пригородами. Наконецъ, послѣдній столъ — *Денежный* — вѣдалъ (приблизительно по 70 южнымъ городамъ) всѣ денежные, таможенные, кабацкіе и оброчные доходы, а также выборъ, назначеніе и отчетность головъ, цѣловальниковъ и откупщиковъ этихъ статей. Въ заключеніе референтъ высказалъ, что въ своемъ сообщеніи онъ желалъ указать только методъ, окончательное же рѣшеніе вопроса о кругѣ дѣятельности каждаго стола потребуетъ еще дальнѣйшей работы.

3. *Ө. Ө. Лашковъ* сдѣлалъ сообщеніе:—*Къ вопросу объ устройствѣ губернскихъ историческихъ архивовъ.* Начало губер-

скимъ историческимъ архивамъ уже положено Тамбовскою, Таврическою, Рязанскою и Саратовскою архивными комиссіями, другія также работаютъ въ этомъ направленіи. Значеніе такихъ архивовъ въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ не подлежитъ сомнѣнію. Необходимо, поэтому, дать комиссіямъ и историческимъ при нихъ архивамъ прочное и обеспеченное положеніе, съ цѣлью гарантировать дальнѣйшее ихъ развитіе. Для достиженія этого референтъ полагаетъ слѣдующее: 1) приспособить какое-либо казенное зданіе изъ числа имѣющихся въ каждомъ губернскомъ городѣ для помѣщенія историческихъ архивовъ, ибо они не имѣютъ теперь своего помѣщенія; 2) поставить во главѣ его ученаго архивиста; 3) обезпечить комиссіи въ матеріальномъ отношеніи, опредѣливъ имъ на печатаніе описаній, указателей архивовъ, вообще на разработку мѣстнаго архивнаго матеріала небольшую субсидію, по крайней мѣрѣ въ размѣрѣ 200 руб. ежегодно (въ настоящее время комиссіи издаютъ свои труды на свои послѣднія средства, которыя составляются путемъ единовременныхъ пожертвованій или членскихъ взносовъ, во всякомъ случаѣ не обезпечивающихъ комиссіи). Комиссіи и историческіе архивы стѣснены въ своей дѣятельности еще тѣмъ, что по правиламъ объ архивной части въ губерніяхъ, изданнымъ до обнародованія въ 1884 г. Положенія объ ученыхъ архивныхъ комиссіяхъ и губернскихъ историческихъ архивахъ, занятія въ архивахъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій разныхъ вѣдомствъ и получение оттуда справокъ допускаются только для лицъ, служащихъ въ данномъ учрежденіи и, слѣдовательно, съ оффиціальной точки зрѣнія, губернскіе и уѣздные архивы стоятъ особнякомъ отъ мѣстнаго историческаго архива и архивной комиссіи. Кромѣ того, въ силу Положенія объ ученыхъ архивныхъ комиссіяхъ, послѣднія составляютъ историческій архивъ изъ дѣлъ, предназначенныхъ тѣмъ или другимъ губернскимъ и уѣзднымъ учрежденіемъ къ уничтоженію, но о дѣлахъ, хранящихся въ архивѣ такого учрежденія и ненужныхъ для канцелярскаго дѣлопроизводства, хотя важныхъ въ научномъ отношеніи, Положеніе не говоритъ. Необходимо, поэтому, прибавить еще одинъ пунктъ, въ силу котораго архивныя комиссіи имѣли бы *оффиціальное* право на безпрепятственныя занятія во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ, съ правомъ переводить дѣла, изъ числа хранящихся

въ послѣднихъ—въ историческій, не утруждая, какъ теперь это дѣлается, подлежащее Министерство ходатайствами о дозволеніи переводить дѣла послѣдняго рода. Въ заключеніе референтъ указалъ на то, что въ результатѣ само собою возникаетъ вопросъ о признаніи архивныхъ комиссій отдѣленіями главной Археографической Коммиссіи съ извѣстными, закономъ установленными, правами.

4. В. В. Птицынъ прочелъ два реферата: а) *Киренскій архивъ* и в) *Остатки архивовъ и древностей въ г. Илимскѣ, Иркутской губерніи*. Киренскъ, захолустный уѣздный городъ Иркутской губерніи, въ 1.028 верстахъ отъ Иркутска къ сѣверу, на берегу Лены при впаденіи въ нее рѣки Кирети; онъ переименованъ изъ Никольскаго погоста, основаннаго въ 1630 году первымъ завоевателемъ Амура, Хобаровымъ. До 1783 года Киренскъ находился подъ вѣдѣніемъ Илимскаго острога и его воеводской канцеляріи и поэтому, вѣроятно, въ Киренскомъ архивѣ нѣтъ никакихъ дѣлъ изъ времени его существованія до 1783 года. Въ числѣ дѣлъ, относящихся къ послѣдующимъ годамъ, даже при поверхностномъ обзорѣ падаются любопытные историческіе документы. Такъ, въ бумагахъ за 1728 годъ падаются распоряженія объ оказаніи помощи путешественнику Мессершмидту; въ дѣлахъ за 1740 г. есть документы и бумаги о Берингѣ; въ дѣлахъ конца XVIII вѣка встрѣчаются предписанія и бумаги о Миллерѣ и Фишерѣ и о какой-то ученой экспедиціи въ Камчатку. Есть свѣдѣнія, что были дѣла и XVII вѣка, но теперь уже ихъ нѣтъ. Помѣщается архивъ въ холодномъ городскомъ зданіи, и не имѣетъ описей. Референтъ возбуждаетъ мысль о томъ, нельзя ли для разбора погибающаго Киренскаго архива, а равно и другихъ сибирскихъ архивовъ, примѣнить ту же мѣру, которую примѣнилъ г. забайкальскій губернаторъ Барабашъ къ Селенгинскому архиву: разрѣшивъ разобрать и описать этотъ архивъ жившему въ Селенгинскѣ административно-ссылному Шамарину. Въ Киренскѣ это еще болѣе возможно, такъ какъ тамъ есть около десяти человѣкъ сравнительно образованныхъ ссыльныхъ. Въ подтвержденіе своей мысли, референтъ указалъ на примѣръ метеорологическихъ станцій въ Восточной Сибири. Почти всѣ онѣ находятся въ завѣдываніи административно-ссылныхъ, и безъ нихъ было бы совершенно невысказано самое существованіе метеорологическихъ станцій въ Иркутской губ., Забайкальской и

особенно въ Якутской областяхъ. Въ Киренскомъ архивѣ хранятся также дѣла съ 1728 по 1762 годъ Илимскаго воеводства и г. Илимска, архивамъ котораго посвященъ второй рефератъ В. В. Птицына. Въ Илимскѣ было два архива: *городской* и *церковный*. Послѣдній въ 1730 году, въ ожиданіи ревизіи послѣ присоединенія Илимска къ Иркутской епархіи, былъ подоженъ и почти весь сгорѣлъ. Теперь въ этомъ архивѣ находятся дѣла только съ 1800 г. Въ *городскомъ* архивѣ года два тому назадъ еще хранились старинные столбцы, скатанные въ трубку, но потомъ они исчезли неизвѣстно куда. До прошлаго, 1888 г., остатки городского архива свалены были въ кучу въ темномъ и грязномъ чуланѣ безъ всякаго присмотра и запора, но въ этомъ году секретарь илимской городской думы, г. Владиславъ Можевичъ, по собственной инициативѣ, перенесъ этотъ архивъ въ чистую и свѣтлую комнату въ зданіи старой сборной избы и разобралъ дѣла по годамъ, но описи дѣламъ не успѣлъ еще составить. Дѣла въ этомъ архивѣ онъ нашелъ только съ 1817 года. Въ заключеніе референтъ указалъ на остатки древностей въ г. Илимскѣ. Оба сообщенія г. Птицына имѣютъ цѣлью обратить вниманіе на печальное состояніе захолустныхъ архивовъ, которые расхищаются, причемъ пропадаютъ интересные документы.

29.

22 ЯНВАРЯ. 7¹/₂ ЧАС. ВЕЧЕРА.

(Въ кабинетъ Предсѣдателя Музея).

Отдѣленіе II. Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный Предсѣдатель Проф. В. З. Завитневичъ.

Предсѣдатель Отдѣленія Проф. В. Б. Антоновичъ.

Секретарь Отдѣленія П. Н. Милюковъ.

1. Проф. Н. И. Веселовскій прочелъ докладъ: *Иванъ Даниловъ Хохловъ*. — У насъ весьма рѣдки свѣдѣнія о предшествовавшей жизни посланниковъ Московской Руси, о школѣ, въ какой могли вырабатываться эти характеры, замѣчательные непоколебимой стойкостью и вѣрностью долгу. Докладчикъ отчасти привелъ, отчасти изложилъ свѣдѣнія такого рода, имѣющіяся объ Иванѣ Хохловѣ, посланномъ въ 1620 г. въ Бухару. Боярскіе дѣти, Василий и Иванъ Хохловы выступаютъ на службу стрѣлецкими головами въ Казани, по мѣсту родины. Въ 1606 г. Иванъ отбывалъ годовую службу на Терекѣ, когда пріѣхалъ туда же Василий, приводитъ терцевъ къ присягѣ царю Василию. Терскіе люди креста не цѣловали, Хохловыхъ же избили и продержали въ тюрьмѣ полтора года, а затѣмъ отослали Ивана въ Астрахань, откуда, впослѣдствіи, Заруцкій отправилъ его неволею, какъ говоритъ Хохловъ, посломъ отъ себя и отъ Марины къ персидскому Шаху Аббасу. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приказалъ своему послу, Тихонову, объяснить Шаху положеніе дѣлъ на Руси и требовать выдачи Хохлова, пребывавшаго тогда еще въ Персіи. Шахъ согласился на выдачу Хохлова, (который, по пріѣздѣ пословъ, принесъ имъ повинную), но при этомъ просилъ Царя о совершенномъ помилованіи Ивана, и все время пребыванія пословъ, оказывалъ вниманіе и Хохлову. По пріѣздѣ въ Россію Хохлову назначено жить за приставомъ. Спустя нѣкоторое время онъ подаль, однако, челобитную, въ которой говорилъ, что посланъ былъ въ Персію неволею и государеву имени ни въ чемъ тамъ поруки не

учинилъ. Наряженное слѣдствие доставило благопріятные для Хохлова отзывы о пребываніи его въ Персіи, и Хохловъ былъ отпущенъ на поручную, а затѣмъ и поручная ему возвращена. Въ 1620 г. „бухарскій царь Имамъ Кулій“ просилъ объ установленіи дружественныхъ, главнымъ образомъ торговыхъ, сношеній съ Россіей. Указано „послать изъ казанцевъ дворянина добра, кто напредъ того бывалъ въ Ногаяхъ и въ иныхъ земляхъ для посольскаго дѣла“. Выбрали Хохлова, который собрался въ недѣлю, „займучи деньги въ кабалы“, чтобъ не терять времени. Что претерпѣлъ Хохловъ отъ Туркменъ, Хивинцевъ и Бухарцевъ, подробно изложено въ превосходномъ статейномъ спискѣ Хохлова, напечатанномъ въ сборникѣ кн. Хилкова. Къ числу заслугъ его относится возвращеніе русскихъ плѣнныхъ и привлеченіе на русскую службу царевича хивинскаго Авгана. Убытковъ Хохлову за посольство учинилось 472 рубля. За посольство Хохловъ былъ пожалованъ наградами, и убытки уплачены ему по челобитной и росписи.

2. А. О. С е л и в а н о в ы м ъ былъ прочтенъ докладъ И. И. Д у б а с о в а : — „Объ Онозѣ на Воронежѣ“.

Цѣль доклада — указать на замѣчательные историко-археологическіе пункты, которыми богата Тамбовская губернія, доселѣ остававшаяся внѣ научно-исторической работы. Докладчикъ указываетъ на извѣстную *Кузьмину Гать*, стоянку Мамаю передъ Куликовской битвой; на *Урлановы городища*, на мѣстѣ которыхъ въ 1636 г. построенъ Тамбовъ (доселѣ „урланъ“ у мѣстнаго населенія значитъ — грубый силачъ-обидчикъ); на *Волотову Могилу*, многія городища (напр. Ширингушское и Виндреевское), городки, курганы, могильники, пещеры и *черты*. Что касается Онози, то лѣтопись говорить, что Батый „ста на рѣкѣ на Воронежи на Онозѣ и взяю плѣномъ“ и тутъ зимовалъ въ 1237 г. Погодинъ, Надеждинъ, Соловьевъ признавали Онозой разныя рѣки той мѣстности. Но по смыслу лѣтописи рѣчь идетъ не о рѣкѣ, а о городѣ. Довольно удовлетворительнымъ представляется мнѣніе покойнаго тамбовскаго протоіерея о. С. А. Березнеговскаго, изложенное въ рукописи, нынѣ находящейся у докладчика. Разсматривая удобства окрестныхъ мѣстъ для продолжительной военной стоянки, о. Березнеговскій полагаетъ, что Оноза лежала на обширной равнинѣ при слияніи Польной и Лѣсной Воронежи, въ 10 верстахъ отъ Корсова,

защищенной съ сѣвера дремучимъ лѣсомъ. И. И. Дубасовъ полагаетъ необходимымъ произвести продолжительное археологическое изслѣдованіе данной мѣстности и сообщаетъ надежду на труды Тамбовской Архивной Коммиссіи для изученія Тамбовской старины.

3. А. А. И в а н о в с к і й сообщилъ: — „Къ вопросамъ: а) о существованіи совмѣстнаго обряда погребенія и сожженія; б) о каменныхъ бабахъ и в) о надгробныхъ камняхъ — по даннымъ современной этнографіи“.

Въ засѣданіи 20 января гг. Завитневичъ, Смирновъ и Анучинъ говорили о значеніи этнографіи для археологіи и высказали желаніе о возможно широкомъ примѣненіи въ археологіи сравнительнаго метода. Присоединяясь къ ихъ мнѣнію, докладчикъ, съ своей стороны, пробуетъ приложить къ тремъ вопросамъ археологіи данныя этнографическія, добытыя имъ въ поѣздкахъ: 1888 г. на Китайскую границу къ Киргизамъ и въ 1889 г. къ Тарбагайскимъ торгоутамъ Кит. Имперіи.

У торгоутовъ (потомки части западно-монгольскихъ ордъ) доселѣ существуетъ рядомъ сожженіе и „погребеніе“. Сожигаютъ: 1) духовныхъ лицъ (за исключеніемъ, крайне рѣдкимъ, случая доказаннаго нарушенія объѣта безбрачія), для лицъ, коимъ безбрачіе обязательно); 2) князей областей (у торгоутовъ имя этихъ князей „ванъ“ или „банъ“, у киргизовъ „онъ“; у тарбагайскихъ торгоутовъ ихъ 3, у алтайскихъ — 5); 3) лицъ особенно и всеобще почтенныхъ, любимыхъ и уважаемыхъ при жизни. Сожженіе женщинъ крайне рѣдко: но 18 лѣтъ тому назадъ сожжено было тѣло матери, родившей 28 дѣтей. Остальные трупы бросаются на съѣденіе собакамъ.

Съ сожженіемъ соединена постановка бабъ. Пепель умершаго смѣшивается съ глиной, изъ коей лѣпится изображеніе его, которое и ставится на мѣстѣ сожженія. Эти глиняныя бабы, какъ и древнія каменныя, называются „кошачулу“. Отмѣну постановки каменныхъ бабъ торгоуты объясняютъ совѣтомъ знаменитаго ихъ героя Мэркыта и землетрясеніемъ, при которомъ разбились каменныя бабы. Въ правой рукѣ каждой бабы необходимъ сосудъ, чтобъ положить въ него часть пепла: часть эта нужна будетъ ангелу для воскрешенія умершаго (у погребенныхъ для этого служатъ волосы). Когда бабы дѣлались изъ камня, пепель клался подъ бабу, а часть — въ чашку. Кинжалъ при поясѣ изображается у лицъ, носившихъ его при жизни: поэтому нѣтъ кин-

жала у изображеній духовенства. Крайне рѣдкіе случаи, гдѣ кинжалъ не виситъ поверхъ пояса, а заткнутъ за поясъ, указываютъ, что такъ носилъ кинжалъ покойный князь послѣднее время жизни, въ знакъ того, что, по старости или иной причинѣ, отказался отъ власти въ пользу старшаго сына. Кружки, вершка 1½ въ діаметрѣ, привѣшенные къ поясу— тѣ мѣшечки, что и теперь носятъ торгоуты, храня въ нихъ жирный лоскутъ для смазки тетивы лука.

Могилъ съ предшествующимъ *рядомъ камней*, идущимъ на востокъ, докладчикъ видѣлъ 60 (изъ коихъ 40 на вершинахъ Тарбагатая). Это такіе-же ряды, (каждый камень не выше аршина), какіе видѣли гг.: Потанинъ въ Сѣв.-Зап. Монголіи, Клеменць—въ Минусинскомъ округѣ, Ядринцевъ на Алтаѣ, въ долинѣ Кок-су и на Орхонѣ. Китайскія лѣтописи говорятъ, что это могилы дулгасовъ, народа жившаго на южномъ склонѣ Алтая, и что дулгасы ставили при могилѣ обликъ покойнаго и описаніе сраженій, гдѣ онъ бился, а рядъ камней указываетъ на число убитыхъ имъ враговъ („О народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена“ перев. о. Такиноа, Спб. 1851, ч. I, стр. 270). Докладчикъ считаетъ это объясненіе неправдоподобнымъ и взамѣнъ его указываетъ на обычай, доселѣ встрѣчающійся (и постепенно исчезающій) у Китайскихъ Киргизовъ: каждый изъ родственниковъ умершаго, присутствующій на погребеніи, приноситъ съ собою и кладетъ на могилу камень, какой ему подѣ силу. Прежде и Киргизы ставили камни въ рядъ, причинъ перемѣны они приводятъ двѣ: 1) сохраненіе могилъ отъ волковъ, 2) наступленіе у нихъ бѣдности въ землѣ: земля съ камнями принадлежитъ покойникамъ и на ней нельзя ни ставить кибитки, ни пасти скотъ.

Что касается направленія рядовъ на *востокъ*, куда обращены лицомъ и бабы на могилахъ, то это докладчикъ объясняетъ религіозными вѣрованіями, по которымъ, можетъ быть, душа должна была идти на востокъ въ рай.

4. Н. Л. Гондатти прочелъ докладъ Н. Е. Бранденбургъ:—*„Къ вопросу о каменныхъ бабахъ“*.

Докладчикъ указывалъ, что при крайней нынѣ рѣдкости находенія каменныхъ бабъ (на югѣ Россіи) на мѣстѣ ихъ первоначальной постановки и при чрезвычайной шаткости данныхъ, на основаніи которыхъ предполагается то или другое рѣшеніе вопроса о нихъ,—весьма большой интересъ и

сохраняють и получают раскопки тѣхъ могильниковъ, на которыхъ остались нетронутыми съ мѣста каменная баба. Въ Мариупольскомъ уѣздѣ известно лишь два такихъ кургана. Одинъ изъ нихъ въ имѣніи К. Я. Петренко, на правомъ берегу рѣчки Каратыша, былъ раскопанъ докладчикомъ въ минувшее лѣто, при содѣйствіи владѣльца имѣнія. Баба на этомъ курганѣ (мужская фигура) обращена лицомъ на востокъ, поверхность кургана устлана битымъ камнемъ, среди котораго найдена другая баба (съ отбитымъ уже верхомъ какъ и первая), прежде выдававшаяся надъ курганомъ и обращенная также на востокъ. Внутри насыпи найдены черепки глиняной посуды, а въ материкѣ углубленныя могилы: двѣ головами на сѣверъ, двѣ — на востокъ (по одному скелету, скорченному и по одному выпрямленному и въ восточномъ и въ сѣверномъ направленіи). Въ могилахъ найдены были глиняные, отлично орнаментированные горшки, каменные орудія и отчасти бронзовые, а въ ногахъ одного скелета черепъ коня. Дно и стѣнки могилъ покрыты бѣлымъ налетомъ.

Указавъ на скиѣскій характеръ этихъ признаковъ, докладчикъ обратилъ вниманіе на то, что скиѣскими же оказались и всѣ доселѣ правильно разрытые могильники съ нетронутыми бабами на нихъ, именно: курганы Чертомлыцкій и Александропольскій и раскопки Мельгунова, еще въ 1763 г., близъ Елизаветграда. „Случай это или нѣтъ — укажетъ будущее, но пока, съ указанными фактами мы необходимо должны считаться“.

30.

23 ЯНВАРЯ. 10 ЧАС. УТРА.

Отдѣленіе VI. Памятники славяно-русскаго языка и письма.

Почетный Предсѣдатель Проф. А. И. Соболевскій.
Предсѣдатель Отдѣленія Проф. А. И. Кирпичниковъ.
Секретарь Отдѣленія С. И. Долговъ.

1. С. И. Долговъ прочелъ рефератъ: *Анонимныя описанія Иерусалима.*

Въ нашей старинной литературѣ, кромѣ ряда описаній Иерусалима и Палестины, составленныхъ паломниками и вошедшихъ въ ихъ Хожденія, есть нѣсколько описаній безыменныхъ. До послѣдняго времени подобныя описанія только заносились въ указатели по нашей Палестинской литературѣ, а ихъ происхожденіе и литературная исторія оставались неизвѣстны. Почти всѣ они относятся къ числу памятниковъ переводныхъ: одни съ латинскаго, другія съ греческаго языка. Въ 1887 году референтъ познакомилъ членовъ М. Арх. Общества съ однимъ, наиболѣе крупнымъ, описаніемъ такого рода, извѣстнымъ въ нашихъ рукописяхъ подъ заглавіемъ „Иерусалимъ каковъ и кое лице его бѣ во время Христова“. Это описаніе составлено въ 1584 г. голландскимъ аббатомъ Христіаномъ Адрихомомъ и съ латинскаго переведено у насъ въ юго-западной Россіи въ 1598 г. Съ латинскаго же или съ польскаго языка переведенъ другой памятникъ литературы этого рода, встрѣчающійся въ нашихъ рукописяхъ подъ заглавіемъ: „Хорографія или топографія сіе сотворенное и извѣстное описаніе Земли Святыя“. Оно принадлежитъ польскому монаху-бернардинцу Ансельму Краковскому, ходившему въ Св. Землю въ 1507—1508 гг. Въ первый разъ это описаніе было издано въ Краковѣ въ 1512 г., русскій переводъ сдѣланъ съ одного изъ послѣдующихъ изданій въ концѣ XVI или началѣ XVII в. Съ греческаго языка переведены 3 анонимныя описанія Иерусалима и Св. Земли. Къ одному изъ нихъ изданный греческій текстъ буквально подходитъ, другое представляетъ особую редак-

цію извѣстнаго греческаго текста,—третье, хотя не встрѣчается въ изданныхъ греческихъ описаніяхъ Іерусалима, но несомнѣнно греческое. Первое—это такъ называемый „Путникъ о градѣ Іерусалимѣ“, изданный въ 1872 г. во Львовѣ извѣстнымъ Галицкимъ ученымъ А. С. Петрушевичемъ. По предположенію Петрушевича онъ составленъ неизвѣстнымъ Галицко-русскимъ паломникомъ между 1597—1607 г. Этотъ „Путникъ“ представляетъ почти буквальный, нѣсколько лишь сокращенный переводъ греческаго анонимнаго проскинитарія, изданнаго Веніаминомъ Іоаннидомъ въ „*Προσχηγητάριον*“ въ 1877 году. Второе описаніе, называющееся въ нашихъ рукописяхъ „Повѣсть къ пользѣ слышащимъ и прочитающимъ о Святѣмъ градѣ Іерусалимѣ“, представляетъ средней текстъ, стоящій то ближе къ анониму, изданному Алляціемъ, то къ проскинитарію Веніамина. Третье описаніе—„Повѣсть о святыхъ и богопроходныхъ мѣстахъ святаго града Іерусалима“—написана въ 1651 г. въ Москвѣ Гаврииломъ, митрополитомъ Назаретскимъ и ексархомъ всея Галилеи.

Референтомъ открыто еще одно анонимное описаніе Іерусалима, весьма важное для изученія текстовъ нашихъ паломниковъ—Василія Позднякова и Трифона Коробейникова; описаніе это относится къ 1531 году, но принадлежитъ ли оно, какъ предыдущія, къ числу памятниковъ переводныхъ, или оригинальное русское, г. Долговъ рѣшить пока не можетъ.

2. А. В. Михайловъ сдѣлалъ сообщеніе: *Древне-русскій Физиологъ*.

„Физиологъ“—сборникъ статей естественно-историческаго содержанія, подобранныхъ съ религіозно-нравственною цѣлію. Каждая изъ статей распадается на двѣ части: въ первой описано какое нибудь (легендарное) свойство животнаго (рѣдко камня или растенія) то дѣйствительно существующаго (левъ, слонъ, ежъ и т. п.), то баснословнаго (финиксъ, харадръ, сирена); во второй—проведена аналогія, параллель между этимъ свойствомъ и жизнью человѣка съ религіозно-нравственной христіанской точки зрѣнія. Источники описательнаго отдѣла памятника кроются въ непроглядной тѣмѣ восточной миеологии, получаютъ литературную обработку въ средѣ греческихъ и римскихъ писателей Александрійскаго періода и въ послѣдней четверти III в. по Р. Х.

въ той же Александріи дають обильный матеріалъ неизвѣстному христіанскому писателю-моралисту, подъ перомъ котораго легендарные рассказы принимаютъ окончательную отдѣлку и, собранные вмѣстѣ, составляютъ на греческомъ языкѣ сборникъ указаннаго типа.

Не имѣя цѣлю разборъ всѣхъ подобныхъ текстовъ извѣстныхъ въ древне-русской литературѣ, референтъ ограничился обзоромъ только одной редакціи этого памятника. На славянскій языкъ „Физиологъ“ этой редакціи былъ переведенъ приблизительно въ XIII в., а м. б. и раньше, и, сохранившись въ двухъ тождественныхъ спискахъ XV ст., восходитъ къ самой древней редакціи греческаго оригинала, дошедшаго до насъ лишь въ болѣе позднихъ изводахъ памятника.

Судьба древняго текста „Физиолога“ въ Россіи въ той редакціи, какая сохранилась въ его полныхъ спискахъ XV в. (изъ коихъ одинъ даже съ рисунками), довольно печальна. До XV столѣтія онъ почти неизвѣстенъ нашимъ предкамъ. Вмѣсто него ходили физиологическіе рассказы—переводъ какой-то другой, надо полагать, разрозненной греческой редакціи оригинала. Эти рассказы входятъ въ толковую Палею и черезъ нее получаютъ особенную популярность въ древне-русскомъ обществѣ, заслоняя, наравнѣ съ физиологическими статьями поэмы Георгія Писиды (переведенной на русскій съ греч. въ 1385 г.), вліяніе текста полной и древнѣйшей редакціи „Физиолога“. Въ XVI—XVII вв. усиленный интересъ, появившійся въ русскомъ обществѣ къ христіанской физиологіи и стоявшій въ зависимости отъ культурнаго движенія вообще и составленія иконописныхъ подлинниковъ (куда въ видѣ цѣлаго отдѣла должны были войти и физиологическія статьи),—въ частности мало содѣйствовалъ популярности древняго текста полного физиолога; спросъ на физиологическія статьи въ данномъ случаѣ былъ удовлетворенъ переводомъ опять новой редакціи греческаго оригинала, тоже разрозненной. Въ новѣйшее время, въ XVII—XVIII—вв. спросъ на „физиологіи“ животныхъ въ Россіи начинаетъ падать: если прежде русскіе интересовались статьями о „разныхъ звѣряхъ и птахахъ“, поскольку онѣ были морализованы, то теперь выступаютъ на первый планъ болѣе практическія соображенія нашихъ предковъ: животныя интересуютъ ихъ своими медицинскими свойствами.

Морализаціи исчезаютъ, и рассказы о животныхъ примыкаютъ къ лѣчебникамъ.

3. А. Д. Карнѣевъ прочелъ докладъ: *Отзвуки физиолога въ живой рѣчи*. Тотъ многовѣковый памятникъ древнехристіанской письменности, который дошелъ до нашихъ дней подъ названіемъ физиолога, привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей своимъ загадочнымъ, чрезвычайно сложнымъ литературнымъ прошлымъ. И однако, въ исторіи прошедшихъ судебъ физиолога поражаетъ не столько его скитальческая жизнь, не столько безчисленныя видоизмѣненія первичной основы и традиціоннаго содержанія, словомъ сказать — не столько видоизмѣненія, происходившія внутри самого памятника, сколько тѣ многоразличныя отраженія, о которыхъ свидѣлствуютъ памятники свѣтской литературы и церковной письменности, извѣстные моменты средневѣковой проповѣди, своеобразный стиль и укладъ церковной архитектуры и орнамента, и т. п. Безспорно, физиологъ оставилъ богатое наслѣдіе, свидѣлствующее о когда-то живомъ прошломъ нашего памятника: такъ, археологическіе слѣды физиологической саги живутъ и понынѣ, въ видѣ цѣлаго ряда образныхъ выраженій, оборотовъ и сравненій, поговорокъ и бранныхъ эпитетовъ. Эти отзвуки физиолога въ живой рѣчи представляютъ несомнѣнный интересъ. Здѣсь любопытно прослѣдить процессъ, приводившій къ сокращенію извѣстнаго баснословно зоологическаго сказанія въ пословицу, въ ходячее образное выраженіе и т. п. Такъ, сказаніе объ аспидѣ обогатило живую рѣчь чрезвычайно распространеннымъ браннымъ эпитетомъ ¹⁾; сказаніе о крокодилѣ сократилось въ весьма извѣстную въ различныхъ языкахъ поговорку — „плакать слезами крокодила“ ²⁾; сказаніе о саламандрѣ вызвало любопытную франц. поговорку — „plus froid que la salamandre“ и т. д. Надо замѣтить, что физиологическая сага весьма рано стала отслюдяться на поговоркѣ, — по крайней мѣрѣ, объ этомъ свидѣлствуетъ Василій В. въ своемъ Шестодневѣ ³⁾. Раз-

¹⁾ У Даля (Толковый Словарь, 1879, р. 27) подъ словомъ „аспидъ“ приведены слѣдующія значенія: „злой человѣкъ, скряга, скарель и пр.“.

²⁾ Въ одномъ греч. сборникѣ XV в. истолкованіе крокодиловыхъ слезъ приписано Василию Великому. Ср. Азбуковникъ (напр., Публ. Рум. Музея, № 521, л. 72 об.); также — Э. Гейбеля, *Lob der edlen Musica* и пр.

³⁾ *Hom. VIII* (ed. Migne, p. 176).

сказывая о сыновней привязанности аиста къ своимъ родителямъ, Василій В. замѣчаетъ: „καὶ οὕτω τοῦτο παρὰ πᾶσι διαβεβόηται, ὥστε ἦδε τινὲς τῆν τῶν εὐεργετημάτων ἀντίδοσιν ἀντιπελάργωσιν ὀνομάζουσι“. Итакъ, физиологическая сага проходила, повидимому, тѣ-же мытарства, какія выпали на долю животной саги вообще. Извѣстно, что многія поговорки являются сокращеніемъ животной сказки, сведенной только къ возможно большей степени краткости. Конечно, извлечение изъ извѣстнаго разсказа краткаго изреченія, сокращеніе его въ пословицу или афоризмъ вовсе не ограничивается одной областью животнаго эпоса: процессъ этотъ часто происходитъ и въ другихъ литературныхъ сферахъ ¹⁾. Но самъ собою напрашивается вопросъ: какъ происходило сокращеніе извѣстнаго сказанія въ краткую пословицу? Нельзя ли предположить, что данное сказаніе при этомъ процессѣ должно было проходить промежуточныя стадіи развитія, и что конечному выводу предшествовалъ сжатый пересказъ сказанія? Исторія физиологической саги даетъ, повидимому, возможность прослѣдить иногда тѣ пути, коими шло извѣстное сказаніе прежде, нежели прійти къ тому пункту, гдѣ оно каменѣло, и гдѣ отъ него сохранялись лишь смутныя намеки въ видѣ эпитета, образнаго сравненія и т. п. Краткія указанія помогутъ иллюстрировать приведенную мысль. Физиологъ древней редакціи (въ главѣ XXVII) рассказываетъ о необыкновенной супружеской вѣрности ворона. Впослѣдствіи, эта черта перенесена была на горлицу. Слав. переводъ, соотвѣтствующей греч. редакціи, такъ передаетъ эту сравнительно позднюю версію: „горлица мужелюбица ἡτᾶ ἔ. да аще бо погибнетъ единъ ею, ὠχодῖ дроугаа въ поустыню и садῖ на оусхлῖ дрєвῖ. плачюшῖ подроуга своῖ“ (эта версія извѣстна и по западно-европейскимъ пересказамъ). Эта черта супружеской вѣрности, приписанная горлицѣ, скоро вошла въ поговорку. Но возможно, что сравненіе вѣрной супруги—вдовы съ горлицей сопровождалось краткимъ пересказомъ всего сказанія. Такъ, Шекспиръ (Winter's Tale, act. v, sc. III), сравнивая Паулину съ горлицей, буквально пересказываетъ суть всего сказанія: I, an old turtle, will wing me to some wither'd bough etc. Подобно

¹⁾ Ср. выраженіе: „онъ на этомъ собаку съѣлъ“ (А. Потебня, Къ исторіи звуковъ русскаго языка, IV, стр. 83) и т. д.

этому, въ легендѣ объ Алексѣѣ, божьемъ человекѣ, не-
вѣста послѣдняго, имъ покинутая, говоритъ слѣдующее:
„горлицы се оуподоблю поустыньелюбицы, единомуужици“
(Starine, XI, p. 189).

Избѣгая дальнѣйшихъ подробностей, остается замѣтить,
что вопросъ объ отзвукахъ физиолога въ живой рѣчи мо-
жетъ быть выясненъ не прежде, какъ будетъ тщательно
собранъ весь относящійся къ данному вопросу матеріалъ ¹⁾.

4. Проф. Н. С. Тихонравовъ прочелъ докладъ, подъ
заглавіемъ: *Новый списокъ „Девгеніева дѣянія“*.

Греческій писатель послѣдней четверти XVIII в. Констан-
тинъ Дапонтеъ, авторъ стихотворной исторіи Византіи, упо-
миная о времени имп. Романа, упоминаетъ также о его со-
временникѣ Дигенисѣ Акритасѣ. Изъ этого извѣстія видно:
а) что существовали на греческомъ двѣ редакціи повѣсти о
Дигенисѣ, б) существовали рукописи съ миниатюрами и безъ
нихъ, в) что уже въ его время поэма была рѣдкостью, и
г) что онъ пользовался редакціей болѣе краткой. Только
въ 1870 г. сталъ извѣстенъ ученому міру греческій текстъ
Дигениса по рукописи Трапезундской, и только въ 1875 г.
онъ былъ изданъ въ Парижѣ Sathas' омъ и Le-Grand' омъ, и
Gidel' емъ было указано важное значеніе его для литерату-
ры византійской и вообще всей западной средневѣковой.
Важень онъ въ частности и для нашей древне-русской ли-
тературы, „потому что древне-русская литература и жизнь
наиболѣе испытали силу византійскаго вліянія церковнаго и
литературнаго“.

Извѣстно было имя Девгенія на Руси ранѣе и помимо по-
вѣсти о Дигенисѣ; такъ въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи подъ
1095 годомъ читаемъ: „Идоша Половцы на Греки съ Дев-
геневицемъ и воеваша на Греки; а царь я Девгеневица и
ослѣпи.“ Подъ Девгеневицемъ (по др. сп. Денгеневиць) ра-
зумѣется здѣсь самозванецъ, выдававшій себя за сына Діоген-
на, сосланный въ Херсонесъ, откуда онъ съ освободившими
его Половцами вторгся во Фракію.

---

¹⁾ Проф. А. И. Кирпичниковъ, послѣ сообщенія настоящихъ замѣтокъ
на съѣздѣ, обратилъ вниманіе референта на византійскія хроники, пред-
лагающія обильный матеріалъ для выясненія вопроса о подробностяхъ
перерожденія физиологическихъ сказаній въ краткій пересказъ, въ ходя-
чую поговорку.

Слѣдующая глава рук. Малкова — „О свадьбѣ Девгенія“ — вполне соотвѣтствуетъ тексту сборн. М.-Пушкина (по выпискамъ Карамзина), но отличается по содержанію отъ соотвѣтствующей главы (5-й) Трапезундской рук. Изъ анализа этой главы видно, что русск. текстъ представляетъ болѣе древнюю редакцію, нежели Трапез. рук., которая какъ разъ въ этомъ мѣстѣ указываетъ на переработку текста.

Послѣдняя глава — „какъ побѣди Девгеній Василю царя“ — совершенно новый эпизодъ, не встрѣчающійся въ греч. текстахъ и греч. пѣсняхъ о Дигенисѣ. Соотвѣтств. мѣсто греч. рук. трактуетъ объ импер. Романѣ. И здѣсь, послѣ анализа, оказывается, что по редакціи русской текстъ передаетъ болѣе древній видъ повѣсти, нежели Трапез. рукопись, гдѣ Василій болѣе древняго пересказа замѣненъ уже имп. Романомъ, который не вступаетъ въ борьбу съ Дигенисомъ, какъ царь Василій, а наоборотъ принимаетъ его съ честью и награждаетъ.

Изъ всего разбора текста Малкова выходитъ: „Въ древней Россіи обращалось два независимыхъ одинъ отъ другого славяно-русск. перевода: одинъ представленъ текстомъ М.-Пушкина и Малкова, другой — текстомъ Пыпина. Переводы сдѣланы съ разныхъ редакцій греч. Дѣянія: Мус.-Пушкина — съ пространной, Пыпина — съ краткой. Текстъ М.-Пушкина представляетъ редакцію Дѣянія, которая превосходитъ древностью Трапезунд. текстъ и ближе, чѣмъ Трапезунд. текстъ, къ богатырскому типу народныхъ пѣсень. Отдѣльныя главы Дѣянія въ литературн. редакціяхъ памятника передаются различно; въ текстѣ М.-Пушкина и Малкова пересказъ отличается большей древностью и чистотою преданія. Это и даетъ особенное значеніе вновь найденнымъ отрывкамъ русскаго текста: они обогащаютъ исторію греческой поэмы новыми данными: 1) представляя, въ русскомъ переводѣ, такіе эпизоды греч. поэмы, которые пока не найдены; 2) сохраняя такія черты преданія, которыя стерты въ позднѣйшей обработкѣ поэмы, и 3) доказывая несомнѣнно существованіе болѣе древней редакціи поэмы, чѣмъ представляемая Трапезундской рукописью.“

5. В. М. Каллашъ сдѣлалъ сообщеніе *О Журитѣ*.

31.

23 ЯНВАРЯ. 11 ЧАСОВЪ ДНЯ.

Отдѣленіе I. Древности доисторическія.

Почетный Предсѣдатель Д-ръ Хегеръ.

Предсѣдатель Отдѣленія Проф. Д. Н. Анучинъ.

Секретарь Отдѣленія Н. Л. Гондатти.

Г. И. А. Хайновскій прочелъ: *Изслѣдованія кургана Сауръ въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи*. Представивъ Съѣзду окрашенные черепа и кости, найденные въ этомъ курганѣ, г. Хайновскій сравнилъ ихъ древность съ поставленнымъ рядомъ черепомъ скиѣскимъ изъ кургана Полтавской губерніи. Древность эта особенно сильно выразилась въ малой высотѣ лобной поверхности, въ совершенномъ отсутствіи чела, въ сильно выдающихся надбровныхъ дугахъ, въ большой мечевидности берцовыхъ костей и другихъ уклоненіяхъ отъ позднѣйшаго скиѣскаго типа. Осмотрѣвъ въ различныхъ европейскихъ музеяхъ антропологическія коллекціи древнихъ череповъ, равно какъ и коллекцію ученаго французскаго кранолога Топинара, на Всемирной Парижской выставкѣ, г. Хайновскій пришелъ къ убѣжденію, что найденный имъ черепъ болѣе всего подходитъ своимъ строеніемъ къ древнѣйшему черепу, какой до настоящаго времени найденъ въ Европѣ, близъ Дюссельдорфа, и, сообразно классификаціи Катрфажа и Гами, причисляетъ его къ первобытной Капштадской расѣ длинноголовыхъ. Далѣе, перечисляя соображенія всѣхъ археологовъ, видѣвшихъ окрашенные кости у насъ и подводя итоги этихъ соображеній, записанные въ дневникахъ раскопокъ, г. Хайновскій доказывалъ, что красившееся племя похоронено всегда въ материкѣ подъ насыпью кургановъ и могилы ихъ всегда поименованы въ этихъ дневникахъ древнѣйшими. Полное отсутствіе какихъ-либо предметовъ похороннаго обряда доказываетъ, что эти люди были въ дикомъ состояніи, подобно Ботокудамъ, живущимъ въ лѣсахъ Бразиліи, и, стоя за рубежомъ цивилизаціи, не умѣли производить никакихъ предметовъ украшенія, не знали ме-

талловъ и удовлетворялись каменными и глиняными издѣліями. Сдѣлавъ краткую характеристику этого племени, дошедшую къ намъ отъ Геродота, описавшаго походъ Дарія, царя Персидскаго въ Скиѳію, и разсказавъ свои наблюденія надъ первоначальнымъ видомъ постройки кургановъ красившимся племенемъ, г. Хайновскій убѣдился, что, какъ по расовымъ признакамъ, такъ и по типу похоронному, эти люди были древнѣйшими доселѣ извѣстными жителями Приднѣпровія, въ мало-русскихъ губерніяхъ. Объяснивъ, затѣмъ, значеніе красной окраски костей, которая по анализу оказалась водною окисью желѣза, и перечисливъ соображенія многихъ археологовъ, г. Хайновскій выражалъ убѣжденіе, что этотъ первобытный народъ окрашивалъ свои волосы на бородѣ и головѣ красною краской и одѣвался въ звѣриныя шкуры, дубленыя или выдѣланныя съ помощію той же окиси желѣза. Такъ какъ народъ этотъ хоронилъ своихъ покойниковъ въ томъ же одѣяніи и въ томъ же видѣ, какой они имѣли при жизни, то и въ находимыхъ могилахъ ихъ замѣчаютъ ту же окраску на костяхъ и прахъ отъ истлѣвшихъ звѣриныхъ шкуръ, которыми они покрывали свое тѣло. Въ заключеніе г. Хайновскій, начертивъ планъ вертикальнаго разрѣза кургана Сауръ, объяснялъ четыре періода его насыпки, соотвѣтственно четыремъ ярусамъ погребеній, опредѣляя вмѣстѣ съ тѣмъ причины, заставлявшія воздвигать громадныя курганы въ Приднѣпровіи и способъ, какимъ они строились.

2. Проф. В. Б. Антоновичъ сообщилъ за отсутствующую Е. Н. Мельникъ: *Стоянка и мастерская каменнаго вѣка у Днѣпровскихъ пороговъ*. Мѣстность, къ которой относится это сообщеніе, находится при впаденіи Суры въ Днѣпръ, между порогами Сурскимъ и Лоханскимъ. На поляхъ села Волосскаго находили много предметовъ каменнаго вѣка и въ томъ числѣ топоры. Существовали въ той мѣстности преданія, что въ окруженной скалами площадкѣ есть клады, и это имѣло своимъ послѣдствіемъ, что вся она изрыта кладоискателями. Изысканія археологическаго характера дали въ результатъ возможность заключить, что здѣсь находится стоянка и мастерскія каменнаго вѣка. Найдены черепки большихъ плохо обожженныхъ горшковъ изъ глины, кварца и толченыхъ раковинъ; черепки имѣютъ вдавленные и лѣпные орнаменты. Найдены также ножи, скребки и другіе предметы изъ кремня, каменныя стрѣлы, точильные камни,

полированные камни, употреблявшіеся для разныхъ назначеній и т. п. Найдены также нѣкоторые предметы изъ кости древней подѣлки.

3. А. А. Гатцукъ прочелъ докладъ: *Къ вопросу о скульптурѣ у древнихъ русскихъ племенъ*. Несмотря на отсутствіе, повидимому, вещественныхъ памятниковъ и письменныхъ свидѣтельствъ о скульптурѣ у древнихъ русскихъ племенъ, степень развитія и характеръ этой скульптуры могутъ быть болѣе или менѣе опредѣлены едва ли не легче, чѣмъ даже характеръ архитектуры храмовъ до-христіанскаго періода русской исторіи по существующимъ доселѣ древнимъ деревяннымъ храмамъ. Главною помощію къ опредѣленію скульптуры того времени можетъ служить изслѣдованіе рѣзанныхъ изъ дерева изображеній Св. Николая, извѣстныхъ подъ названіемъ *Николаы Можайскаго*. Типъ этого изображенія, съ мечомъ въ правой рукѣ и храмомъ въ лѣвой, не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ завезеннымъ къ намъ отъ Грековъ иконописнымъ изображеніемъ Св. Николая Мирликійскаго и есть несомнѣнно созданіе мѣстнаго русскаго творчества. Родина его— страна бывшихъ Вятичей, центральная Россія по рѣкѣ Окѣ, гдѣ язычество долѣе удерживалось въ своемъ чистомъ видѣ, чѣмъ въ другихъ краяхъ, гдѣ оно существовало даже въ началѣ XV вѣка. Нѣкоторыя изъ изображеній Николая Можайскаго несомнѣнно относятся къ началу XV и къ XIV вѣку и представляютъ незначительную передѣлку или даже простую подправку болѣе древнихъ оригиналовъ. Изслѣдованіе этихъ изображеній, распространившихся изъ центральной Россіи далеко на востокъ и сѣверъ, даетъ возможность прослѣдить, какъ подъ вліяніемъ византійскаго христіанства это изображеніе болѣе и болѣе измѣнялось, стремясь приблизиться къ иконописному изображенію корсунскаго типа, переходило въ горельефъ, въ барельефъ и наконецъ въ иконописное изображеніе. Въ скульптурномъ отношеніи древнѣйшія статуи изображенія Николая Можайскаго отличаются болѣе художественною выдержкой, позднѣйшія же XVI и XVII вѣка болѣе кропотливою обработкой и утратой художественнаго скульптурнаго творчества. Вообще, по мнѣнію референта, изслѣдованіе древнихъ статуиныхъ изображеній Николая Можайскаго можетъ быть чрезвычайно важно, какъ для исторіи русскаго

искусства, такъ и для опредѣленія изображеній языческихъ божествъ хотя одного изъ русскихъ племенъ.

4. В. И. Сизовъ прочелъ: *Дьяково городище подь Москвой и его отношеніе къ московскимъ и смоленскимъ курганамъ*. Честь перваго изслѣдованія Дьякова Городища принадлежитъ Д. Я. Самоквасову, который лѣтъ пятнадцать тому назадъ производилъ тамъ раскопки; но его раскопки въ видѣ двухъ пересѣкающихся канавъ углубились не болѣе двухъ аршинъ въ почву городища. Въ концѣ прошлаго лѣта случайно г. Сизову пришлось совершить прогулку въ это городище, и тогда обнаженные слои съ одной стороны показали ему, что глубина насыпнаго или культурнаго слоя была не менѣе двухъ сажень. Это обстоятельство заставило референта продолжать работу Д. Я. Самоквасова. Хотя работа его продолжалась всего три съ половиной дня, но она дала все-таки такого рода результаты, которые явились интересными и для Съезда. Энергичное содѣйствіе сотрудниковъ г. Сизова В. Н. Щепкина и Н. Н. Харузина много помогло успѣху изслѣдованій: референту удалось изслѣдовать, хотя и не на большомъ пространствѣ, всѣ слои городища, начиная съ самой грунтовой глины. Городище имѣетъ форму трехгранной призмы и составляетъ оторванную часть праваго крутого берега Москвы-рѣки. Въ самомъ нижнемъ слоѣ, лежащемъ на грунтовой глинѣ найдены слѣдующія вещи: костяная стрѣлка, коромысло изъ кости и отшлифованная изъ камня плитка, тоже въ видѣ коромысла; наконецъ, въ этомъ же слоѣ найдены были вещи съ сѣтчатымъ узоромъ архаическаго стиля. Слѣдующіе слои были бѣднѣе находками и только на глубинѣ отъ 1—2 аршинъ отъ поверхности число вещей, количество костей и въ особенности глиняныхъ черепковъ отъ посуды значительно увеличилось. Черепки находились въ большой массѣ и отличались разнообразіемъ орнаментовъ, но замѣчательно, что среди этой массы нашелся всего одинъ черепокъ, и то въ верхнемъ слоѣ, орнаментированный въ видѣ волнистой линіи, а такого рода орнаментъ, какъ извѣстно, признается за специфически славянскій. Вещи, найденныя здѣсь по своему характеру, напоминаютъ вещи изъ городищъ Вятской, Казанской и Пермской губерній, находящихся на выставкѣ. Таковы, напримѣръ, издѣлія изъ кости, металлическія пряжки, стекляныя золоченыя рѣпчатой формы бусы. Вещи, найденныя Д. Я. Самоквасо-

вымъ отличаются архаическимъ характеромъ и не могутъ быть отнесены къ X—XI вѣку; таковы, напримѣръ, бронзовыя шейныя гривны и подковообразная литая изъ бронзы фибула съ углубленіями для эмали. При сравненіи этихъ вещей съ вещами, добытыми изъ кургановъ Московской губерніи, нельзя не замѣтить, что характеръ послѣднихъ совершенно отличенъ отъ вещей городища: курганныя вещи вообще отличаются не только совершенно инымъ стилемъ, но и относятся къ болѣе поздней эпохѣ, а именно къ XI ст. *преимущественно*. Кромѣ сравненія отдѣльныхъ вещей, различіе это въ рѣзкой степени замѣчается и въ сосудахъ.

Принадлежность курганныхъ вещей къ XI ст., между прочимъ, подтверждается посредствомъ сличенія съ курганными вещами въ другихъ сосѣднихъ мѣстностяхъ—Смоленской, Владимірской, Тверской губерній, обозначенными определенной датой, благодаря находкамъ монетъ.

Такимъ образомъ, на основаніи высказанныхъ соображеній, В. И. Сизовъ предположительно высказалъ, что жители Дьякова Городища являются аборигенами подмосковной мѣстности и по стилю вещей сближаются съ жителями побережья Волги и Камы, то есть съ финскими народностями. Съ другой стороны, болѣе поздніе обитатели, насыпавшіе курганы, по характеру вещей и самого погребенія, сближаются болѣе со Славянами, что указываетъ на славянское вліяніе. Высказывая эти предположенія, которыя еще требуютъ большихъ наблюденій и фактовъ, В. И. Сизовъ напомнилъ мнѣніе А. П. Богданова о черепахъ курганнаго племени Московской губерніи: какъ извѣстно, А. П. Богдановъ наибольшее число череповъ Московской губерніи относитъ къ длинноголовому типу и рѣшительно отрицаетъ въ нихъ признаки финскаго племени. Въ этомъ отрицаніи, кромѣ своихъ собственныхъ наблюденій, онъ ссылается и на отзывъ Бера.

5. Д. Н. Анучинъ прочелъ *О культурныхъ вліяніяхъ на доисторической почвѣ Россіи.*

V.

23 января. 3 час. дня.

Засѣданіе Совѣта Съѣзда, подѣ председательствомъ Предсѣдателя Ученаго Комитета Проф. Д. Н. Анучина, въ присутствіи Предсѣдателя Распорядительнаго Комитета графини П. С. Уваровой, депутатовъ: В. Б. Антоновича, Д. И. Багалѣя, барона I. де-Бай, С. А. Бѣлокурова, Н. И. Веселовскаго, А. С. Гацискаго, А. К. Гейкеля, А. П. Голубцова, Н. Л. Гондатти, М. В. Готовицкаго, А. А. Дмитріевскаго, С. О. Долгова, И. Е. Забѣлина, В. З. Завитневича, Э. Картальяка, А. И. Кирпичникова, В. И. Колосова, Н. О. Красносельцева, О. Е. Корша, гр. Н. С. Ланскаго, И. А. Линниченко, А. Н. Львова, А. И. Маркевича, А. П. Мельникова, В. О. Миллера, П. Н. Милюкова, В. И. Модестова, А. В. Орѣшникова, А. М. Павлинова, Н. В. Покровскаго, кн. П. А. Путятина, И. В. Рождественскаго, А. В. Селиванова, А. О. Селиванова, В. И. Сизова, И. Н. Смирнова, О. И. Успенскаго, графа Л. де-Флѣри, И. В. Цвѣтаева, А. А. Цагарелли, И. А. Шлякова, кн. Н. С. Щербатова, Н. М. Ядринцева, Н. А. Янчука и Секретарей Съѣзда: В. К. Трутовскаго и С. С. Слуцкаго.

1. Доложены: письмо Предсѣдателя Съѣзда А. О. Бычкова изъ Спб. съ выраженіемъ благодарности за вниманіе, оказанное ему Съѣздомъ въ Москвѣ; телеграмма Министра Иностранныхъ Дѣлъ Н. К. Гирса и письма: Министра Финансовъ И. А. Вышнеградскаго, Московскаго Городскаго Головы Н. А. Алексѣева и Профессора В. О. Ключевскаго—съ благодарностью за избраніе въ Почетные Члены Съѣзда.

2. Обсуждались вопросы, отнесенные въ Совѣтъ Съѣзда постановленіями Общаго засѣданія 15 января и засѣданіями Отдѣленій,—по поводу докладовъ: а) П. Б. Мансурова—*Византія, Славянство и Россія (къ вопросу объ учрежденіи въ Константинополь Русскаго Ученаго Института)* и сопровождающаго докладъ сообщенія О. И. Успенскаго о проектѣ Института; б) В. И. Модестова: — *Одна изъ мѣръ*

5. Вопросъ объ очередномъ Международномъ Антропологическомъ и Первобытно-археологическомъ Създѣ, (который, по постановленію Парижскаго Международнаго Създа лѣтомъ 1889 года, предполагался въ Москвѣ въ 1892 г., при просьбѣ къ Предсѣдателю Императорскаго Археологическаго Общества графинѣ П. С. Уваровой принять на себя предсѣдательство въ Предварительномъ Комитетѣ)—*постановлено*: передать на обсужденіе Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

VI.

24 го января, въ 8 часовъ вечера, происходило заключительное Общее собраніе Създа. Зала засѣданій Създа наполнилась делегатами и членами Създа и стороннею публикой. За столомъ Совѣта и около него заняли мѣста предсѣдатели Распорядительнаго и Ученаго комитета Създа графиня П. С. Уварова и Д. Н. Анучинъ, попечитель учебнаго округа графъ П. А. Капнистъ, члены комитетовъ Създа, иностранные делегаты: графъ де-Флери, баронъ де-Бай, Э. Картальякъ, Дг. Гремплеръ, Дг. Хегеръ, почетные члены Създа: баронъ Э. А. Бюлеръ и И. Е. Забѣлинъ; передніе ряды стульевъ занимали Предсѣдатели отдѣленій Създа, депутаты Городской Думы и находящіеся еще въ Москвѣ профессора университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Засѣданіе открылось рѣчью предсѣдателя IX археологическаго отдѣленія Създа барона Э. А. Бюлера, который выразилъ благодарность членамъ Създа за дружелюбныя отношенія, установившіяся между Създомъ и Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, за дорогое вниманіе, оказанное лично барону Э. А. Бюлеру, затѣмъ охарактеризовалъ происхождение важнѣйшихъ Московскихъ архивовъ и то невѣжественное къ нимъ отношеніе, какое

они нѣкогда претерпѣли и выразилъ, въ заключеніе, пожеланіе успѣховъ дѣятелямъ археологіи и археографіи. Апплодисменты были отвѣтомъ на рѣчь барона О. А. Бюлера.

Затѣмъ на кафедрѣ взошелъ и произнесъ прощальную рѣчь делегатъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія Э. Картальякъ. Слѣдовала особо одушевленно принятая рѣчь другого делегата изъ Франціи, графа де-Флѣри, а затѣмъ произнесли рѣчи Дг. Гремплеръ и Дг. Хегеръ, делегаты изъ Берлина и Вѣны. Рѣчи первыхъ двоихъ произнесены были на французскомъ, а двѣ послѣднія на нѣмецкомъ языкахъ. Долгими рукоплесканіями всѣ присутствующіе привѣтствовали появленіе иностранныхъ депутатовъ на кафедрѣ и окончаніе каждой изъ ихъ рѣчей.

Затѣмъ предсѣдатель ученаго комитета Съѣзда, проф. Д. Н. Анучинъ, прочиталъ отчетъ о дѣятельности и работахъ настоящаго Съѣзда. Изложивъ исторію работъ предшествовавшихъ юбилею Московскаго Археологическаго Общества и устроеннаго по этому поводу въ Москвѣ Археологическаго Съѣзда, отчетъ особо отмѣчаетъ дорогое для Съѣзда отношеніе Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, съ Августѣйшею Супругою Великою Княгиней Елисаветой Ѳеодоровной, прибывшаго на открытіе Съѣзда, при чемъ Ихъ Высочества Августѣйшее вниманіе Съѣзду выразили, какъ присутствіемъ на юбилейномъ засѣданіи, открытіи Съѣзда и на первыхъ засѣданіяхъ отдѣленій, такъ и приглашеніемъ почетныхъ лицъ и депутатовъ Съѣзда къ двумъ обѣдамъ во Дворцѣ и предоставленіемъ, 12 января, 30 ложъ въ Большомъ Театрѣ для депутатовъ Съѣзда, при чемъ и сами Ихъ Высочества посѣтили этотъ спектакль. Далѣе отмѣчаются вниманіе и содѣйствіе Съѣзду со стороны почетнаго члена Съѣзда, московскаго генераль-губернатора князя В. А. Долгорукова, пригласившаго участниковъ Съѣзда на раутъ 14 января; субсидія Думы въ 2,500 руб., торжественный обѣдъ въ Думѣ отъ почетнаго члена Съѣзда, городского головы Н. А. Алексѣева; внимательное отношеніе попечителя учебнаго округа графа П. А. Капниста; услуги, оказанныя Съѣзду Историческимъ Музеемъ, въ коемъ дано было помѣщеніе для Съѣзда и Выставки, устроено электрическое освѣщеніе для вечернихъ засѣданій и оказывалось всякое содѣйствіе. Далѣе, въ отчетѣ упомянуты, какъ выра-

женіе сочувствія и содѣйствія Съѣзду. Выставка, устроенная барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ во вѣренномъ ему Архивѣ, предоставленіе ректоромъ Университета 100 билетовъ на торжественный актъ 12 января депутатамъ и членамъ Съѣзда, устройство Обществомъ Естествознанія особаго, въ честь Съѣзда, засѣданія съ рефератомъ, прибывшаго изъ далекой Сибири Н. М. Ядринцева и демонстраціей фонографа Эдиссона, даръ отъ этого же Общества депутатамъ Съѣзда—100 экземпляровъ трехъ сочиненій, безвозмездное печатаніе типографіей А. А. Гатцука „Извѣстій“ Съѣзда, подробное изложеніе редакціей „Московскихъ Вѣдомостей“ въ газетѣ сообщеній о занятіяхъ и рефератахъ Съѣзда и предоставленіе большинствомъ желѣзныхъ дорогъ льготъ для проѣзда участникамъ Съѣзда. Выразивъ всѣмъ этимъ учрежденіямъ и лицамъ благодарность Съѣзда, предсѣдатель ученаго комитета охарактеризовалъ далѣе успѣхъ Выставки и Съѣзда, превзошедшій прежніе археологическіе Съѣзды и Выставки, отмѣтилъ коллекціи, пожертвованныя, во время Съѣзда, Историческому Музею, и затѣмъ изложилъ отчетныя свѣдѣнія о настоящемъ Съѣздѣ, число членовъ коего достигло 380, при чемъ были депутаты отъ Академіи Наукъ, 7 университетовъ, Демидовскаго Лицея и Лазаревскаго Института, 3 духовныхъ академій, 17 ученыхъ обществъ, 7 архивовъ, 7 архивныхъ комиссій, 7 статистическихъ комитетовъ и другихъ учреждений. Общихъ собраній Съѣздъ съ 9 по 24 января имѣлъ три и засѣданій по 9 отдѣленіямъ 31, при чемъ сдѣлано 136 сообщеній. Затѣмъ приведены были состоявшіяся наканунѣ постановленія Совѣта Съѣзда о ходатайствахъ предъ правительствомъ и о созывѣ слѣдующаго Съѣзда въ 1893 году въ Вильнѣ. Въ заключеніе, проф. Д. Н. Анучинъ благодарилъ участниковъ Съѣзда за ихъ труды и просилъ извинить, если кто-либо изъ нихъ почему-либо, при спѣшной работѣ Съѣзда, остался чѣмъ либо неудовлетвореннымъ.

Затѣмъ на кафедре взошелъ депутатъ отъ Думы (городской голова находился въ Петербургѣ) профессоръ В. И. Герье и привѣтствовалъ графиню П. С. Уварову, какъ руководительницу работами Археологическаго Общества и Съѣзда.

Графиня П. С. Уварова взволнованно отвѣчала, что она принимаетъ все приписываемое ей лишь въ память покойнаго ея супруга, графа А. С. Уварова, и затѣмъ въ

рѣчи своей напомнила его значеніе и выразила благодарность всѣмъ, кто упомянуть въ отчетѣ ученаго комитета, а также проф. Д. Н. Анучину, много потрудившемуся для Съѣзда.

Послѣ этого къ столу подошла депутація отъ Съѣзда и поднесла графинѣ П. С. Уваровой художественно исполненную серебряную, окруженную эмальированною рамой, досщечку со словами: „Члены VIII Археологическаго Съѣзда выражаютъ глубокую признательность графинѣ П. С. Уваровой, за плодотворные труды на пользу отечественной археологіи и устройство Съѣзда и Выставки“ и съ выгравированными подъ нею подписями болѣе чѣмъ 150 депутатовъ и членовъ Съѣзда. При поднесеніи, профессоръ Н. В. Покровский произнесъ отъ лица Съѣзда рѣчь, съ выраженіемъ благодарности графинѣ П. С. Уваровой. Взрывы апплодисментовъ, которыми сопровождалась всѣ рѣчи, были особенно дружны и продолжительны при врученіи графинѣ П. С. Уваровой И. Е. Забѣлинымъ этого дара отъ Съѣзда.

Послѣ этого попечитель учебнаго округа, графъ П. А. Капнистъ, высказавъ, что министръ Народнаго Просвѣщенія возложилъ на него выразить глубокое сочувствіе трудамъ Съѣзда и пожеланіе всегдашняго Московскому Археологическому Обществу процвѣтанія, объявилъ VIII Археологическій Съѣздъ закрытымъ.

Депутаты и почетныя лица Съѣзда приглашены были затѣмъ на вечеръ и ужинъ у графини П. С. Уваровой.

По закрытіи Съѣзда, отъ имени всѣхъ присутствовавшихъ депутатовъ и членовъ Съѣзда, была послана Его Императорскому Высочеству Великому Князю Сергію Александровичу, Августѣйшему Почетному Предсѣдателю Съѣзда и Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Елисаветѣ Ѳеодоровнѣ телеграмма, съ выраженіемъ глубочайшей признательности Ихъ Высочествамъ за милостивое вниманіе, оказанное Съѣзду.

Въ отвѣтъ на это, на имя Предсѣдателя Распорядительнаго Комитета Съѣзда, графини П. С. Уваровой, Его Императорское Высочество соизволилъ прислать слѣдующую телеграмму:

„Великая Княгиня и Я отъ души благодаримъ Васъ, графиня Прасковія Сергѣевна, профес-

сора Анучина, и всѣхъ за добрую память и дорогое намъ вниманіе.

Сергій

На другой день, оставшіеся еще въ Москвѣ депутаты и члены Съѣзда, имѣя во главѣ графиню П. С. Уварову, совершили поѣздку въ Троице-Сергіевскую Лавру, гдѣ были крайне радушно встрѣчены о. намѣстникомъ Лавры, архимандритомъ Леонидомъ и всѣмъ духовенствомъ. Властями Лавры были приготовлены для прибывшихъ экипажи, благодаря чему имъ удалось обстоятельно осмотрѣть всѣ достопримѣчательности этой святыни. Кромѣ того, о. намѣстникъ предложилъ гостямъ прекрасный завтракъ, и на память о посѣщеніи, поднесъ различныя брошюры, посвященныя исторіи и древностямъ Лавры.

СПИСОКЪ

Членовъ VIII Археологическаго Съѣзда.

1. Абакумовъ Владиміръ Сергѣевичъ. (Москва).
2. Авенариусъ Николай Петровичъ. (Бѣлостокъ).
3. Айналовъ Д. В. (Петербургъ).
4. Акимовъ Владиміръ Николаевичъ. (Петербургъ).
5. Алексѣевъ Николай Александровичъ. (Москва).
6. Алексѣева Наталья Александровна. (Москва).
7. Антоновичъ Владиміръ Бонифатьевичъ. (Кіевъ):
8. Анучинъ Дмитрій Николаевичъ. (Москва).
9. Аппельротъ Владиміръ Германовичъ. (Москва).
10. Ардашевъ Николай Николаевичъ. (Москва).
11. Аркадьевъ Ельпидифоръ Ивановичъ. (Москва).
12. Арсеньевъ Василій Сергѣевичъ. (Москва).
13. Аспелинъ, проф. (Гельсингфорсъ).
14. Астаповъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ. (Москва).
15. Астровъ Николай Ивановичъ. (Москва).
16. Астровъ Александръ Ивановичъ. (Москва).
17. Аттая Михаилъ Осиповичъ (Москва).

18. Багалъй Дмитрій Ивановичъ. (Харьковъ).
19. Базинеръ Оскаръ Ѳедоровичъ. (Москва).
20. Бартенева Петръ Ивановичъ. (Москва).
21. Баснинъ Николай Васильевичъ. (Москва).
22. Бахметьевъ Василій Егоровичъ. (Симферополь).
23. Бахрушинъ Сергѣй Александровичъ. (Москва).
24. Бахрушинъ Алексѣй Александровичъ. (Москва).
25. Бахрушинъ Алексѣй Петровичъ. (Москва).

26. Бай баронесса I. де (M-me la Baronne J. de Baye).
(Парижъ).
27. Бай баронъ I. де (M-r le Baron J. de Baye). (Парижъ).
28. Безобразовъ Павелъ Владиміровичъ. (Москва).
29. Бензенгръ Василій Николаевичъ. (Москва).
30. Бестужевъ Рюминъ Константинъ Николаевичъ. (Ялта).
31. Бертъе-Делагардъ Александръ Львовичъ. (Севастополь).
32. Биддеръ Марія Эдуардовна. (Москва).
33. Благовѣщенскій Николай Михайловичъ. (Варшава).
34. Бобринскій, графъ Алексѣй Александровичъ. (Петер-
бургъ).
35. Богдановъ Анатолій Петровичъ. (Москва).
36. Богданъ Иванъ Ивановичъ. (Краковъ).
37. Боголюбова Анна Андреевна. (Москва).
38. Богословскій Николай Петровичъ. (Москва).
39. Бойе Поль (Paul Boyer). (Москва).
40. Бокъ Владиміръ Юрьевичъ. (Петербургъ).
41. Большаковъ Сергѣй Тихановичъ. (Москва).
42. Барщевскій Иванъ Ѳедоровичъ. (Ярославль).
43. Бочаровъ Николай Петровичъ. (Москва).
44. Бранденбургъ Николай Ефимовичъ. (Петербургъ).
45. Брандтъ Романъ Ѳедоровичъ. (Москва).
46. Будиловичъ Антонъ Семеновичъ. (Варшава).
47. Буренинъ Сергѣй Петровичъ. (Москва).
48. Быковскій Константинъ Михайловичъ. (Москва).
49. Бычковъ Аѳанасій Ѳедоровичъ. (Петербургъ).
50. Бычковъ Ѳедоръ Аѳанасьевичъ. (Ярославль).
51. Бѣлокуровъ Сергѣй Алексѣевичъ. (Москва).
52. Бѣляевъ Александръ Дмитриевичъ. (Сергіевъ Посадъ).
53. Бюлеръ баронъ Ѳедоръ Андреевичъ (Москва).
54. Бѣльченко Сергѣй Николаевичъ. (Курскъ).
55. Вакуловскій Николай Николаевичъ. (Петербургъ).
56. Василевъ Иванъ Ивановичъ. (Ломжа).
57. Вахрамѣевъ Иванъ Александровичъ. (Ярославль).
58. Веневитиновъ Михаилъ Алексѣевичъ. (Воронежъ)
59. Веніаминовъ Иванъ Николаевичъ. (Москва).
60. Веніаминова Елена Петровна. (Москва).
61. Веркмейстеръ Ѳедоръ Викентьевичъ. (Москва).
62. Вернандеръ Константинъ Романовичъ. (Москва).
63. Веселовскій Алексѣй Николаевичъ. (Москва).

64. Веселовскій Николай Ивановичъ. (Петербургъ).
65. Владиміръ, Архимандритъ. (Ярославль).
66. Вульфертъ Владиміръ Карловичъ. (Москва).

67. Гагарина Княжна Вириная Васильевна. (Москва).
68. Гамалѣя Аполлонъ Александровичъ. (Москва).
69. Гаркави Абрамъ Яковлевичъ. (Петербургъ).
70. Гатцукъ Алексѣй Алексѣевичъ. (Москва).
71. Гацискій Александръ Серафимовичъ. (Нижній-Новгородъ).
72. Гейзеринеръ Николай Ѳедоровичъ. (Москва).
73. Гейне Иванъ Ѳедоровичъ. (Москва).
74. Гейкель Аксель Карловичъ. (Гельсингфорсъ).
75. Георгіевскій Василій Тимофеевичъ. (Владиміръ).
76. Гиль Христіанъ Христіановичъ. (Петербургъ).
77. Гегеръ Францъ (Franz Heger). (Вѣна).
78. Гоздаво-Голомбѣвскій Александръ Александровичъ.
(Москва).
79. Головинъ Владиміръ Александровичъ. (Москва).
80. Голубцовъ Александръ Петровичъ. (Москва).
81. Голышевъ Иванъ Александровичъ. (с. Мстѣры, Вязни-
ковскаго уѣз., Владим. г.).
82. Гомановскій Сергѣй Николаевичъ. (Москва).
83. Гондатти Николай Львовичъ. (Москва).
84. Гончаревскій Максимилианъ Гордѣевичъ. (Москва).
85. Горбачевъ Викторъ Никитичъ. (Москва).
86. Горленко Василій Петровичъ. (ст. Дмитровка, Либ.-
Ром. ж. д.).
87. Городцовъ Василій Алексѣевичъ. (Рязань).
88. Горожанскій Николай Петровичъ. (Москва).
89. Готовицкій Михаилъ Викторовичъ. (Саратовъ).
90. Гремплеръ Вильгельмъ (Dr. W. Grempler). (Бреславль).
91. Григоровичъ Екатерина Александровна. (Москва).
92. Грингмутъ Владиміръ Андреевичъ. (Москва).
93. Гудовичъ Графиня Екатерина Васильевна. (Москва).
94. Гунстъ Анатолій Оттовичъ. (Москва).

95. Давыдовъ Павелъ Дмитріевичъ. (Кутаисъ).
96. Дзилиховъ Илья Базаевичъ. (Кутаисъ).
97. Дмитріевскій Алексѣй Аѳанасьевичъ. (Кіевъ).
98. Добрынкинъ Николай Гавриловичъ. (Муромъ).
99. Добринская Людмила Павловна. (Москва).

100. Долговъ Семень Осиповичъ. (Москва).
101. Долячко Брониславъ Антоновичъ. (Москва).
102. Доннеръ О. (Гельсингфорсъ).
103. Дриновъ Маринъ Степановичъ. (Харьковъ).
104. Дружининъ В. Г. (Петербургъ).
105. Дубасовъ Иванъ Ивановичъ. (Тамбовъ).
106. Дубинкинъ Константинъ Алексѣевичъ. (Москва).
107. Духовской Михаилъ Васильевичъ. (Москва).

108. Егоровъ Сергѣй Александровичъ. (Владиміръ).
109. Емельяновъ Николай Евстафьевичъ.
110. Еременко Петръ Митрофановичъ.

111. Жизневскій Августъ Казиміровичъ. (Тверь).

112. Забѣлинъ Иванъ Егоровичъ. (Москва).
113. Завитневичъ Владиміръ Зеноновичъ. (Кіевъ).
114. Зайцевскій Иванъ Михайловичъ. (Москва).
115. Зарѣцкій Иванъ Антоновичъ. (Полтава).

116. Ивановъ Иванъ Александровичъ. (Тверь).
117. Ивановскій Алексѣй Арсеньевичъ. (Москва).
118. Истринъ Василій Михайловичъ. (Москва).

119. Каллашъ Владиміръ Владиміровичъ. (Москва).
120. Канановъ Георгій Ильичъ. (Москва).
121. Карелинъ Андрей Осиповичъ. (Москва).
122. Карзинкинъ Александръ Андреевичъ. (Москва).
123. Карнѣвъ Александръ Дмитріевичъ. (Москва).
124. Картальякъ Эмилъ (E. Cartailhas). (Тулуза).
125. Карѣва. (Петербургъ).
126. Карѣвъ Николай Ивановичъ. (Петербургъ).
127. Кельцевъ Сергѣй Андреевичъ. (Москва).
128. Кельцева Анна Васильевна. (Москва).
129. Кизеветтеръ Александръ Александровичъ. (Москва).
130. Кирпичниковъ Александръ Ивановичъ. (Одесса).
131. Кирьяковъ Степанъ Григорьевичъ.
132. Князевъ Алексѣй Андреевичъ.
133. Коврайскій Ѳедоръ Ѳедоровичъ. (Москва).
134. Кожевниковъ Алексѣй Яковлевичъ. (Москва).
135. Козляниновъ Ѳедоръ Григорьевичъ.

136. Колосовъ Владиміръ Ивановичъ. (Тверь).
137. Коленскій Василій Николаевичъ. (Петербургъ).
138. Кондаковъ Никодимъ Павловичъ. (Петербургъ).
139. Константиновскій Иванъ Васильевичъ. (Москва).
140. Копьевъ Яковъ Александровичъ. (Москва).
141. Корсунскій Николай Николаевичъ. (Ярославль).
142. Коршъ Ѳедоръ Евгеньевичъ. (Москва).
143. Кочубинскій Александръ Александровичъ. (Одесса).
144. Красносельцевъ Николай Ѳомичъ. (Одесса).
145. Кречетовъ Петръ Никитичъ. (Москва).
146. Кугушевъ Князь Алексѣй Петровичъ. (Москва).
147. Кужба 2-ой Николай Ильичъ. (Городня).
148. Кукинъ Иванъ Семеновичъ. (Москва).
149. Кулаковскій Юліанъ Андреевичъ. (Варшава).
150. Кункинъ Іоасафъ Яковлевичъ.
151. Купріановъ Николай Александровичъ.
152. Кучукъ-Іоаннесовъ Христофоръ Ивановичъ. (Москва).
153. Курскій Губернскій Статистическій Комитетъ.

154. Лавровъ Петръ Алексѣевичъ. (Москва).
155. Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ.
156. Ланговой Александръ Петровичъ (Москва).
157. Ланской Графъ Николай Степановичъ. (Петербургъ).
158. Ласковскій Василій Павловичъ. (Череповецъ).
159. Лашкаревъ Петръ Александровичъ. (Кіевъ).
160. Лашковъ Николай Аполлоновичъ. (Петербургъ).
161. Лашковъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ. (Симферополь).
162. Лебедевъ Дмитрій Петровичъ. (Москва).
163. Лебедевъ Иванъ Алексѣевичъ. (Москва).
164. Линниченко Иванъ Андреевичъ. (Москва).
165. Лихачевъ Андрей Ѳедоровичъ. (Казань).
166. Лихачевъ Иванъ Ѳедоровичъ. (Парижъ).
167. Лихачевъ Николай Петровичъ. (Петербургъ).
168. Лопаревъ Хрисанфъ Меѳодіевичъ. (Петербургъ).
169. Лучицкій Иванъ Васильевичъ. (Кіевъ).
170. Львовъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ. (Москва).
171. Львовъ Аполлиарій Николаевичъ. (Петербургъ).
172. Лѣнивовъ Андрей Николаевичъ. (Москва).
173. Любовичъ Николай Николаевичъ. (Варшава).

174. Малкіель Марья Самойловна. (Москва).

175. Маринъ Александръ Антоновичъ. (Рязань).
176. Маркевичъ Алексѣй Ивановичъ. (Одесса).
177. Марси графъ де (Comte de Marcy). (Парижъ).
178. Масловъ Ѳедоръ Ивановичъ.
179. Матвѣевъ Антонъ Александровичъ. (Одесса).
180. Мейнгардтъ Александръ Адольфовичъ. (Москва).
181. Мейнгардтъ Георгій Александровичъ. (Москва).
182. Мельгуновъ Петръ Павловичъ. (Москва).
183. Мельниковъ Андрей Павловичъ. (Нижній-Новгородъ).
184. Меморскій Александръ Михайловичъ. (Нижн.-Новгородъ).
185. Мещериновъ Александръ Григорьевичъ. (Москва).
186. Миллеръ Всеволодъ Ѳедоровичъ. (Москва).
187. Милюковъ Павелъ Николаевичъ. (Москва).
188. Миротворцевъ Аѳанасій Львовичъ. (Нижній-Новгородъ).
189. Митинъ Иванъ Ивановичъ. (Москва).
190. Митропольскій Ѳедоръ Никитичъ. (Москва).
191. Михайловскій Викторъ Михайловичъ. (Москва).
192. Модестовъ Василій Ивановичъ. (Одесса).
193. Молчановъ Владиміръ Евграфовичъ.
194. Мошнина Ольга Владиміровна. (Москва).
195. Муркосъ Георгій Абрамовичъ. (Москва).
196. Мѣржинскій Антонъ Ѳаддѣевичъ. (Варшава).

197. Наумовъ Василій Петровичъ. (Зарайскъ).
198. Незеленовъ Александръ Ильичъ. (Петербургъ).
199. Некрасовъ Иванъ Степановичъ. (Одесса).
200. Никитинъ Николай Васильевичъ. (Москва).
201. Никифоровъ Василій Николаевичъ. (Александрія, Херс.
губерніи).
202. Никольскій Дмитрій Петровичъ. (Петербургъ).
203. Никольская Анастасья Ѳеофилактовна (Москва).
204. Никольскій Михаилъ Васильевичъ: (Москва).
205. Никольскій Семень Яковлевичъ. (Петербургъ).
206. Новиковъ Иванъ Алексѣевичъ. (Москва).
207. Новицкій Алексѣй Петровичъ. (Москва).
208. Носъ Андрей Евдокимовичъ. (Москва).

209. Оберъ Александръ Лаврентьевичъ. (Москва).
210. Овчинниковъ Михаилъ Васильевичъ. (Нижній Новгородъ).
211. Оглоблинъ Николай Николаевичъ. (Москва).
212. Орѣшникова Елена Дмитріевна. (Москва).

213. Орѣшниковъ Алексѣй Васильевичъ. (Москва).
214. Осиповъ Павелъ Васильевичъ.
215. Осокинъ Николай Алексѣевичъ. (Казань).
216. Оссовскій Готфридъ Юсифовичъ. (Краковъ).
217. Остенъ-Сакенъ Баронъ Ѳедоръ Романовичъ. (Петер-
бургъ)
218. Островскій Петръ Николаевичъ. (Москва).
219. Павинскій Адольфъ Ивановичъ. (Варшава).
220. Павлиновъ Андрей Михайловичъ. (Москва).
221. Павловскій Алексѣй Андреевичъ. (Петербургъ).
222. Перетятковичъ Егоръ Ивановичъ. (Одесса).
223. Пермяковъ Николай Ефремовичъ.
224. Пермяковъ Сергѣй Ефремовичъ.
225. Петровскій Сергѣй Александровичъ. (Москва).
226. Петровъ Андрей Николаевичъ. (Петербургъ).
227. Платоновъ Сергѣй Ѳедоровичъ. (Петербургъ).
228. Поливановъ Владиміръ Николаевичъ. (ст. Водорѣцкая,
Симб. г.)
229. Поливановъ Александръ Петровичъ. (Ниж. Новгородъ).
230. Поляковъ Михаилъ Лазаревичъ. (Москва).
231. Помяловскій Иванъ Васильевичъ. (Петербургъ).
232. Покровскій Николай Васильевичъ. (Петербургъ).
233. Попандопуло Василій Константиновичъ. (Москва).
234. Поповъ Александръ Петровичъ. (Москва).
235. Поповъ Николай Александровичъ. (Москва).
236. Поповъ Нилъ Александровичъ. (Москва).
237. Поповъ Максимъ Ефимовичъ. (Москва).
238. Посниковъ Николай Михайловичъ. (Москва).
239. Посниковъ Алексѣй Николаевичъ. (Москва).
240. Посниковъ Николай Николаевичъ. (Москва).
241. Преображенскій Петръ Алексѣевичъ. (Москва).
242. Протасова Александра Васильевна. (Москва).
243. Путятинъ Князь Павелъ Арсеневичъ. (ст. Бологое).
244. Работкинъ Юлій Ивановичъ.
245. Раевскій Николай Ивановичъ.
246. Разцвѣтовъ Александръ Павловичъ. (Москва).
247. Ребець Софья Андреевна. (Симферополь).
248. Ребець Францъ Яковлевичъ. (Симферополь).
249. Римскій - Корсаковъ Александръ Александровичъ.
(Вильна).

250. Рождественскій Иванъ Викторовичъ¹ (Москва).
251. Рождественскій Сергѣй Викторовичъ. (Москва).
252. Розень баронъ Викторъ Романовичъ. (Петербургъ).
253. Романовъ Николай Ильичъ. (Москва)
254. Романовъ Евдокимъ Романовичъ. (Витебскъ).
255. Россеттеръ Николай Ѳедоровичъ. (Москва).
256. Россинскій Дмитрій Михайловичъ. (Москва).
257. Руссовъ Александръ Александровичъ. (Харьковъ).
258. Рутковская Марья Брониславовна. (Москва).
259. Рутковскій Болеславъ Владиславовичъ. (Москва).
260. Рѣдинъ Егоръ Кузьмичъ. (Петербургъ).
261. Рѣпинъ Валентинъ Иліодоровичъ.
262. Саблинъ Михаилъ Алексѣевичъ. (Москва).
263. Савва Архіепископъ Тверской. (Тверь).
264. Савельевъ Александръ Александровичъ. (Нижній Новгородъ).
265. Саковъ Ставро Елевтеріевичъ. (Москва).
266. Салтыкова-Головкина Княгиня Екатерина Алексѣевна.
(Москва).
267. Самоквасовъ Дмитрій Яковлевичъ. (Варшава).
268. Сапуновъ Алексѣй Парѳеновичъ. (Витебскъ).
269. Сафоновъ Василій Сергѣевичъ.
270. Селивановъ Александръ Ѳедоровичъ. (Петербургъ).
271. Селивановъ Алексѣй Васильевичъ. (Рязань).
272. Семевскій Михаилъ Ивановичъ. (Петербургъ).
273. Сементовскій-Курилло Александръ Максимовичъ. (Полоцкъ).
274. Серебрякова Анна Николаевна. (Москва).
275. Серебрякова Елизавета Петровна. (Москва).
276. Сизовъ Владиміръ Ильичъ. (Москва).
277. Силинъ Иванъ Лукичъ. (Москва).
278. Силинъ Елисѣй Ивановичъ. (Москва).
279. Скадовскій Георгій Львовичъ. (Херсонъ).
280. Скаржинская Екатерина Николаевна. (Лубны).
281. Слуцкій Сергѣй Сергѣевичъ. (Москва).
282. Смирновъ Иванъ Николаевичъ. (Казань).
283. Смирновъ Яковъ Ивановичъ. (Петербургъ).
284. Смородскій Александръ Павловичъ. (Минскъ).
285. Соболевскій Алексѣй Ивановичъ. (Петербургъ).

286. Соболевъ Михаилъ Ивановичъ.
287. Соколовъ Владиміръ Дмитріевичъ. (Москва).
288. Соколовъ Матвѣй Ивановичъ. (Москва).
289. Соколовъ Петръ Павловичъ. (Москва).
290. Соколовъ Ѳедоръ Андреевичъ. (Москва).
291. Соловейчикъ Илья Исидоровичъ. (Москва).
292. Соловьева Вѣра Алексѣевна. (Москва).
293. Сонни Адольфъ Израилевичъ. (Харьковъ).
294. Сперанскій Михаилъ Несторовичъ. (Москва).
295. Станкевичъ Алексѣй Ивановичъ. (Москва).
296. Стржиговскій Юсіфъ (Dr. I. Strzygowski). (Вѣна).
297. Сторожевъ Василій Николаевичъ. (Москва).
298. Струковъ Дмитрій Михайловичъ. (Москва).
299. Струковъ Николай Дмитріевичъ.
300. Субботинъ Николай Ивановичъ. (Сергіевъ Посадъ).
301. Султановъ Николай Владиміровичъ. (Петербургъ).
302. Сумцовъ Николай Ѳедоровичъ. (Харьковъ).
303. Суручанъ Иванъ Кассіановичъ. (Кишиневъ).

304. Тарновскій Василій Васильевичъ.
305. Теплоуховъ Ѳедоръ Александровичъ. (с. Ильинское,
Перм. г.).
306. Фонъ-Тизенгаузенъ баронъ Владиміръ Густавовичъ.
(Петербургъ).
307. Тимофеевъ Сергѣй Павловичъ. (Москва).
308. Тимошевскій Григорій Ивановичъ. (Симферополь).
309. Титова Глафира Андреевна. (Ростовъ В.).
310. Титовъ Андрей Александровичъ. (Ростовъ В.).
311. Тихановъ Павелъ Никитичъ. (Петербургъ).
312. Токмаковъ Иванъ Ѳедоровичъ. (Москва).
313. Толмачевъ Николай Александровичъ. (Казань).
314. Толстой Александръ Васильевичъ. (Сызрань).
315. Толстой Графъ Иванъ Ивановичъ. (Петербургъ).
316. Третьяковъ Алексѣй Антоновичъ. (Москва).
317. Троицкій Николай Ивановичъ. (Тула).
318. Трутовская Александра Владиміровна. (Москва).
319. Трутовскій Владиміръ Константиновичъ. (Москва).
320. Тураева Ксенія Андреевна. (Петербургъ).
321. Тураевъ Борисъ Александровичъ. (Петербургъ).

322. Уварова Графиня Прасковья Сергѣевна. (Москва).

323. Уварова Графиня Прасковья Алексѣевна. (Москва).
324. Уварова Графиня Екатерина Алексѣевна. (Москва).
325. Уваровъ Графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ. (Москва.)
326. Уляницкій Владиміръ Антоновичъ. (Москва).
327. Успенская Надежда Эрастовна. (Одесса).
328. Успенскій Ѳедоръ Ивановичъ. (Одесса).
329. Ушаковъ Дмитрій Алексѣевичъ. (Москва).
330. Флѣри Графиня Л.де (M-me la Comtesse L.de Fleury)
(Кемпа).
331. Флѣри Графъ Л.де (Comte L.de Fleury). (Кемпа).
332. Флоринскій Тимофей Дмитріевичъ. (Кіевъ).
333. Фогель Владиміръ Карловичъ. (Москва).
334. Фортинскій Ѳедоръ Яковлевичъ. (Кіевъ).
335. Халатьянцъ Григорій Абрамовичъ. (Москва).
336. Харузина Вѣра Николаевна. (Москва).
337. Харузина Елена Николаевна. (Москва).
338. Харузинъ Алексѣй Николаевичъ. (Москва).
339. Харузинъ Николай Николаевичъ. (Москва).
340. Хахановъ Александръ Соломоновичъ. (Москва).
341. Хвольсонъ Даниль Абрамовичъ. (Петербургъ).
342. Хайновскій Іосифъ Адамовичъ. (Кіевъ).
343. Холмогоровъ Василій Ивановичъ. (Москва).
344. Холщевниковъ Павелъ Васильевичъ. (Ярославль).
345. Цагарели Александръ Антоновичъ. (Петербургъ).
346. Цингеръ Владиміръ Гавриловичъ. (Москва).
347. Цвѣтаевъ Дмитрій Владиміровичъ. (Варшава).
348. Цвѣтухинъ Иванъ Николаевичъ. (Москва).
349. Чекалинъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ. (Кузнецкъ).
350. Челищевъ Григорій Ѳедоровичъ. (Петербургъ).
351. Черкасовъ Борисъ Ивановичъ.
352. Черкасова Марья Васильевна.
353. Четыркинъ Иванъ Даниловичъ. (Калуга).
354. Чижовъ Николай Ефимовичъ. (Одесса).
355. Чикуанова Ольга Александровна.
356. Чистоклѣтовъ Григорій Григорьевичъ.
357. Чичаговъ Дмитрій Николаевичъ. (Москва).
358. Чураковскій Юрій Константиновичъ. (Грозный).

359. Шабельская Наталья Леонидовна. (Москва).
360. Шабельская Наталья Петровна. (Москва).
361. Шабельская Варвара Петровна. (Москва).
362. Шефферъ Валеріанъ Александровичъ. (Москва).
363. Шварцъ Александръ Николаевичъ. (Москва).
364. Швенцеровъ Павелъ Александровичъ. (Москва).
365. Шибановъ Павелъ Петровичъ. (Москва).
366. Шкляревскій Александръ Орестовичъ. (Москва).
367. Шляковъ Иванъ Александровичъ. (Ростовъ Великій).
368. Шмурло Евгений Францовичъ. (Петербургъ).
369. Шпилевскій Сергѣй Михайловичъ. (Ярославль).
370. Шредеръ-фонъ Леопольдъ. (Дерптъ).
371. Шуваловъ Алексѣй Ивановичъ. (Москва).
372. Щепкина Е. Н. (Петербургъ).
373. Щепкинъ Вячеславъ Николаевичъ. (Москва).
374. Щербатова Княгиня Софья Александровна. (Москва).
375. Щербатовъ Князь Николай Сергѣевичъ. (Москва).
376. Щербачевъ Андрей Владиміровичъ (Москва).
377. Эварницкій Дмитрій Ивановичъ. (Петербургъ).
378. Эйнгорнъ Виталій Осиповичъ. (Москва).
379. Янчукъ Николай Андреевичъ. (Москва).
380. Ястребовъ Владиміръ Николаевичъ. (Елисаветградъ).
381. Яшуржинскій Хрисанъ Петровичъ. (Симферополь).

87

9.13

20577c

3 0112 078702849

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF ILLINOIS AT
URBANA-CHAMPAIGN